

Александр Мурин

*Записки
капельского
сверчка*

Александр Мурин

Записки капелльского сверчка

Санкт-Петербург
2017

ББК 63.3(2)6-7
УДК 82-94(47)
М 91

Мурин, А. А.

М 91 Записки капелльского сверчка / Александр Мурин. —
Санкт-Петербург:
ООО «ИПК НП-Принт», 2017. — 216 с., ил.
ISBN 978-5-901724-38-5

«Записки капелльского сверчка» — третья книга рассказов известного петербургского музыканта, педагога, хормейстера, историка, краеведа, радиожурналиста Александра Алексеевича Мурина (р. в 1936 г.). За свою творческую жизнь он публиковался в журналах «Нева», «Автобус», «Искорка», «Петербургский театральный журнал», провел многочисленные радиопередачи в циклах «Прогулки по Петербургу», «Андреевский флаг», «Мифы и легенды Ленинграда-Петербурга», «Хоровые вечера». Окончив Хоровое училище при Капелле и Консерваторию, как хормейстер работал с известными ленинградскими коллективами, встречался, общался, дружил со многими знаменитыми людьми XX века. Они и стали героями новой книги Александра Алексеевича.

Наряду с историями о музыкантах, капелланах и родных автора, мы узнаем его с новой стороны — как переводчика, художника, карикатуриста. В книге чередуются забавные случаи и полные трагизма эпизоды, оживают давно ушедшие имена, персонажи и истории.

На обложке:

М. И. Глинка. Рисунок Н. А. Степанова (1840 г.)

«Так М. И. во время оно предводительствовал придворными певчими».

(Н. А. Степанов, А. С. Даргомыжский и поэт-переводчик В. С. Курочкин были создателями журнала «Искра», где публиковались сатирические стихи и рисунки. Журнал издавался в Петербурге, в доме 30 по Моховой улице. Н. А. Степанов был мужем сестры А. С. Даргомыжского Софьи Сергеевны.)

ББК 63.3(2)6-7
УДК 82-94(47)

ISBN 978-5-901724-38-5 © А. А. Мурин, М. А. Мурина, 2017

Вступление

Сверчок

На антресолях, как сверчок,
Сидит румяный старичок.
Всю жизнь крутился, как волчок,
Свой фрак запрятал в сундучок,
Повесил лапти на крючок,
Сам завалился на бочок.
О чем он думает? – Молчок!
Об этом знает лишь сверчок!

2016 год

Капеллане

Иллюстрация Боклевского к басне И. А. Крылова
«Музыканты».

Александр Сергеевич Дмитриев

Хоровое училище при Ленинградской капелле носило все черты мальчишечьей бурсы. Пай-мальчишки на концертной сцене в повседневной жизни были в основном хулиганистыми подростками. В коридорах и классах спонтанно возникали драки, играли в ножички, «длинную лошадь», тряпичным мячиком в «маялку», в «угадайку», отбивая до красных мозолей ладошки. Но любимым занятием у проказников был футбол. Гоняли в мяч в первом дворе, бросив в гарь и пыль вместо ворот объемистые с книгами и нотами школьные портфели. Носились до седьмого пота, до ссадин и травм. После учителя и воспитателя еще долго выгребали остатки капелльского чернозема из-под ногтей будущих народных артистов. Но зато с каким энтузиазмом возбужденные и покрасневшиеся симоняны и дементьевы пилили в классах на уроках свои скрипки и дубасили пассажи на старых роялях. Часть педагогов на наши футбольные экзерсисы нещадно ругались, другие смотрели на это благосклонно. Помню, пришел на занятие по дирижированию к профессору Г. А. Дмитриевскому, а тот задает вопрос:

– Ну-с! С каким счетом вчера сыграла в футбол команда города Калинина?

Я назвал результат. Педагог просветлел и добавил:

– Ну, теперь давай заниматься!

И полились звуки свадебного хора из оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин»: «Разгулялися, разливались!».

Капелланин Саша Дмитриев, что был на два класса старше меня, разительно выделялся из этой массы. Он был всегда элегантно одет. Отутюженные брюки, белоснежная рубашка, галстук, под курточкой мягкий джемпер. Всех нас стригли под горшок с челкой, а у него была модная с пробором прическа, над которой колдовал знакомый фигаро. Это позднее я узнал, что за внешним видом Саши и его отца Сергея Васильевича неустанно следила мама Мария Александровна. Даже портфель с нотами и книгами был у него особенный, и ребятам не приходило в голову бросить его в пыль.

Отец Саши был ударником в знаменитом оркестре Мравинского. Мы, капелльские пацаны, на хоровых репетициях в Большом зале Филармонии, пока музыканты в перерыве удалялись в курилку сыграть «блиц» в шахматы, норовили «случайно» задеть медную тарелку или щелкнуть по большому барабану, за что получали по шее от рабочего, что расставлял на сцене инструменты, и от библиотекаря, что выкладывал на пулты партии.

А еще у Александра Дмитриева был уникальный слух. Он слышал и запоминал, казалось, все звуки окружающего мира. Это заметил художественный руководитель Капеллы профессор Г. А. Дмитриевский. В письме к жене в Москву он писал: «Училище проверено мною досконально. Среди капелльских мальчишек есть настоящие соловьи, без всякого преувеличения. Имеются мальчишки с абсолютным слухом, а один из них – пистолет лет десяти – имеет моцартовский слух. Для него нет предела количества воспринимаемого. Я приказал, чтобы с ним занимались по фортепиано ежедневно!».

Позднее, когда я занимался в Консерватории по аранжировке у старого профессора А. А. Егорова, ученика А. К. Лядова, он часто говорил:

– Подобный слух и память, как у Дмитриева, были у композитора А. К. Глазунова!

В капелльской школе, помимо фортепиано, были обязательными занятия по скрипке. Саша освоил инструмент так виртуозно, что учителя ставили его в пример. Мой педагог, концертмейстер оркестра радио С. А. Аркин говорил назидательно:

– Вот вы все пилите хрестоматию Фесечко, а Дмитриев уже играет этюды Крейцера!

В 1953 году Александр Дмитриев с отличием окончил училище и поступил в Консерваторию на два факультета: теоретико-композиторский (класс профессора Ю. Н. Тюлина) и дирижерско-хоровой (класс профессора Г. А. Дмитриевского).

Но через три месяца, 2 декабря, на генеральной репетиции Реквиема Берлиоза в зале Капеллы на сцене скончался от разрыва сердца наш любимый учитель, у которого в капелльской школе я осваивал азы дирижирования. Дмитриева передали

в класс Е. П. Кудрявцевой, у которой он еще в Капелле штудировал предмет «Чтение хоровых партитур». Именно в эти годы семья Дмитриевых сдружилась с нашей семьей. Сергей Васильевич был любитель и знаток хохм, розыгрышей и смачных анекдотов. А мой отец, военный инженер Алексей Григорьевич Мурин, составлял ему компанию. Когда они заводились, Мария Александровна стыдила:

– Ну, Сережа, Алексей Григорьевич! Постеснялись бы Елизавету Петровну!

Вот фрагменты писем мамы к нам в Ленинград из Кисловодска, где она лечилась в санатории, а оркестр Мравинского давал концерты и отдыхал: «16-го августа была в концерте. Дирижировал Арвид Янсонс. Оркестранты, увидав меня, от радости чуть не откачали мою персону. Я была усажена на самое почетное место. Ты был прав, говоря в шутку, что за мною будут следить сто человек из оркестра... Была у Дмитриевых. Встретили очень радушно. У Саши гипс сняли, ходит без палочки, но еще прихрамывает. Угощали меня на убой... Вчера вечером была страшная гроза. Она застала меня у Дмитриевых. Надо было видеть меня при возвращении в страшный ливень. Я была в мужских ботинках, в плаще и накрыта клеенкой. Сергей Васильевич примерно в таком же наряде! Я возвращалась спеша, так как ровно в одиннадцать часов закрывается дверь в санаторий и все гуляки остаются на воздухе. Дежурный врач был умилен моим видом и даже не ругался за довольно поздний час... Вечером обычно меня навещают Дмитриевы и утаскивают к себе в совершенно сказочный освещенный электрическим светом сад. Пьем чай и даже играем в дурака, слушая доносящиеся звуки концертов Филармонии... Сегодня уезжают Дмитриевы. Они любезно предложили взять посылку. Укладывали и упаковывали яблоки и груши вместе... Они хорошие, простые и добрые люди!»

Вот от кого у Александра Дмитриева генетически русская доброта и порядочность! Особенно близкими отношения сложились, когда мама получила квартиру на набережной Невки в конце улицы Зелениной, а в начале перспективы, у «Великана», жили Дмитриевы. Вот тост отца на встрече Нового года:

Истекший год прошел отлично,
И, подымая свой бокал,
Скажу стихами непременно,
О чем бы прозой не сказал.
Начну с Дмитриевых пары,
Поведаю вам от души,
Вот только Сани нету с нами,
Все трое вместе хороши.
Мужчины все по заграницам
Музыкой удивляют взор,
Старшой утер нос литавристам,
Меньшой же – Главный дирижер!
Вот только Машеньке родимой
Все годы только и забот,
Чтобы «мальчишки» были в форме,
А о себе? – Наоборот!..

В 1957 году в Ленинградской консерватории был объявлен конкурс по дирижированию оркестром и хором кантатой П. И. Чайковского «Москва». Дело в том, что наши коллективы должны были представлять искусство Ленинграда в столице на Всемирном фестивале молодежи и студентов. Победил студент хорового факультета двадцатидвухлетний Александр Дмитриев. В эти же дни для поездки в Москву готовился и вокальный ансамбль «Дружба», созданный из студентов-хоровиков Александром Броневицким. С ними должен поехать и Саша Дмитриев. Но, катаясь на лыжах, он налетел на сосну и получил сложный перелом ноги.

В 1958 году Александр Дмитриев с отличием заканчивает два факультета Консерватории. На государственном экзамене он дирижирует двумя своими опусами: хором «Песня» на стихи Кольцова и аранжировкой «Паваны» Равеля для хора и флейты.

В том же году добрейший руководитель студенческого оркестра Консерватории Н. С. Рабинович берет А. С. Дмитриева, «сыночка Лизы» (так в шутку он называл Сашу), в свой аспирантский класс. В 1961 году он же рекомендует Александра в Симфонический оркестр Карельского радио, где тот вскоре становится главным дирижером. В 1966 году Дмитриев – лауреат

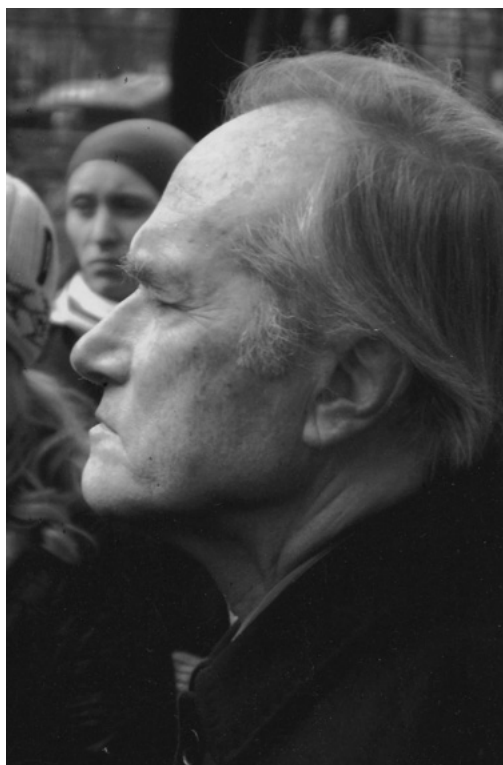
Всесоюзного конкурса дирижеров в Москве. Уважаемое жюри особо отметило его трактовку сюиты Равеля «Дафнис и Хлоя». Замечу, любовь к французским композиторам сохранилась у дирижера в дальнейшем. На сегодня А. С. Дмитриев является лучшим интерпретатором этой музыки среди европейских дирижеров.

Стажировка в Вене в Академии музыки придала молодому дирижеру тот европейский лоск, который отличает его от многих местных маэстро.

Новый этап в творчестве Александра Сергеевича – руководство (1971–1977) Ленинградским академическим Малым театром оперы и балета. Каждая работа в этом коллективе становилась событием в музыкальной жизни не только нашего города. Здесь проявились и композиторские таланты Дмитриева. Он создает из нескольких сочинений Глюка сочинение «Эфигения в Тавриде», «уплотняет» с разрешения автора Родиона Щедрина оперу «Не только любовь» и, наконец, воплощает грандиозное полотно – шедевр Бориса Тищенко, балет «Ярославна». Напомню, режиссером спектакля был легендарный создатель «Таганки» Юрий Любимов, балетмейстером – Олег Виноградов, в главной партии – Никита Долгушин, литературным консультантом – академик Дмитрий Лихачев.

На эту премьеру, как у нас часто бывает, набросилась толпа «околомузыкальных» жучков. Но им в ответ холодным душем статья Д. Д. Шостаковича, в которой великий композитор, памятуя, что в 30-е годы театр был «лабораторией советской оперы», пишет: «Дело Смолича и Самосуда (руководителей театра в 30-х годах) достойно продолжает А. С. Дмитриев и его единомышленники».

Параллельно с театром А. С. Дмитриев – ассистент Е. А. Мравинского в его знаменитом оркестре. Великий маэстро берет молодого дирижера на гастроли в Европу, доверяет проводить концерты. Зарубежная пресса в статьях о Мравинском не обходит вниманием и молодого дебютанта. Именно Е. А. Мравинский рекомендует его на пост руководителя-дирижера в Академический оркестр Филармонии, тот самый коллектив, что исполнил в блокадном Ленинграде 9 августа 1942 года «Ленинградскую

А. С. Дмитриев на открытии памятника Е. П. Кудрявцевой на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря. 21 октября 2007 года

симфонию» Д. Д. Шостаковича. С тех пор вот уже более чем за сорок лет Александр Сергеевич Дмитриев провел сотни и сотни концертов, как у нас в стране, так и за рубежом, десятки и десятки премьер, и каждая была событием.

Наш капелланин, народный артист СССР, лауреат многочисленных премий, профессор Петербургской консерватории А. С. Дмитриев, как всегда, подтянут и молод, радует всех своим великим искусством. Когда он выходит на сцену Филармонии, у меня в памяти возникает образ худенького мальчика с неизменной скрипочкой, что спешит на занятия по капелльскому двору.

10 марта 2016 года

Дмитрий Георгиевич Китаенко

Щен

Над нашей коммуналкой на Мойке, 20 была квартира солиста Придворной певческой капеллы Михаила Анисимовича Юдина. Он участвовал в знаменитом квартете, в который помимо него входили бас-профундо Петр Константинович Левандо, Никифор Михайлович Оверко, Александр Александрович Фрунза. Ансамбль выступал с концертами в Зимнем, Гатчинском и Павловском дворцах в присутствии государя Николая II и сопровождал его в заграничных поездках.

Ко времени описываемых мною событий (то есть после ленинградской блокады) в квартире обитала его вдова Анна Дмитриевна Юдина со вторым мужем Георгием Ивановичем Китаенко, что вернулся из сталинских «солнечных» лагерей и служил в каком-то КБ. У них был сынишка Дима, который одно время для пущей безопасности носил фамилию Юдин. Дима выгуливал в капелльских дворах малюсенькую собачонку, и мальчишки дали ему прозвище Щен.

Став знаменитым дирижером, Дмитрий Китаенко подписывался в письмах к своему учителю Елизавете Петровне Кудрявцевой неизменно: «Щен-китайчик».

В капелльских квартирах, как и во многих окрестных домах, было печное отопление, и осенью дворы покрывались поленницами дров, которые запасливые жители покупали на складах города.

В один из дней водитель капелльской полуторки Степан Змеев предложил маме, дирижеру Капеллы, привезти дров. Мы приехали на склад, что раскинулся в конце Барочной улицы близ Малой Невки. Вместе с водителем забросали в кузов трехметровые белоснежные березовые стволы. В левом капелльском дворе аккуратно сложили их горкой у нашего подъезда, под окнами квартиры хориста, баса Василия Николаевича Воробьева, пообещав в выходные распилить, расколоть и спрятать в подвал, где в бывшем в блокаду бомбоубежище у нас был свой отсек-сарай. В узкие окна с Мойки через решетки дул постоянно невский ветерок, который быстро высушивал поленья. Первый обильный

снег засыпал наши березы, и пацаны на санках лихо пикировали с них вниз. Залез на горку и малыш Щен. Два раза скатился удачно, а на третий поленница развалилась, и один ствол ударил Диму по ноге. Крики. Поиски виноватого. Им оказался я. Плохо закрепил поленницу. Анна Дмитриевна долго потом дулась и ворчала на меня...

Быстро промелькнули школьные годы. Родители решили, что мне и Диме на будущее следует укреплять организмы, подорванные войной, активной физкультурой. И началось! Каждое утро я выбегал на Певческий мост и разбойничьим посвистом в четыре пальца будил друга. Тот, уже первокурсник Консерватории, нехотя покидал теплую постель и, продирая спросонья глаза, присоединялся ко мне. Мы бежали трусцой по маршруту: Дворцовая площадь, Дворцовый мост, стрелка Васильевского острова, деревянный мост Строителей. На пляже Петропавловской крепости омывали разгоряченные наши тела в тогда чистой Неве и тикали обратно через Кировский мост, по набережной Невы и Зимней канавке на Мойку.

Позднее Дмитрий Китаенко, став дирижером в Москве, признавался:

– Эх, Саня, мне так сегодня не хватает наших пробежек!

Окончив Хоровое училище, Дима поступил в Консерваторию в класс Е. П. Кудрявцевой, затем аспирантура в Москве, победа на Первом международном конкурсе Герберта Караяна в Западном Берлине, стал всемирно известным дирижером, народным артистом СССР. С Вальтером Фельзенштейном в Москве и Берлине поставил авторскую версию (с разговорными диалогами) оперы Жоржа Бизе «Кармен», возглавлял симфонический оркестр Московской филармонии, получил на Западе прозвище среди дирижеров Русский Караян. Ныне живет в Швейцарии, в горах, рисует для души натюрморты, выступает по всему миру как дирижер. Так, с Кельнским симфоническим оркестром исполнил и записал на диски все пятнадцать симфоний Д. Д. Шостаковича, семь симфоний С. С. Прокофьева и двадцать семь симфоний Н. Я. Мясковского.

В 2015 году ему исполнилось 75 лет. В последний приезд в наш город Дмитрий Георгиевич Китаенко забрал из старой квартиры

Дима Китаенко. Рисунок А. Мурина. 1960-1961 гг.

на Мойке два самых дорогих сердцу предмета – хрустальную люстру и портрет молодой красавицы в золоченой раме (портрет мамы Анны Дмитриевны Юдиной в молодости).

Жаль, что такой большой талант не востребован на Родине и пополнил список русских изгоев: Рахманинова, Гречанинова, Метнера, Стравинского, Шаляпина, Ростроповича, Кондрашина... И этот список, к сожалению, нескончаем. Жаль!

10 июля 2015 года

Николай Иванович Кунаев

Подарок

У моей мамы, Елизаветы Петровны Кудрявцевой-Муриной, в Консерватории на дирижерско-хоровом факультете в 50-х годах прошлого века занимался Коля Кунаев.

Его светские, изысканные манеры выдавали достойное домашнее воспитание. Он был всегда элегантно, модно одет, а небесного цвета голубые глаза завораживали сердца многих и многих девиц. Да к тому же его, отличника, ребята избрали секретарем комсомольской организации вуза.

Встретив меня осенью на капелльском дворе, он сказал:

– Я слышал, что ты увлекаешься фотографией? Не хочешь поснимать со мной виды Ленинграда? Тогда бери отцовский «ФЭД» и дуй в Консу в выходной!

Мы встретились на Театральной площади у памятника Глинке.

– Будем снимать храмы и церкви! – безапелляционно заявил Коля.

– Надо так надо! Снимем! – ответил я.

Первым объектом был Никольский морской собор, спрятавшийся в глубине сада, и знаменитая колокольня, отраженная в Крюковом канале. Пешком прошли к Исаакию.

– А маятник Фуко надо запечатлеть? – задал я вопрос.

– Экономь пленку! Фуко перебьется! – получил в ответ.

По набережной Мойки и через переулок вышли на Сенную площадь. От рыбного магазина «Океан» сняли панораму: идущий трамвай и Спас на Сенной с обшарпанными стенами, срубленными крестами, что смотрел на мир пустыми глазницами выбитых окон.

Мы доехали до Марсова поля и зафиксировали Храм на Крови с огромными дырами в куполах от фашистских бомб.

– На сегодня хватит! – заметил Коля и добавил: – В выходной встретимся на Марата, у музея Арктики.

В следующее воскресенье я долго дожидался Кунаева у музея. Знал, что до революции в нем была Никольская церковь старообрядцев, в которой крестились и молились мои предки

Мурины. Пришел Коля, и мы сделали несколько удачных кадров, через пару домов, на углу Стремянной, шелкнули Троицкую церковь, из которой, как тараканы, выбегали ребята и девчата с теннисными ракетками. Следом – Спасо-Преображенский собор, окруженный трофейными турецкими пушками, и Троицкий собор на Измайловском с сине-грязными куполами. Любопытство меня распирало, и я спросил о цели съемок.

– Придешь ко мне домой на Суворовский, проявлю пленки, напечатаю фотографии, тогда и узнаешь! – ответил друг.

Через неделю мы с отцом, Алексеем Григорьевичем Муриным, инженером секретного военного завода, приехали к Кунаевым. Нас встретила приветливо мама Николая милейшая Нина Александровна. Коля достал толстую папку «Кодак» с нашими фото. Размер поражал – 20х30 см. И стал выставлять одну за другой работы на столешницу у старого белого кафельного камина. Оказалось, что он без меня умудрился сделать фото-панорамы Петра и Павла в Петропавловской крепости, «Кулич и Пасху» в Рыбацком, Смоленский собор, Владимирскую церковь, где расположилось какое-то КБ, руины храмов Новодевичьего монастыря на Московском проспекте, занятых... архивом Октябрьской революции. Причем Николай на фото прикрывал дыры в куполах, обвалившуюся штукатурку и срубленные кресты кроваво-желтой осенней листвой деревьев. На черно-белых отпечатках еще рельефнее проступал этот траурно печальный цвет...

Мы тогда и подумать не могли, что через несколько лет многие шедевры, запечатленные нами, во времена безбожника Хрущёва, что обещал «показать последнего попа», будут безжалостно взорваны...

Пришел со службы отец Коли, как мне показалось, старичок, с аккуратной профессорской бородкой. Он и раскрыл секрет нашей фотосессии.

Дело в том, что в наш город с пасторским визитом прибывает Патриарх всея Руси Алексий I (Симанский), и ему решили подарить альбом с нашими работами. Тут матушка Коли пригласила всех в столовую:

– Прошу откусать, гости дорогие, чем Бог послал!

Налили в рюмки 40-градусную.

– А тебе, Мурочка, нельзя! Нам влетит от мамы Лизы, если узнает! – констатировал Коля.

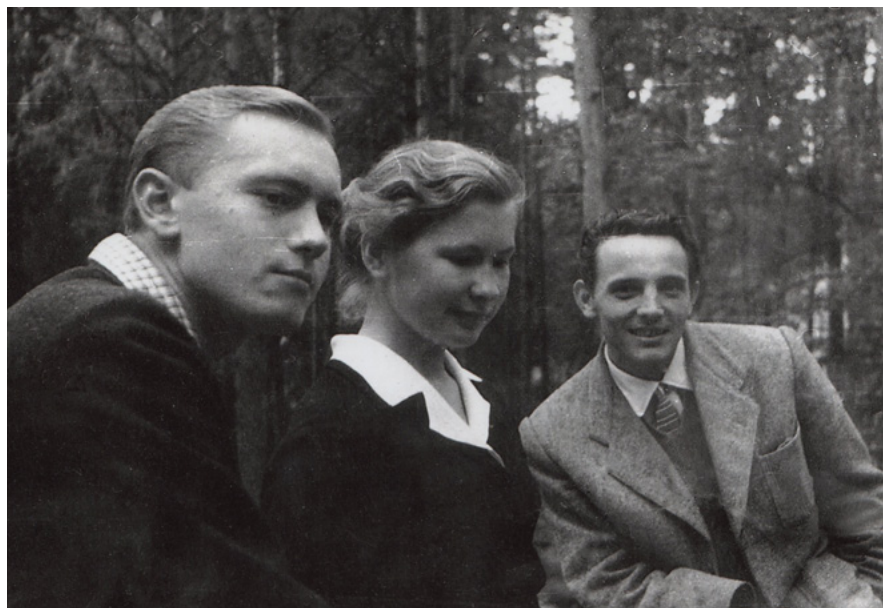
Когда мы с отцом возвращались домой в капелльскую коммуналку на Мойке, 20, он заметил:

– А ты, сынок, видно, не знаешь, что Колин отец Иван Федорович служит священником в Спасо-Преображенском соборе. А квартира Кунаевых до революции принадлежала русскому критику, создателю и вождю «Могучей кучки» Владимиру Васильевичу Стасову.

Я от удивления аж рот раскрыл. Позднее в книге по истории русской музыки я наткнулся на старинное фото – Стасов, Кюи, Мусоргский, Бородин, Римский-Корсаков, Репин в окружении породистых дам в длинных платьях стоят у того самого камина, на котором Коля показывал фотки!

На выпускном экзамене в Консерватории Николай Кунаев получил пятерку с плюсом и красный диплом, а его отец Иван

А. Мурин, Е. Мурина, Н. Кунаев в Репино, в гостях у Е. П. Кудрявцевой в Доме творчества композиторов. 1958 год

Федорович подарил учителю сына, Е. П. Кудрявцевой, редкость – первое юргенсоновское издание духовных концертов Д. С. Бортнянского под редакцией П. И. Чайковского.

Николай Иванович Кунаев несколько десятков лет возглавлял Ансамбль песни и пляски Ленинградского военного округа, выступал с ним по СССР и за рубежом, получил высокое звание народного артиста России. Через его ансамбль прошли сотни и сотни ныне известных всему миру певцов, танцоров, оркестрантов, и, конечно, «у Кунаева» «косили» от обычной армии хормейстерами многие мамы консерваторские ученики от Александра Пустовалова до Андрея Петренко.

20 ноября 2015 года

Алексей Михайлович Степанов

Алешенька

Из Москвы пришло в марте 2015 года печальное известие – после продолжительной тяжелой болезни скончался дирижер Большого театра, заслуженный артист России Алексей Михайлович Степанов. Мы, его друзья в Петербурге, знали, что он мужественно переносит тяжелую болезнь (инсульт). За его жизнь боролись жена, дочь, артисты из Большого театра, многочисленные почитатели таланта и капелланы. К нему уже вернулась речь. Он с трудом с палочкой ходил по квартире... Но недуг – победил!

Я вспоминаю Лешу еще малышом, капелльским воспитанником. По окончании Хорового училища моя мама, Елизавета Петровна Кудрявцева, взяла его в свой дирижерский консерваторский класс. Застенчивым студентом он появился в Хоре любителей пения при Капелле. Заступил хормейстером после Димы Китаенко. Вскоре за ним уехал в Москву, где занимался в Консерватории у замечательного профессора Л. М. Гинзбурга, встал за пульт Большого театра, рядом с такими корифеями, как Е. Ф. Светланов и Г. Н. Рождественский. В свои спектакли (Глинка «Жизнь за царя», Мусоргский «Борис Годунов»,

Римский-Корсаков «Садко» и «Китеж») А. М. Степанов как истинно верующий человек привносил христианскую искренность, за что неоднократно получал благословение от Патриарха всея Руси Алексия II, посещавшего театр. Алексей писал в Ленинград-Петербург «маме Лизе» полные юмора и самоиронии письма. Когда Елизавета Петровна Кудрявцева в 2003 году сломала шейку бедра и болезнь на два года обездвижила ее, она разрешала навещать себя трем любимым ученикам: Александру Дмитриеву, Вадиму Пчелкину и Алексею Степанову. В последний приезд в 2004 году Леша привез бутылку дорогого зарубежного вина. Мама приказала открыть, и все пригубили напиток. Гость подробно рассказывал о «московских делах», о маминых учениках, как всегда образно и весело.

Алеша нежно заботился о своей родной маме Валентине Филипповне, которая оставалась одна в Петербурге и служила администратором в Капелле. Вспоминаю ее в окошечке с надписью «Касса», всегда стремительную, готовую выписать пропуск-контрамарку на концерт на лучшие места. Разговор был чаще всего о сыночке, что был от нее далеко в столице. Это позднее я узнал, что это за мужественная женщина! Оказалось, что за всю ленинградскую блокаду она с мужем Михаилом Степановым дала сотни концертов на фронте. Акробатический дуэт Степановых был необычайно популярен.

Перед началом форсирования Невы и штурм наших войск по прорыву блокады Ленинграда в январе 1943 года командующий приказал дать концерт перед бойцами. На помост грузовика вышли гимнасты Степановы. На Михаиле спортивный костюм, на Валентине лишь цирковые атрибуты, прикрывавшие тело. Стоял трескучий мороз под 30 градусов. Когда спортсмен отпускал ногу или руку партнерши, на них оставался след, как от ожога. Бойцы в ватниках, ушанках, маскхалатах, сбросив варежки, хлопали артистам, кричали «Браво!». Но встал командующий и сказал:

– Если артисты такое могут сделать! А мы, что, хуже? За Родину! За Ленинград! За наших Артистов! В бой!

А после блокады в 1948 году у Степановых появился сыночек... Лешенька!

Вот откуда была у Алексея Михайловича Степанова неистребимая воля к жизни, любовь к Родине и к Русской Музыке!

Так пусть тебе, дорогой Алешенька, на небесах будет спокойствие и хор ангелов пусть поет песнопения, которые ты так любил на земле!

Март 2016 года

Звезда по имени Евгений Колобов

Евгений Колобов – яркая звезда, которая до обидного мало сияла на нашем музыкальном небосклоне.

В капелльской школе его учитель по дирижированию В. А. Васильев на государственном экзамене в 1963 году, наклонившись к председателю комиссии профессору Е. П. Кудрявцевой, тихо сказал:

– Мама Лиза! Обратите внимание на этого парня! Уж больно талантлив Женья Колобов!

А дальше с Мойки, 20 начался стремительный взлет.

Уральская консерватория, Оперный театр в Свердловске, через некоторое время он уже в Ленинградском театре оперы и балета имени Кирова. Колобов – отражение главного дирижера Юрия Темирканова. В основных постановках «Пиковая дама», «Евгений Онегин» Чайковского, «Война и мир» Прокофьева, «Мертвые души» Щедрина, «Петр Первый», «Пушкин», «Маяковский начинается» Петрова, в балетах, после премьер он дублирует своего шефа. Даже пиджак на репетициях набрасывает на плечи, не вдевая в рукава, как Юрий Хатуевич. И вдруг уходит из театра по собственному желанию, без скандалов и конфликтов. Через некоторое время Колобов в московском театре имени Станиславского и Немировича-Данченко. И тут вскоре космический музыкальный скандал на всю Россию! Евгений покидает театр и уводит с собой большую часть труппы, оркестр, молодых певцов и даже главного бухгалтера, поверивших в своего музыканта-вождя. Без театрального помещения, казалось, без перспектив, но при поддержке мэра Москвы Ю. Лужкова, он созидает по крупницам здание «Новой оперы».

О творческих работах «колобовского» театра заговорила столица, потом страна, а следом мир! Это явление Автора в искусстве сравнимо пожалуй с БДТ Товстоногова и с «Таганкой» Любимова. Евгению предлагают дирижировать в Японии концертом трех великих теноров (Каррераса, Доминго, Паваротти). Другой бы бросил все и на крыльях полетел делать себе мировой имидж. А Колобов в ответ:

– Не могу! Занят в театре!

Приме, что крутила на репетиции 32 фуэте и прервала движение фразой: «Маэстро! Нельзя ли помедленнее?» – ответил:

– Я? Могу помедленнее! А вот Чайковский не может!

И в этом весь Колобов, который всегда на первое место ставил автора-творца, потому что сам был творцом. На сцене театра происходило чудо. У слушателя было полное ощущение, что присутствуешь на первом авторском исполнении музыки Моцарта, Россини, Чайковского. Такова сила внушения гениального дирижера! Масштаб его таланта можно сопоставить, пожалуй, с личностью неповторимого Константина Симонова, которому также часто сильные мира сего подрубали крылья.

В театральной версии в «Новой опере» Реквиема Моцарта у Колобова по сцене под гениальную музыку двигаются белые ангелы. И вдруг один из них отрывается от тверди и взлетает в финале к небесам... Так и сам Евгений Колобов, сиявший ярко, как полночная звезда, озарил нас своим гениальным светом и взлетел на небеса.

Как-то мне попался рисунок 1940 года на тезку Колобова, гениального Евгения Александровича Мравинского, и подпись под ним:

Судьба Евгения хранила,
Лауреатом нарекла,
Его за пультом вдохновила
Вершить достойные дела!

Эти строки могли быть и эпитафией Евгению Колобову.

Нет в живых многих капельльских однокашников Евгения Колобова. Ушли в мир иной Николай Драницын, Равиль Мартынов,

Михаил Виноградский, не дожившие до нашей «профсоюзной» пенсии.

Видимо, Господь забирает в свои кущи самых талантливых и самых достойных!

21 января 2016 года

Александр Емельянович Никлусов

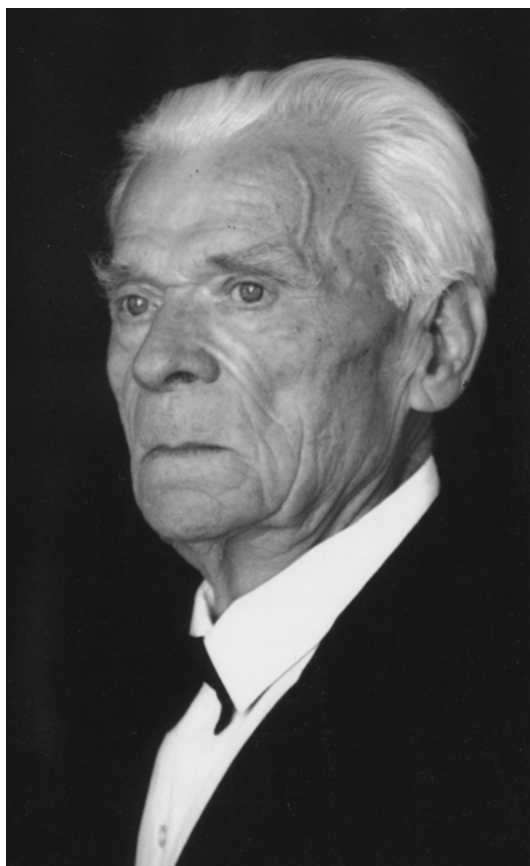
Никлусыч

Никлусыч – так за глаза величали мы, бывшие капелльские салажата, нашего любимого Учителя, профессора Александра Емельяновича Никлусова. Также называли его и хористы Оперной студии Консерватории, где он более полувека был главным хормейстером, и поклонники его таланта в Академическом хоре Дома культуры Ильича на Московской заставе, созданном им еще в 30-е годы.

Небесного цвета добрые глаза, неторопливая тихая речь, неуклюжая походка очаровывали каждого с первой встречи. С ним можно было делиться самыми сокровенными тайнами, которых не скажешь порой даже самому близкому другу.

Дирижерский жест Никлусова был необычайно скуп и одновременно наполнен такой внутренней энергией, что заставлял безоговорочно подчиняться. Из слабеньких, порой даже «ущербных» хористов (голосистые, породистые оседали, как правило, в Кировском, Малом оперном театрах, в Капелле) Александр Емельянович мог вытащить нужный ему звук и силу. Поэтому его коллективы всегда успешно справлялись с самыми сложными произведениями. Достаточно вспомнить звучание хора в операх «Фауст» Гуно, «Евгений Онегин» Чайковского, «Русалка» Даргомыжского в Оперной студии или исполнение «Цыган» Шумана и сцен из русских опер в самодеятельном коллективе ДК Ильича.

Никлусов мастерски владел фортепиано, и мы порой заслушивались в классе, где они с другом-концертмейстером Давидом Григорьевичем Клеймицем на двух роялях выделявали

А. Е. Никлузов, профессор Консерватории, главный хормейстер Оперной студии. 2000 г.

виртуозные чудеса под наши угловатые телодвижения, ныне именуемые «мануальной техникой». Из класса А. Е. Никлусова вышли первоклассные мастера, дирижеры, хормейстеры: Игорь и Валерий Мертенсы, Владислав и Александр Чернушенко, Андрей Чистяков, Владимир Рылов, Татьяна Немкина, Владимир Максимков, Иван и Сергей Федосеевы, Николай Драницын, Леонид Петров и др.

О многом в облике Учителя я рассказал в эссе «Гущара» в книге «Как очевидец», изданной в 2011 году. Гущара – капельское прозвище Никлусова с далеких 20-х годов прошлого

А. Е. Никлусов и А. Мурин. Проводы в деревню А. Е. Никлусова. 1958 г.

века. Далее поведаю о новых фактах из долгой жизни любимого Учителя, что обнаружил в последние годы, уже после его ухода в 2005 году.

В 1917 году тетушка, технический работник Капеллы, привела семилетнего Сашу на Мойку, 20. Он был принят в знаменитый хор Петроградской капеллы и попал под обаяние двух замечательных регентов, Палладия Андреевича Богданова (Паллаши) и Михаила Георгиевича Климова (Клементия). Чтобы наверстать отставание по фортепиано, Саша ночами запирался в дальний класс капелльского интерната и, нажав левую педаль

инструмента, упорно повторял и повторял трудные пассажи, пока они не подчинялись его воле. Через год строгая училка, что ставила вопрос о его профнепригодности, вывела ученику пять с плюсом. Рядом в старших классах Музыкального техникума Капеллы (бывшие регентские классы Придворной капеллы) подрастали его друзья Костя и Паша Симеоновы, Петя и Лиза Кудрявцевы, Женя Студенцов, Паша Орехов. В 1928 году А. Е. Никлусов окончил Капеллу и, выручая друга-однокашника Костю Симеонова, уехал в Лугу, где несколько лет преподавал пение в школе и руководил хором в клубе. В начале 30-х годов он поступает в Консерваторию в дирижерский класс легендарного руководителя Капеллы профессора М. Г. Климова, а после его смерти в 1937 году заканчивает аспирантуру по классу профессора А. А. Егорова (к слову, тоже капелланина, ученика А. К. Лядова). Спустя многие годы А. Е. Никлусов в сборнике «Хоровые деятели в Ленинградской консерватории» напишет обстоятельную статью об А. А. Егорове.

Грянула советско-финская кампания 1940 года. Пройдя краткосрочные курсы, Никлусов стал командиром орудия. В этой,

А. Е. Никлусов – командир орудия, рядовой. Финская компания. 1940 г.

так называемой неизвестной войне на полях Карельского пере-
шейка погибли тысячи и тысячи наших воинов. Их косили на-
павал не только финские пулеметы на линии Маннергейма, но
и лютый мороз. Александр Емельянович уцелел, но отморозил
ноги и попал в госпиталь (вот откуда его «медвежья» походка).
Его комиссовали, выдали белый билет. Вскоре грянула ленин-
градская блокада. Никлусов дежурит на крыше Консерватории.
Тушит с Д. Д. Шостаковичем, М. С. Друскиным зажигательные
бомбы. Как и все горожане, он, его жена и маленький сыниш-
ка хлебнули лиха и горя. В конце декабря 1941 года трех уми-
рающих дистрофиков через Ладогу по Дороге жизни вывезли
на Большую землю и через всю страну в солнечный Ташкент,
где была в эвакуации Ленинградская консерватория. С тех пор
А. Е. Никлусов более полувека служит хоровому делу, музы-
ке, Оперной студии, Консерватории. Много тяжелых ударов
нанесла ему судьба: умер молодым единственный сын, геолог,
не перенесла утраты жена, а Никлусыча спасли от традицион-
ной русской напасти (водки) работа, музыка, верные друзья...

Господь послал ему спутницу второй половины жизни Люд-
милу Андреевну, что опекала своего Александра Емельяновича
до последней минуты...

1 февраля 2005 года на девяносто шестом году А. Е. Никлусо-
ва не стало.

От имени Консерватории я составил некролог и послал его
в газеты «Известия» и «Культура». В те скорбные дни мы «торго-
вались» с кладбищенскими «товарищами» о захоронении наше-
го Учителя. Их начальник, естественно, за «капусту» согласился
совершить печальный ритуал, но предупредил: «Принесите ве-
сомую бумагу с работы покойного! Мне для отчета!» Я обратил-
ся с этим к новому ректору, что был прислан к нам из Москвы,
композитору А. В. Чайковскому. Тот распорядился указать все
заслуги покойного. И, не глядя, подписал бумагу. Кладбищен-
ский начальник прочел ее и с удивлением воскликнул: «Это
что?! Тот, самый Чайковский?» Я подтвердил.

Вопрос с захоронением был решен.

Расскажи это кому-нибудь – не поверят! Такова наша жизнь!
На надгробии, под портретом Учителя, я попросил скульптора

выбить строку поэта А. К. Толстого и мелодию С. И. Танеева из кантаты «Иоанн Дамаскин»: «Иду в неведомый мне путь, иду без страха и сомненья...» Так, без страха и сомненья прожил свою долгую жизнь наш Никлусыч. А мы, его ученики, сохраним память о нем в наших сердцах!

25 ноября 2015 года

Делопроизводитель

Е. С. Хомутенко

На фото Карла Буллы начала XX века запечатлены у царского подъезда певчие Придворной капеллы, ее руководители во главе с графом А. Д. Шереметьевым, ученики регентских классов, знаменитые регенты, учителя. Среди них сидит маленький горбатенький человечек – это делопроизводитель хора Евдоким Степанович Хомутенко. О нем мой рассказ.

После блокады мама, дирижер Капеллы, получила две служебные комнатухи в коммуналке на Мойке, 20, на втором этаже, с видом на Дворцовую площадь. Соседом по лестничной площадке и был старый капеллан, пенсионер, бывший царский служака Е. С. Хомутенко. Капельские пацаны побаивались его мистического вида и скрипучего визгливого высокого голоса. А прочитав «Собор Парижской Богоматери» Виктора Гюго, мысленно приписывали ему черты героя романа, горбуна Квазимодо. Завидев старика во дворе, старались быстренько «смыться» с глаз долой. Его жена Полина Гавриловна была довольно тучной женщиной с двумя подбородками и с выпученными от базедовой болезни глазами. Она приютила четырех бездомных маленьких собачек, и, когда выводила их на прогулку, они издавали нестройный лай и тянули хозяйку в разные стороны. Она напоминала ямщика, что гонит за поводья взмыленных лошадей. За глаза дворовые хулиганы звали ее Жабой. Как-то Алька Шак и Юрка Трошенкин убедили меня, дурня, что Жабиных собачек зовут Абси, Руси, Кренди, Лями. И когда их вывели на очередную прогулку, я и ляпнул.... Слава богу, Полина Гавриловна была глуховата и не расслышала мою тираду. А собачонки залаляли, поняв, что рыжий молокосос их дразнит.

У стариков Хомутенко была приемная дочка-сирота Нина, которая прожила свой век старой девой.

В 1949 году одноклассник Андрюха Титов (Титыч) бросил в Вадьку Суханова (Сухана) мой тяжелый школьный портфель, в котором помимо тетрадей, учебников были два старых клавира «Жизнь за царя» Глинки и «Князь Игорь» Бородина, попал в старую дверь с матовым стеклом с царским гербом и надписью «КАНЦЪЛЯРИЯ». В разбитом проеме появился лик директора училища Роберта Игнатьевича Савейко. Он изрек басом:

– Что, голюбки, кокнули реликвию? Кто это сотворил?

Ребятам здорово попало.

Хомутенко, встретив меня на лестнице, с укоризною заметил:

– Стекло две мировые войны, две революции, всю блокаду выстояло, а шалопаи-бандиты разбили! Жалко!

Оказалось, наш класс на первом этаже, налево от входа, был тем местом, где долгие годы корпел над капелльскими

бумагами делопроизводитель Е. С. Хомутенко. К нему с почтением обращались граф А. Д. Шереметьев, А. С. Аренский, Х. Н. Гроздов, П. А. Богданов, М. Г. Климов, Н. М. Данилин, А. Г. Чесноков, А. В. Свешников и другие сотрудники...

Вот какие воспоминания навеял старый снимок.

9 октября 2015 года

Дворник дядя Паша

Капелльский детектив

В капелльских подвалах, где в блокаду было бомбоубежище, после войны оборудовали сарайчики для дров, которыми обитатели коммуналок топили свои печурки. Был подобный хозблок и у нас на пару с соседкой, старой учительницей Ольгой Христофоровной Янович-Гроздовой. На мне и отце была обязанность распиливать, раскалывать и таскать дрова охапками в нашу коммуналку. Холодным апрельским вечером мы пошли за дровами в подвал. Отопнули массивные железные двери, зажгли свет и... поразились картине, что открылась перед нами. Дверцы клетушек сорваны с петель, дрова и остатки домашнего хлама разбросаны всюду хаотично. Ветер через маленькие с решетками оконца обдавал нас холодным невским дыханьем. Отец, обычно сдержанный, крепко выругался в адрес хулигана, что устроил этот бедлам, и мы пошли к капелльским начальникам за разъяснением. На парадном дворе дворник дядя Паша и завхоз Вадим Дубраво закрывали на замок на ночь ворота и калитку, что с набережной Мойки. Это делалось для безопасности жильцов, чтобы темные личности не шлялись ночью по проходным дворам на улицу Желябова, где дежурил дядя Паша, дворник. Он знал всех капеллан в лицо, за мизерную плату открывал калитку и впускал тех домой. Батя подошел к дворнику с завхозом и сердито поведал о бардаке в подвале. Те, закрыв ворота, прошли с ним и спустились в подвал. Из него раздался детский крик:

– Дяденьки, отпустите!

Начальники вывели на белый свет скрученного подростка, который брыкался, как молодой теленок.

– Надо отвести его в милицию! Там разберутся! – заявил Дубраво.

– Доставим на Дворцовую! – уточнил Паша. – Ближе!

И они поволокли парня не в 27-е отделение милиции, что было на Конюшенной площади в здании бывшей церкви Спаса Нерукотворного, а в Главное управление, где у входа с Дворцовой площади висела мраморная доска «На этом месте был убит руководитель питерского ЧК Моисей Урицкий». К слову, за несколько месяцев до этого случая площади Урицкого вернули прежнее имя – Дворцовая... Через час вернулся домой возбужденный отец и рассказал маме по секрету следующее:

– Парнишку привели в кабинет начальника ленинградской милиции. Приперли к стенке. Тот все и всех выдал. Банда намеревалась ограбить несколько «богатеньких» квартир. Намечены были апартаменты Ворошиловых, Богдановых, Козловских в соседнем подъезде, Бурлутских на втором этаже по чугунной лестнице. Через раскуроченный наш подвал преступники намеревались протащить награбленное на набережную Мойки, где их дожидался грузовичок с надписью «Хлеб». Уголовники собирались попасть в закрытые дворы, отогнув прутья парадной решетки архитектора Бенуа. Расчет был простой – провернуть все под носом у милиции. Напротив здания Капеллы в левом крыле Генерального штаба располагались: Главное управление милиции, ведомственная поликлиника, музей, где в банке с формалином была заспиртована голова бандита Петрограда 20-х годов, неуловимого Ленки Пантелеева.

Мои уши, как радары, повернулись в сторону родителей, и я все слышал. Увидав мой любопытный нос, мама приказала:

– Немедленно! В кровать!

Вскоре я заснул мертвым сном.

Под утро отец растормошил меня и сделал знак: «Тише! Не разбуди мать и Катю! За мной!», и мы босиком прошли в кухню к окну с видом на дворик. Казалось, минуты идут медленно. Вдруг отец сдвинул мое плечо. Я от боли чуть не вскрикнул. Но сдержался. На фоне грязно-белой стены показались какие-то тени. Они устремились в парадные двух лестниц. Через мгновение за ними ворвались милиционеры. Шум! Возня! Крики!

Из парадных стали выводить бандитов. Их руки были скручены за спинами. Подъехал воронок, за ним другой. Арестованных, как дрова, грубо заталкивали в машины под замок. Начальник дал отмашку. Воронки с потушенными фарами (в городе начинались белые ночи) как тихо приехали, так тихо и исчезли. Мы пошли досыпать. Утром в 7 часов отец уехал на свой завод «п/я 433» у мельницы Ленина, а я, позавтракав, побежал на занятия в школу Капеллы.

После этого события дворник дядя Паша был приглашен в главк милиции, «большой» начальник со звездой Героя похвалил его и вручил новенькие ручные часы Петродворцового завода, к которым тот приделал цепочку и носил в кармане штанов, подражая старому капелльскому регенту Палладию Андреевичу Богданову, которому луковицу золотых часов работы Фаберже вручил сам государь Николай II за «верную службу». И теперь, когда какой-нибудь капелланин приходил поздно к воротам на Желябова, 11 и стучал, дворник дядя Паша открывал калитку, демонстративно доставал из недр тулупа часы, совал их в лицо с присказкой: «Поздновато загуляли, господин хороший!» Но, получив гонорар, успокаивался, садился на табурет и дремал до следующего забулдыги.

Сейчас, когда по телеку с утра до вечера крутят всевозможные детективы с погонями и реками крови, я вспоминаю эту тихую историю, невольным свидетелем и участником которой я был.

27 марта 2016 года

Семейственность

Когда мой дядька, крестный, народный артист СССР, главный хормейстер Театра оперы и балета имени Кирова Александр Григорьевич Мурин, решил в 1955 году «пристроить» племянника на практику в хор театра, секретарь партийной организации поставил одно условие:

– Партийный билет на стол – и твой племяш будет у тебя помощником!

Дядюшка не решился.

В 1960 году мама Елизавета Петровна Кудрявцева заикнулась о моей работе в хоре Оперной студии Консерватории помощником А. Е. Никлусова, парторг вуза товарищ Зуев остудил ее пыл:

– Елизавета Петровна, побойтесь бога! Это семейственность! Слишком много Муриных расплодилось на Театральной площади – в Кировском один Мурин, главный хормейстер, и два – вы и ваша дочка, пианистка Екатерина Мурина – у нас! Побойтесь бога!

И еще раз указал партийным пальчиком на потолок.

Все доводы мамы, вроде «Когда на заводе у станка успешно работают отец и сын – это почетно! А у нас – семейственность!», были тщетны.

И как сегодня радостно наблюдать в Петербурге семейные кланы.

В Капелле – легендарный бас-октавист П. К. Левандо, его сын профессор П. П. Левандо, солист Малого оперного театра В. П. Левандо, невестка – профессор Консерватории И. П. Левандо (к слову, учитель И. П. Богачевой). Нынешней Капеллой руководят отец и сын Чернушенко, в Мариинском театре – отец и сын Петренко, на радио Грибковы, трио композиторов Плешаков, отец и сын Ралко, в Консерватории – отец и сын Федосеевы. Семейство Равиля Мартынова и Татьяны Немкиной и т. д.

Нелепость и абсурдность бывшего партийного постулата очевидна!

Итак, да здравствует семейственность в Искусстве!

1 марта 2016 года

Ария Руслана

Ария русского витязя Руслана из полузабытой ныне оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила» начинается словами: «О, поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?»

Наше капелльское поле стало белым от питерских пацанов с Мойки, 20.

Старуха с косой не щадит ни молодых, делающих первые шаги в искусстве, ни зрелых, известных всему миру мэтров. Только

в конце XX – начале XXI на небеса вознеслись: Палладий Богданов, Николай Михайлов, Николай Успенский, Василий Зайцев, Григорий Беззубов, Евгений Мравинский, Константин Симеонов, Елизавета Кудрявцева, Александр Никлусов, Павел Орехов, Федор Козлов, Владимир Баранов, Александр Мурин, Александр Юрлов, Юрий Петров, Анатолий Ушкарев, Роман Марголин, Витус Васильев, Анатолий Гамулин, Борис Бородай, Валентин Зейферов, Александр Броневицкий, Юзеф Лившиц, Валентин Золотарев, Петр Левандо, Олег Корольков, Михаил Зайцев, Олег Липсток, Николай Кунаев, Анатолий Леонтьев, Юрий Гамалей...

Мы потеряли в последние годы Теймураза Кухалева, Всеволода Вартаняна, Николая Драницына, Валентина Кожина, Федора Шампала, Игоря Петрова, Михаила Гвоздева, Владимира Буюма, Александра Корюхина, Эдуарда Жучкова, Владимира Кузнецова, Игоря Трутнева, Андрея Титова, Юрия Невядовского, Евгения Баркова, Алексея Осипова, Юрия Скворцова, Александра Марголина, Олега Киняева, Алексея Васильева, Андрея Ардентова...

В 1993 году у храма Святой Троицы на Измайловском проспекте убит регент Петр Чумаков, на третьем капелльском дворе погиб от руки изувера Алеша Кутузов, в 1997-м рядом с местом гибели Чумакова погиб Коля Ефимов...

Других капеллан, даровитого композитора Леонида Балая, замечательного оркестровщика Александра Козловского, хормейстеров Юрия Брагина, Сашу Климова, Леню Южакова, сгубила водка...

Едва достигнув 50-летия, ушли Андрей Чистяков, дирижер от Бога, Евгений Колобов, создавший свой театр в Москве; 9 ноября 2004 года в Ростове-на-Дону не стало Равиля Мартынова; 16 марта 2015 года скончался дирижер Большого театра Москвы Алексей Степанов... А каждый из них был Божьим творением и мог дать еще много и много миру...

Пора, друзья! Пора составить капелльский мартиролог, в котором помянуть всех наших ушедших капеллан и их деяния. Чтобы помнили потомки и могли после нас сказать: «Да, были люди в оно время!» И арию Руслана допеть до конца!

6 января 2016 года

Пестрые страницы

Подарок Александра Гаука

Гушка

После ленинградской блокады мама как дирижер Капеллы получила две коммунальные комнатухи на Мойке, 20. Наискосок, на берегу Зимней канавки, в бельэтаже старинного дома XIX века, жил мамин учитель по Консерватории и друг, знаменитый дирижер Александр Васильевич Гаук. Ему шел шестой десяток. Из военных скитаний по стране он привез в наш город молодую жену, крошечного сыночка и породистую сибирскую кошку, которая вскоре принесла потомство. Самого большого котенка Гаук подарил нам, а остальных сердобольная домработница утопила в Канаве, в том самом месте, где после беседы с Германном покончила с собой пушкинская Лиза. Правда, непонятно, как могла воспитанница графини нырнуть в Зимнюю канавку, если она глубиной в полметра и промерзает до дна? А может, (по Пушкину) несчастная «оклемалась», получила богатое наследство, выскочила замуж и нарожала ему кучу детишек?

Итак, полосатый подарок Гаука по имени Гушка бегал по комнатам и гадил под роялем и по углам. Вскоре он превратился в огромного кота, который с размаху забирался на двухметровый старинный шкаф, а весной по трубе спускался на набережную Мойки, бежал в Зимний садик Эрмитажа, где любезничал с местными красавицами. Возвращался в Капеллу, потрепанный соперниками, грязный, усаживался у нашей двери, блажил кошачьим матом, пока соседка Полина Георгиевна Хомутенко не вызванивала в наш звонок и сердито ворчала:

– Заберите своего дворцового певчего голодранца!

Вскоре кота кастрировали, и походы в Эрмитаж прекратились. Ну, а осиротевшая мама-кошка, потеряв детей, стала агрессивной, и, боясь, что она может поранить маленького Гаука, ее просто усыпили.

В 1945 году Александр Васильевич Гаук обнаружил в библиотеке Филармонии оркестровые партии Первой симфонии

С. В. Рахманинова, которую автор уничтожил после провальной премьеры под управлением А. К. Глазунова в 1898 году. Гаук по ним восстановил партитуру, и в Ленинграде состоялась премьера сожженной симфонии. Мама взяла на концерт меня и сестру. Дирижер Гаук был академично строг, жесты были скупы и точны. Между частями мама и Мравинский (тоже ученик Гаука) о чем-то переговаривались. По окончании концерта все прошли в Голубую гостиную с поздравлениями. Я, малолетка, музыку Рахманинова не понял. Мне она показалась слишком мудреной. Еще бы! Я был воспитан на мелодиях «Александра Невского» Прокофьева, что сотни раз слышал в войну в исполнении маминой Капеллы и мог пропеть любую партию. А тут какой-то незнакомый Рахманинов, что помер за два года до этого в далекой Америке, в Америке «Джорджа из Динки-джаза».

Прошло много лет.

В 60-е годы отмечали 100 лет Ленинградской консерватории. Мама готовила к торжествам в Москве и Ленинграде студенческий сводный хор. В нем пели студенты Е. Образцова, Е. Нестеренко, И. Богачева, Н. Туфтина и др. Дирижировать «Патетической ораторией» Г. В. Свиридова должен был Н. С. Рабинович.

В этот вечер мама была занята репетицией в Консерватории, а в Большом зале Филармонии был концерт заслуженного коллектива под управлением выдающихся дирижеров – воспитанников нашей альма-матер. Открывал программу «Праздничной увертюрой» Шостаковича Александр Васильевич Гаук. Он вышел на подиум, как огнедышащий вулкан, взмахнул маленькими ручками. Его полное, красноватое, как с мороза, лицо с толстыми щеками, глаза излучали неимоверную силу. Такого исполнения Шостаковича я ни до, ни после не слышал! Оно было кульминацией вечера. И, хотя после к оркестру выходили именитые ученики Гаука Мравинский, Димитриади, Грикуров, «переплюнуть» великого маэстро они не могли! Когда в Голубой гостиной отзвучали дифирамбы дирижерам, я подошел к Александру Васильевичу. Боже! Близко увидел искаженное инсультом лицо, перекошенный рот, полуслепой левый глаз.

Гаук узнал меня, потрепал по затылку и глухо, как в молочную бутылку, пробубнил:

– Как, тебе понравился Шостакович? Котяра мой жив? Не говори маме о моем виде, побереги ее сердечко! Так-то вот, дружище!

Я, как немой, качал в ответ головой...

Через год маминого Учителя Александра Васильевича Гаука не стало!

Из музыкальной энциклопедии.

Дирижер, народный артист РСФСР А. В. Гаук (15.08.1893–30.03.1963)

Занимался в Петроградской консерватории по ф-но у Ф. Blumenfelda, по композиции у В. Калафати, И. Витоля, А. Глазунова, по дирижированию у Н. Черепнина.

Окончил Консерваторию в 1917 г.

Возглавлял российские оркестры. Преподавал в Ленинградской (1927–1933), Тифлисской (1941–1943), Московской (1948–1963) консерваториях, с 1948 года – профессор.

Ученики А. Мелик-Пашаев, Е. Мравинский, Б. Микеладзе, Е. Светланов, Н. Рабинович, О. Димитриади, К. Симеонов, Э. Грикуров и др.

29 декабря 2015 года

Найда

Окна скульптурной мастерской моей супруги на седьмом этаже в доме на улице Громова, 12 выходят на огромный сквер, что простирается от Гранитной до Таллинской улицы. Власти присвоили ему имя первой женщины-космонавта в мире Валентины Терешковой. Летом листва деревьев закрывает набережную Невы, вид на Александро-Невскую лавру на том берегу, Финляндский мост, по которому несколько раз в сутки проносятся фирменный поезд «Ласточка». Местные окрестили сквер Собачьим, так как в нем выгуливают своих животных обитатели многочисленных домов. Псы всех мастей, от рыкающих басом

немецких овчарок до миниатюрных писклявых худобин, что при первой опасности прячутся на груди у хозяек, бегают по газонам и справляют нужду. Многие собачники прилежно убирают фекалии в пакеты, другие считают эти действия выше своих культурных достоинств.

Я вышел в сквер, чтобы выгулять нашего пса Будю, которого щенком подобрала у метро моя дочка Маша. Добрый, коммуникабельный, хитрый, ухоженный псина – любимец хозяек других животных. У ограды Гидрометеорологического института на окраине сквера мы заметили группу людей. Подошли. К железному пруту за поводок была привязана собачонка, девочка, с виду дворняжка. Над ней картонка, на которой маркером нацарапано: «Найда, добрая, послушная, в квартире не гадит. Забирайте!» К бедняжке подходили прохожие. Кто-то совал в морду бутерброд, кто-то – кусочки сыра и колбасы. Но она не притрагивалась к еде и жалобно скулила. Ее грустные глаза искали в толпе одного, единственного, кто ее бросил. Прохожий принес тарелку с водой. Псина судорожно отхлебнула несколько глотков и продолжила печальную вахту. Мой Будя, виляя хвостом, подошел к несчастной, обнюхал ее и присел рядом, устремив на меня вопрошающий взор: «Ну что хозяин, может, возьмем к себе подружку?». Я в ответ:

– Вот помру, и тебя, приятель, также выбросят! Идем домой. Там что-нибудь придумаем.

Пес, как человек, буквально понял мои слова и крепко прижался к моей ноге. Я потрепал его по холке:

– Да не брошу тебя. Не брошу!

И мы пошли к дому. Старушка с первого этажа высотки, что кормит крупной голубей, взяла Найду и теперь выгуливает двух дворняг. Приблудная не отходит от новой хозяйки ни на шаг и грозно ворчит, когда к ней приближаются другие псы...

Ну а наш зеленый массив, в который иногда забегает стайка одичавших собак от торгового центра на Рижской и где летом на скамейках ночуют бомжи, стали величать Парк Брошенных.

27 ноября 2015 года

Как Сталин звонил Ленину

В 50-е годы XX века у меня в академическом хоре Металлического завода имени И. В. Сталина пел инженер паротурбинного цеха Николай Николаевич Ленин. Если б не хромота (повредил ногу в далекие 20-е годы), с его бархатным басом-баритоном украшать бы ему сцену Кировского театра. В концертах он постоянно солировал и запевал с хором русские, украинские песни и шлягеры советских композиторов.

Как-то в тесной компании друзей после очередной рюмашки Николай Николаевич поведал историю своей громкой фамилии. Его отец Николай Егорович Ленин был потомственным почетным гражданином, уважаемым в Петербурге купцом первой гильдии. Младшая сестра отца в начале века умыкнула паспорт братца и передала его Наде, подруге по Воскресенским рабочим курсам в школе за Невской заставой, а та – своему муженьку В. И. Ульянову. Подруги переклеили фото в паспорте, и эту «клюкву» Ульянов предъявил в Королевской библиотеке в Лондоне, и в дальнейшем стал подписывать статьи в марксистской прессе «Н. Ленин».

Хор Металлического завода им. И. В. Сталина.

5-й (во 2-м ряду) Н. Н. Ленин. Дирижер – А. А. Мурин. 1959 г.

Незадолго до октября 1917 года купец Николай Егорович Ленин смиренно ушел в мир иной. А все семейство за свой благородный поступок – липовый паспорт – вскоре попало под карающий меч революции. Уцелел лишь младшенький из Лениных – Коля. Он пустился в бега, драпанул из Питера, с 1922 по 1928 год прятался в детском доме, а в 1931 году, получив корочки об окончании заводского училища, поступил в паротурбинный цех Металлического завода, где «протрубил» сорок один год, включая все девятьсот дней блокады. На его веку завод, как перчатки, менял имя: был имени И. В. Сталина, потом XXII съезда КПСС и, наконец, НПО «Металлический завод». За свой труд Николай Николаевич был щедро вознагражден советскими медалями, его портрет постоянно красовался на доске почета.

Перед войной в 1941 году инженеру Ленину как важному работнику 21-го цеха поставили домашний телефон, по которому в случае авралов его срочно вызывали на завод.

Как-то поздно ночью раздался телефонный звонок, и строгий голос в трубке спросил:

– Ленин?

– Да!

– Я Сталин!

А далее – длинные гудки.

Так продолжалось несколько раз.

Грянула ленинградская блокада. Странные ночные звонки шутника прекратились.

Весной победного 1945 года в квартире Николая Николаевича призывно зазвучал телефон.

– Ленин?

– Да!

– А я Сталин! Жив, курилка?

– Жив, жив!

– И я жив!

– Давай, Сталин, встретимся?

Историческое свидание Ленина и Сталина состоялось близ завода в пивнушке на Кондратьевском проспекте. Собеседник Николая Николаевича показал паспорт, где после имени и отчества стояла фамилия Сталин. С тех пор они часто созванивались.

Первым умер Сталин, а в 1996 году на 87-м году не стало Н. Н. Ленина.

На поминках друзья по заводу вспомнили традиционную шутку покойного:

– Братцы, город, в котором мы живем, семьдесят лет носит имя моего батюшки! Так помянем его!

И мы выпивали за Ленина.

1 мая 2017 года

Последняя песня

Мой дядька, главный хормейстер Мариинского театра Александр Григорьевич Мурин, дружил с военных лет с Василием Павловичем Соловьевым-Седым. Композитор сочинял песни, а музыкант, дирижер-хормейстер Ансамбля Ленинградского округа, исполнял их с успехом перед бойцами в горячих точках Ленинградского и Волховского фронтов.

Когда в 50-х годах я познакомился лично с ВПСС (так в шутку друзья звали композитора), тот стал величать меня, начинающего хормейстера, Малыш-Мурочка. Мы с ним встречались в многочисленных жюри и на смотрах. Его колких, остроумных замечаний боялись не только исполнители, но и большие партийные начальники.

В 1969-70 годах страна готовилась отметить столетие со дня рождения В. И. Ленина. Чиновники из Смольного дали нам, работникам ОДНТ (Областного дома народного творчества), задание создать песню об орденоносной Ленинградской области. Талантливый баянист Анатолий Забродин сочинил симпатичную мелодию, Геннадий Патрикеев из Гатчины «пришпандорил» красочный аккомпанемент и сделал партитуру для оркестра русских народных инструментов. Но слова, увы, были обыкновенной «рыбой»!

Я обратился к В. П. Соловьеву-Седому, и тот, ни минуты не думая, посоветовал своего друга, поэта А. В. Чуркина, дал домашний телефон. Александр Владимирович познакомился с мелодией, и через несколько дней слова были готовы. В Смольном

новую песню встретили на ура и распорядились щедро оплатить работу поэта. А наша контора (ОДНТ) помещалась тогда на Владимирском проспекте, в доме 13, на седьмом этаже. Каждый день мы, молодые методисты, взлетали на чердачную верхоутуру, любясь по пути на лестнице витражами в стиле петербургского модерна.

В назначенное время ждали Чуркина в бухгалтерии, но он запаздывал. Наконец, появился, отдышавшись и узнав меня, с укором заметил:

– Если б знал, что вы так высоко забрались, ни за какие коврижки не стал бы сочинять всю эту галиматью!

Поэт прочитал нам милые стихи. Мы напоили старика чаем с лимоном, предложили спиртное, но Александр Владимирович, получив гонорар, спешно удалился.

Песней открывали правительственный концерт. В сопровождении оркестра русских народных инструментов ее исполнил многоголосый сводный хор.

А через несколько дней знакомый сказал мне, что автор популярной песни «Вечер на рейде» («Прощай, любимый город»), поэт Александр Владимирович Чуркин, скончался. Остались его стихи, что стали народными, а песня «О Ленинградской земле» оказалась последней. Вот эти строки:

Родилась эта песня на родной стороне
О раздольной, привольной Ленинградской земле.
Мне о ней на рассвете лес зеленый шептал,
И слова русской песни соловей подсказал.

Вновь приладожский ветер мне навстречу летит,
Там, за дымкой туманной, древний Волхов шумит,
Волны вольные катит белопенная Свирь,
Синью взоры туманит необъятная ширь.

Все здесь памятью веет о прошедших годах,
Помнят Ленина люди в этих славных местах.
Где бы ты ни был, повсюду слышу сердцем тебя,
Голос Родины милой, дорогие края.

28 мая 2017 года

Хранители

Папин друг и сослуживец по КБ «Ленинец» Андрей Павлович Лопырёв был страстный книгочей. Именно он и познакомил меня в 50-е годы с тремя оригинальными писателями: Александром Введенским, Александром Архангельским, Даниилом Хармсом. Последнего по своей безграмотности я считал англичанином, вроде Конана Дойля. Запомнились его миниатюры о Пушкине, Гоголе, Толстом и Достоевском. Особенно одна: «Однажды Гоголь переоделся Пушкиным, пришел к Пушкину и позвонил. Пушкин открыл ему и кричит: "Смотри-ка, Арина Родионовна, я пришел!"». В моем уме возникла картина: Гоголь пришел к Пушкину на Мойку, 12 и долго крутил звонок, на котором, как на дверях нашей капелльской коммуналки на Мойке, 20, написано: «Прошу повернуть! Вишневым – 1, Янович – 2, Кудрявцевым – 3».

Андрей Павлович читал пародии с таким артистизмом, подражая авторам, с завыванием, с причмокиванием, растягивая слова, что они запоминались на долгие годы. Меня поразили пародии на любимого мною Маяковского, «Разговор тов.

Пародия А. Архангельского на стихотворение В. Маяковского «Разговор с Пушкиным». «В. В. учит А. С. писать стихи лесенкой». Рис. А. Мурина

Маяковского с тов. Пушкиным». При этом пародию «Маяковский в Мадриде» Лопырёв глаголил на одесской «мове», вроде Леонида Утёсова.

Я кинулся в библиотеках разыскивать стихи и вскоре заполнил две общие тетради. На обложке нацарапал: «Все поэты в гостях у Архангельского». Машинописный экземпляр с карикатурой на Маяковского подарил Лопырёву...

А недавно мне попалась книга Марины Малич «Мой муж Даниил Хармс». В ней я встретил две знакомые фамилии среди друзей поэта – чтеца Антона Шварца и профессора Консерватории Михаила Друскина. Теперь поподробнее о них.

Во время жаркого лета 1941 года Ленинградская капелла под руководством Елизаветы Петровны Кудрявцевой (моей мамы) давала концерты по Украине. Грянула война. Гастроли пришлось прервать. Четыре вагона, в которых жили певцы, развернули на Москву. Через две недели прибыли в столицу. На вокзале хор встречал А. В. Свешников, перешедший на работу в столичный коллектив. Его энергией Капеллу прицепили к ленинградскому эшелону. Свешников упросил взять с собой популярного чтеца Антона Шварца. Все были встревожены перед встречей с любимым городом, и артист всю ночь напролет читал Пушкина, Чехова, Зощенко, Хармса... Так мама познакомилась с Антоном Шварцем и его женой, переводчицей Наталией Шанько.

Я часто слышал Шварца в сборных концертах в зале послеблокадной Капеллы. Тогда для привлечения публики программы составлялись так: в первом отделении хор Капеллы пел шлягеры, а во втором выступали балетные из Кировского театра: Н. Дудинская, Ф. Балабина, К. Сергеев; артисты А. Лариков, Ю. Толубеев, К. Адашевский, А. Борисов, В. Полицеймако разыгрывали сценки и скетчи, пели Леонид Кострица, Иван Нечаев, Ольга Нестерова, за роялем блистали П. Серебряков, В. Васильев, В. Нильсен, вели программы Н. Смирнов-Сокольский, Петр Муравский. А. Шварц, как обычно, читал Пушкина и Чехова. Зощенко и Хармс были тогда запрещены...

В книге Марины Малич меня потряс следующий эпизод. В первых числах блокадного февраля 1942 года, узнав о гибели в «Крестах» Даниила Хармса, она пришла голодная на квартиру

к Друскиным и сообщила страшную весть. Мать братьев Михаила и Якова поставила на стол единственное, что было съестного, тарелку супа-баланды, и один из братьев подвинул ее несчастной вдове! Через несколько дней Марина, понимая, что дни ее сочтены – или умрет от голода, или ее арестуют, как «жену врага народа», – принесла Друскиным рукописи и письма мужа и просила сохранить до лучших времен. Братья Михаил и Яков выполнили свой долг перед Хармсом и сберегли наследие для будущих читателей. В 50-х годах, когда я учился в Консерватории, мы бегали слушать лекции по истории музыки, что читал строгий, аскетичный Михаил Семенович Друскин. Он и его брат Яков, пианист-философ, окончили нашу альма-матер еще до войны и дипломатично умалчивали, что были хранителями Хармса. Когда в застойные брежневские времена М. С. Друскин написал монографию о И. Ф. Стравинском, ее издали с большими купюрами, так как многие постулаты монографии были «супротив» канонов советского партийного музыкознания. В 1989 году во время поездки в Германию с Хором любителей пения в Дрездене в нотном магазине я случайно купил книгу «И. Ф. Стравинский», переведенную на немецкий язык без варварских дыр, и по приезде домой был счастлив сообщить об этом автору. Друскин встретил мои бравурные слова без эмоций. Ни один мускул не дрогнул на лице этого «римского патриция». Он перевел разговор на другую тему:

– Расскажите, Александр, как немцы принимали хор Кудрявцевой?

В последний раз я видел М. С. Друскина на защите диссертации моей знакомой пианистки М. В. Смирновой. Он был как всегда лаконичен и строг в суждениях.

В заключении этих пестрых заметок приведу один шедевр Хармса, сохраненный братьями Друскиными.

«Пушкин сидит у себя и думает: "Я гений, ладно. Гоголь тоже гений. Но ведь и Толстой, и Достоевский, царство ему небесное, гении! Когда же это кончится?" Тут все и кончилось».

20 февраля 2016 года

Павел Алексеевич Серебряков

С выдающимся музыкантом-пианистом, общественным деятелем Павлом Алексеевичем Серебряковым нашу семью связывали давние дружеские отношения.

В 30-х годах, когда он делал первые шаги на пианистическом поприще в классе профессора Л. В. Николаева, мама, будучи помощником в Капелле у профессора М. Г. Климова, занималась в Консерватории на трех факультетах: на хоровом (у проф. М. Г. Климова), симфоническом (у профессора А. В. Гаука) и фортепианном у молодого педагога А. А. Михайлова, ученика Л. В. Николаева. Именно последнему она обязана блестящим владением инструментом. «Николаевская» школа была знаменита. Среди его учеников и Д. Д. Шостакович!

В 1935 году после успешных гастролей Капеллы по Украине под управлением Е. П. Кудрявцевой завистники отчислили ее из Консерватории с трех факультетов. Предлог – непосещение хорового класса Консерватории! Свидетелем этого беззакония был Серебряков. А в 1936 году сочинения его друга Д. Д. Шостаковича были объявлены «сумбуrom вместо музыки»!

Во время военных скитаний по стране Ленинградская капелла во главе с Кудрявцевой встретила с находящейся в эвакуации в Ташкенте Консерваторией, директором которой был Серебряков. Со студенческим оркестром Капелла исполнила Девятую симфонию Бетховена и кантату Прокофьева «Александр Невский» (дирижер И. А. Мусин).

Именно П. А. Серебряков в 1947 году поддержал идею профессора Г. А. Дмитревского сдать экстерном экзамены за курс Консерватории Е. П. Кудрявцевой. С этого началась более полувековая деятельность мамы в вузе. У профессора П. А. Серебрякова прошла пять курсов и аспирантуру моя сестра, ныне народная артистка России, профессор и заведующая кафедрой фортепиано Е. А. Мурина.

Неудивительно, что я был вхож в круг знакомых Павла Алексеевича и бывал в гостеприимном доме на Бородинской улице. К 50-летию профессора я дерзнул нарисовать на юбиляра шарж. У рояля в виде римской цифры L сидит улыбающийся

Серебряков. В доме на Бородинской улице я презентовал свою «работу» стихами:

Полет в Париж, поездка в Рио!
Для Вас концерты там не диво.
Но Вы желанием полны
Дать три концерта близ Луны!

П. А. Серебряков. К 50-летию со дня рождения. 1958 г.
Рис. А. Мурина

Павел Алексеевич положил мой подарок на крышку рояля. К сожалению, его «умыкнула» поклонница-ученица. Я сделал повторение. И оно исчезло, как мне поведал с сожалением профессор. Третий повтор (точнее черновик) я подарил в наши дни внуку великого пианиста, главному библиотекарю Филармонии, кандидату искусствоведения Павлу Вячеславовичу Дмитриеву.

10 сентября 2015 года

Как меня выгоняли из партии

Удивительная традиция есть у нашего народа – отмечать с помпой смерть великих людей отечества. 21 января – день кончины В. И. Ленина – был многие годы красным днем календаря, выходным. Капельские пацаны зубрили стишок:

Камень на камень, кирпич на кирпич.
Умер наш Ленин Владимир Ильич!
Бедное сердце зарыто в земле.
Жалко рабочему, жалко и мне...

Я своим детским умишком не мог понять две вещи: почему на сердце вождя наложили кирпичи и камни и почему сердце Ленина зарыли в земле, если он живой лежит в Мавзолее? Когда с этими вопросами стал приставать к отцу, тот меня строго предупредил, чтобы я никому никогда нигде не задавал «этих глупых вопросов».

В 1937 году в разгар сталинских репрессий отмечали 100 лет гибели А. С. Пушкина. Даже на Биржевой площади решили поставить памятник поэту. Площадь долгие годы после торжеств называлась Пушкинской.

И вот в 1962 году очередная юбилейная дата – годовщина самоубийства писателя А. А. Фадеева. Секретарь Союза писателей Ленинграда А. А. Прокофьев пригласил выступить на вечере в Белом зале Дома писателей на улице Воинова наш Хор любителей пения при Капелле под руководством Е. П. Кудрявцевой. Мы собрались к семи часам. Дима Китаенко и я распели хор в подвале у гипсовой скульптуры В. В. Маяковского. А в зале

писатели устроили настоящие «поминки» по автору «Молодой гвардии». Болтали и болтали аж до 23 часов. Певцы утомились в ожидании и начали роптать: «Сколько еще ждать выступления?».

На сцене какая-то бабенка нудно рассказывала о своих интимных отношениях с убиенным... После она вышла в коридор и нервно курила папиросу за папиросой, сжимая трясущимися пальцами спичечный коробок. Думая, что она одна из устроителей вечера, я обратился к ней:

— Если бы вы хотели по-настоящему помянуть Фадеева, то не заставляли бы ждать три часа сто певцов! Хористы пришли к вам после трудового дня и завтра им снова на работу!

12 января 1962

Товарищи!

На вечере нашего прекрасного писателя и человека А. А. Фадеева Ваш хор пел очень хорошо, тембрами, ритмом, музыкально. Мне было радостно, что Вы не только хорошие коллектив, создавший на общественных началах из не-профессионалов, достиг такого прекрасного звучания и слаженности.

К сожалению, удовольствие было для меня омрачено грубым сценическим эпизодом:

Пока устраивали место для хора, я вышла в коридор покурить, хористы говорили мне "только не уходите!", я обещала, что не уйду... и вдруг, пропустив весь хор в зал, на сцену набросился молодой человек из Вашего коллектива со словами:

— Не знаю, как Ваша команда, но вы, писатели, оскорбили слогиз писателя Фадеева, обязательно засидим два часа целый хор, вы не понимаете, что люди работают, что им завтра работать...

— Вы думаете, мы не работаем и не понимаем, что такое работа? — спросила я.

— Да, вы не работаете и не понимаете! — закричал он, повернувшись ко мне спиной и ушел в зал.

Как выяснилось на концерте хора, этот молодой человек объявил, что будет исполнять хор, и являясь одним из организаторов его проведения.

Писущая об этом не только пошутила, что эта грубость меня покорила и возмутила, но и пошутила, что хотела бы, что бы все товарищи знали: задорная инициатива пошлости, что вечер имени исключительно хором, воспоминания о Фадееве были созданы и исполнены, выступали люди, которых и не объявляли в программу, но зато создали, — а ведь раз писатели Фадеева и собравшиеся! Так что обвинять не надо. И оскорблять еще больше писателей тоже не надо.

А за песни — спасибо!

Вера Регинаевна

Дама, что-то буркнув в ответ, с таким презрением и злостью взглянула на меня, как будто готова была убить на месте. Тут хор попросили на сцену. Я дирижировал в концерте и вел программу, состоящую из сибирских народных песен. В зале было душно, но мы пели с подъемом и имели большой успех.

Знал бы, чем обернется мой случайный разговор с «дамой». Через неделю на вахте Капеллы нам передали конверт, на котором была грозная надпись: «В партком Хора любителей пения Капеллы». В нем писательница В. К. Кетлинская требовала принять ко мне партийные строгие выводы, осудить мой поступок на вечере памяти писателя Фадеева!

Слава Богу, меня не вытурили из партии, так как я в ней не состоял, в нашем хоре не было партийной ячейки, а мама, я и Дима Китаенко работали с коллективом на модных в те годы общественных началах, то есть бесплатно. Так ваш покорный слуга как был, так и остался на всю жизнь в партии басов!

Когда я рассказал эту историю моему другу Валерию Михайловичу Зоценко и показал письмо Кетлинской, тот разразился бранными словами и добавил:

– Знаешь, Шура, эта «баба»... выселила наше семейство в 40-е годы в сталинско-ждановское время из квартиры на канале Грибоедова, 9!

2 февраля 2015 года

Рисунки по заказу

Николай Семенович Рабинович

Николай Семенович Рабинович был главный киношный дирижер Советского Союза. Из-под его музыкальных рук пошли победными шагами по миру композиции его друга Д. Д. Шостаковича в фильмах «Овод», «Гамлет», «Король Лир», «Черемушки». С мамой, Елизаветой Кудрявцевой, он дружил с далеких 30-х годов. Она готовила Капеллу для записи таких картин, как «Гроза», «Подруги», «Неоконченная повесть», «Эзоп» и др. Поэтому неожиданным не было предложение Рабиновича в 1960 году исполнить с его консерваторским студенческим оркестром

и нашим Хором любителей пения при Капелле Третью симфонию Малера.

– Лиза! А не откушать ли нам с твоим хором и моим оркестром Малера? – сказал он как-то обыденно маме в коридоре Консерватории. Мама, Дима Китаенко и я, засучив рукава, взялись за репетиции с хором довольно сложной музыки, не имевшей традиции у исполнителей. На концерте в Малом зале Консерватории имени Глазунова был огромный успех. Одна из статей о концерте гласила: «Таким оркестром – можно гордиться!»

На премьеру откликнулся большой поклонник Малера Д. Д. Шостакович:

«04. 01. 1961 г.

Дорогой Николай Семенович!

Горячо поздравляю тебя и всю твою семью с Новым годом. Вчера в 21 час слушал по радио 3-ю симфонию Малера. Ее передавали по 3-й программе из Ленинграда. Вероятно, это была запись. Несмотря на некоторые несовершенства передачи, всегда бывающие по радио, музыка и твое исполнение произвели на меня огромное впечатление. Я не критик и не умею заниматься анализом. Я просто был захвачен симфонией до отказа. Симфония передавалась без перерыва и, несмотря на свою длину, ни на секунду не выпускала из огромного впечатления. Великолепно звучали оркестр, хоры, солисты (певицы, оркестранты, особенно тромбон, да и все остальные). В исполнении и звучании не было неудач. Горячо тебя благодарю за 3-ю симфонию.

Будь здоров, счастлив и действуй в том же духе.

Крепко жму руку. Твой Д. Шостакович».

Эта работа укрепила положение молодого любительского коллектива на музыкальном небосклоне. Через год новая работа с Рабиновичем – запись фрагментов киноварианта оперетты Д. Д. Шостаковича «Москва, Черемушки» (реж. Г. М. Раппапорт). Николай Семенович записал на пленку оркестр, а мы накладывали на нее хоры и солистов.

– «Кровавая» халтура! – язвил Рабинович. И снова успех!

Николай Семенович был веселым, коммуникабельным человеком, готовым на острое словцо, на дружеский розыгрыш,

на словесный каламбур. У него была привычка – когда дирижировал, помимо воли, жевать язык. Его милейшую супругу Ирину Леонидовну друзья упрекали, что не может отучить мужа от этого. Она в ответ:

– Пробовала много раз! А теперь и сама заразилась!

В наш город с концертами приехал всемирно известный скрипач Исаак Стерн. Он музицировал со студенческим оркестром – детищем Рабиновича. Я с первого ряда сделал несколько удачных снимков и принес Николаю Семеновичу домой. Он с благодарностью принял их и тут же поведал байку:

– Кто-то с подвохом спросил Стерна: «Кто первый скрипач в мире?» Музыкант, подумав, ответил: «Я не знаю, кто первый! Я – второй!»

И мы дружно «ржали» над этой хохмой. В другой раз Николай Семенович на полном серьезе сказал:

– Шура! Видел твои шаржи на дирижеров-прибалтов Арви Янсона, Леонида Вигнера, Густава Эрнесакса, Карла Лейнуса... А что ты не жалуешь наших, питерских? У них, что, носы менее колоритны? Нарисовал бы!

Я в ответ:

– Боюсь, обидятся! Ведь они мамины друзья!

– Нарисуй, Шура! А я уж их всех «отфигурирую»!

Через неделю я показал Рабиновичу новые карикатуры. На них были его коллеги. Жесты, позы, характерные движения рук, положения корпуса. Но лица были нейтральны.

Николай Семенович «раскусил» мою хитрость:

– Эх! Да это Натан (Н. Г. Рахлин)! А это Карл (К. И. Элиасберг)! А это кто? Неужели дирижер Анисимов? – комментировал он мои работы.

– Молодец, Шура! Подари мне эту! – и взял листок, на котором в стиле диснеевского Микки Мауса был нарисован в мешковатом фраке он сам. Я не возражал.

Вскоре «дирижеры» были опубликованы в консерваторской многотиражке «Музыкальные кадры». Все, кроме одной, что осталась у музыкального волшебника и фантазера Николая Семеновича Рабиновича.

29 ноября 2015 года

Исаак Стерн и Николай Семенович Рабинович в Малом зале Консерватории

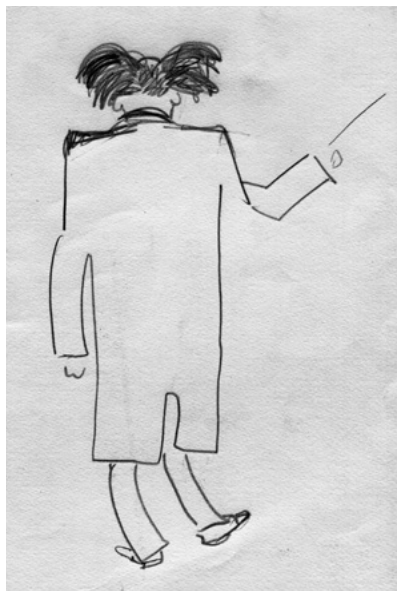
М. Я. Хальфин, И. А. Мусин, Месру Мехмедов, Неэме Ярви, Н. С. Рабинович, А. И. Ихарев

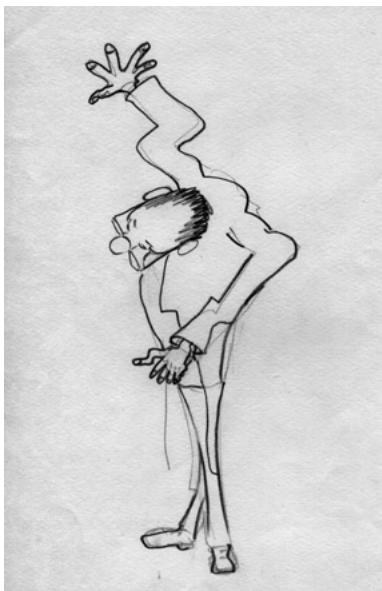
Шутка на Н. Г. Рахлина.
А. Мурин. 1956 г.

Додик Клеймиц – человек-оркестр.
(Концертмейстер Д. Г Клеймиц.)
А. Мурин. 1959 г.

Хормейстер А. И. Анисимов.
А. Мурин. 1955 г.

Великий Карл! (К. И. Элиасберг.)
А. Мурин. 1956 г.

Письмо К. Б. Птице

Многоуважаемый Клавдий Борисович!

Большое спасибо за письмо и добрые пожелания. Я был очень рад его получить.

Этим летом 28 дней (отпуск) бродил, как и мой тезка, писатель Грин, по Крыму. От Феодосии до Севастополя. Впечатлений хватит на 10 советских опер или на один такт хора Чайковского «Без поры да без времени». Кончились деньги, и отпуск тоже кончился. Приехал в Питер, и вот уже прошло три месяца как...

...Закинул в небо хворь и беса,

Живу системой Сервантеса...

Многие путают с системой Станиславского!

Суть системы:

1. Воюю с дубовыми мельницами, т. е. с начальством за хоровое искусство.
2. Кушаю без Санчо Панса оплеухи и затрещины.
3. Дышу свежим воздухом с Дульцинеей и без.
4. Работаю над созданием в Доме культуры им. Дзержинского хора из... милиционеров.

На последней репетиции дерзнул спеть в обработке А. В. Александрова «Гей, по дороге». 60 милиционеров на три голоса голосили! Правда, этот пункт системы у меня получился с Маяковским уклоном.

Вся милиция нас бережет...

Моя ж – песни поет!

В исполнение третьего пункта Сервантеса, свободное от работы время провожу в окрестностях Вуоксы, в лесах Карельского перешейка. Делаю для себя второе открытие Америки под Ленинградом. Был в Линдуловской роще. Деревья в 70–80 метров высоты (2/3 Исаакия). Посажены Петром I для мачт русского флота. Еще ранее открыл Голубое озеро. Дно озера – известняк и вода, как глаза Есенина на обложке журнала «Огонек». Да, много еще можно открыть на Руси каждому...

Интересно наблюдать, как зеленый лес превращается в черно-серый с рыжими подпалинами осенний ковер. Почти до конца октября собирал грибы (белые, красные, рыжики) и каждое

воскресенье угощал домашних отличной селянкой. Думаю, что ведерко солений с рассыпчатой картошечкой и укропом Вас дождутся! Хотя у нас любят вкусно поесть! Наконец-то ставлю финальную фермату и с ней извинения за столь долгое излияние простых мыслей. Поправляйтесь поскорее и приезжайте к нам!

Ждем Вас очень!

С уважением, Шура Мурин
1 октября 1965 года
Ленинград

Вальс Равеля

В Большом зале Ленинградской филармонии шел концерт гастролировавшего в нашем городе симфонического оркестра Французского радио и телевидения. Андре Клютенс так вдохновенно дирижировал «Вальсом» Равеля, что мне показалось, музыканты отрываются на несколько сантиметров от филармонической сцены и с пультами, стульями и маэстро парят в ауре зала. Затихла музыка. Оркестранты в тишине вернулись на свои места, а публика через мгновение устроила им бурную овацию. Дирижер был явно смущен таким экзальтированным приемом северян, ленинградских меломанов. Он скромно кланялся залу.

3 августа 2016 года

Весточка с Кубы

Письмо Рауля Диаса

Революция на Кубе! Всех в СССР очаровал ее вождь Фидель Кастро. Евгений Евтушенко гласил со стадионов и концертных залов:

...и, вдохновенный, как Моцарт, Кастро на гребне музыки!

Мы распевали на голоса в ритме рока кубинскую народную песню продавца апельсинов:

Прекрасные апельсины чудесным налиты соком.
 Я эти апельсины дарю только красоткам!
 Лук, чеснок и старый перец на возке лежат моем
 Для влюбленных кавалеров, что пасутся под окном...

Мне в журнале попалась на глаза необычная фотография вождя кубинцев: черная борода а-ля Хемингуэй, большие темные очки, в которых отражаются люди с винтовками и сполохи. Сразу возникла мелодия: «Гавана – ты в блеске Фиделя глаз!». Друзья-поэты из «Ленинских искр» развили идею, и песня была мгновенно готова. Ребята из интернационального клуба Аничкова дворца «Серебряный олень» перевели текст на испанский и другие языки, распечатали песню и послали ее в различные страны с призывом поддержать Кубу, защитить ее от американских зубастых акул. Песню напечатали в газетах «Ленинские искры» и «Ленинградская правда». Ее включили в свой репертуар многие хоры от Архангельска до Астрахани. Через директора Гаванской консерватории она попала на Кубу к Фиделю Кастро.

Г А В А Н А

Музыка А. Мурина
Слова В. Верховского и Г. Голпе

1.

Любви нашей радостный
вестник
 Не знает преград на пути —
 Рождённая дружбою песня
 На Кубу, как птица, лети.

Припев:

Ты слышишь, Гавана,
 Сквозь шум океана нас.
 Гавана, Гавана,
 Ты рядом с нами сейчас!

2.

За счастье борясь неустанно,
 Мы знаем, друзья, хорошо,
 Что враг не пройдёт на
Гавану.
 Как он на Москву не прошёл.

Припев.

3.

Шумят над Россией берёзы,
 Над Кубой оливы шумят.
 Чем больше для мира угроза,
 Тем больше у мира солдат.

Припев.

ПЕСНЮ «Гавана» молодой ленинградский композитор Александр Мурин посвятил вождю кубинского народа Фиделю Кастро. В январе нынешнего года эта песня была передана директору Национальной консерватории Кубы Исааку Николасу Ромеро, гостившему в нашем городе.

Ленинские искры. № 26 (3305). 31 марта 1962 г.

Стремительно. Марш

pp p mf ff

Сольст. f

1. Люб-ви нашей радостным вестник не знает претяда на ту.

ти - рожденная дружною песня на Ку.Бу, как птица, ле-

Хор: ff mf

- ти. Ты слышишь, Га. ва. на, сквозь шум оке. а. на

ff mf

нас. Га. ва. на, Га. ва. на, ты рядом с нами сей

Для повторения

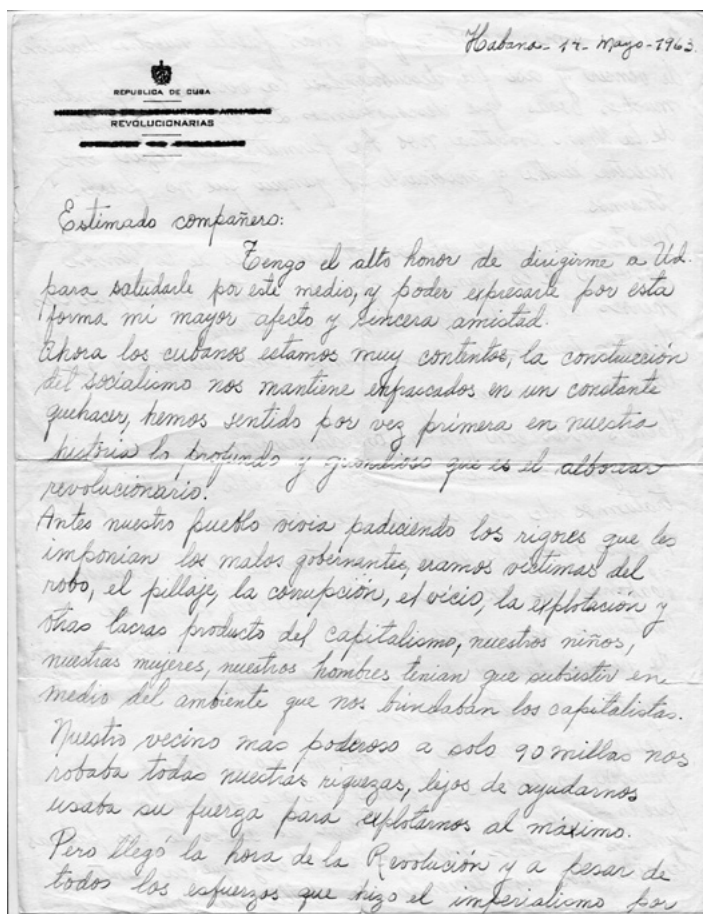
Для оконч.

час! я. За, рядом с нами сейчас!

Позднее аспирант из Гаваны, что учился у мамы в нашей Консерватории, сообщил, что под мою песню маршируют на парадах «барбудос» Фиделя. Вскоре я получил письмо с Кубы. На конверте загадочный обратный адрес: «Москва. 400 п-я 293».

«Дорогой Александр!

2,5 месяца назад наша группа молодых специалистов получила от вас ноты и текст песни "Гавана". Было решено включить ее в программу первомайского концерта. Всем участникам самодетельного хора песня понравилась. Были разучены оба варианта: русский и испанский. Исполняли на три голоса. Трудно описать, как ее встретили здешние товарищи. Эта песня пелась

нами уже на нескольких концертах. И везде нас заставляли повторять ее много раз! Посылаю Вам письмо одного из здешних товарищей, думаю, что испанский текст Вас не затруднит! Еще раз большое спасибо Вам и всем товарищам за создание песни!»

«Молодые специалисты» – советские офицеры-ракетчики!

«Здешний товарищ» – соратник Фиделя Кастро и Че Гевары Рауль Диас.

Письмо написано им от руки на бланке министерства обороны Кубы.

3 августа 2014 года

Конфуз в «Кавказском»

– Неплохо бы вспрыснуть успех! – предложил окружившим его за кулисами спутникам еще не остывший от концерта с Капеллой профессор Георгий Александрович Дмитревский. Администратор Семен Григорьевич Кац и директор хора Владимир Владимирович Боровецкий с восторгом одобрили идею! К ним присоединился любитель хорового пения, военный инженер Алексей Григорьевич Мурин.

Дмитревский накинул на концертный фрак серый плащ, и компания через проходные капелльские дворы устремилась по улице Желябова. Навстречу, звеня, со скрипом прогромыхал идущий на кольцо на Конюшенной площади поздний трамвай. На Невском проспекте у рыбного магазина друзья свернули налево и, спустившись на несколько ступенек, постучались в закрытые двери ресторана «Кавказский». Георгий Александрович что-то сказал швейцару. Появился необычайно толстый грузин по фамилии Самедов. Это был отец одного из капелльских пацанов. Он в оркестре ресторана играл на контрабасе. Музыкант проводил гостей за отдельный столик в глубине зала и направил к ним тощего с модными черными усиками официанта. Тот, изящно изогнувшись, раскрыл перед посетителями массивное меню и замер в немом вопросе: «Чего-с изволите?».

– Нам из этой «партитуры», голубчик, принеси, во-первых, водочки и шашлык на закуску! – приказал тамада.

Через мгновение на столе появились графин, на котором, как бриллианты, сверкали капли ледяного пота, и тарелки с кусками дымящегося мяса в томатном соусе... Началась трапеза. Тосты сыпались, как из рога изобилия.

– Будь здоров!

– Да, будь здоров!

Хотя с виду на здоровье никто из присутствующих не жаловался!

Время давно за полночь. Уборщица стала подметать пол и опрокидывать стулья ножками вверх на свободные столы. Пора расходиться.

– Маэстро! Счет! – бросил Дмитревский. Тот выложил перед ним бумагу с двухзначными цифрами! Георгий Александрович заглянул в нее, похлопал себя привычным жестом по лацканам фрака. Вдруг его полное лицо резко побагровело! Боже! Бумажник он оставил в старом пиджаке в Капелле!

Компаньоны полезли в карманы, но, кроме мелочи, ничего не наскребли... Посоветовавшись, решили: Алексей Григорьевич слетает на Мойку, 20, к себе в коммуналку и тихонько, чтобы не разбудить жену Лизу (дирижера Капеллы Елизавету Петровну Кудрявцеву-Мурину) и детей (Сашку и Катьку) притащит нужную сумму! А гуляки останутся в ресторане заложниками... Через час четверка, рассчитавшись, вывалилась на спящий Невский. Впереди, перебросив через плечо плащ, во фраке с белым платком в петлице, как свадебный генерал на параде, шествовал Дмитревский. Рядом семенили друзья....

После этого случая каждое застолье, как ритуал, Георгий Александрович начинал с рассказа о «конфузе», что случился с ним в ресторане «Кавказский», припоминая все новые и новые подробности.

6 июля 2016 года

Дом Стравинского

В 1962 году по городу Ленина пошел слух, что к нам приезжает с концертом эмигрант Игорь Федорович Стравинский! В нашем сознании это была какая-то фантастика, нереальность. Мы понимали, что это композитор из эпохи Римского-Корсакова, Рахманинова, Глазунова, и вдруг, оказывается, он – наш современник и в возрасте восьмидесяти лет решил приехать с концертом!

Добрейший профессор Консерватории Анатолий Никодимович Дмитриев, сообщивший нам эту новость, добавил:

– Вы, друзья, решили, что мамонты на земле давно вымерли, а они живы и среди нас! Я сам недавно узнал, что Тамара Красавина и Матильда Ксешинская, что танцевали в Мариинском театре перед Николаем II, процветают ныне в Париже! Не удивляйтесь, друзья, ничему!

К приезду композитора в городе Ломоносове под Ленинградом решили привести в порядок дом, где в семье солиста Мариинского театра Ф. И. Стравинского и появился на свет будущий гений русской музыки. Правда, вотчина соратника Петра I Александра Даниловича Меншикова, 80 лет тому назад называлась Ораниенбаум!

И вот, на улице Восстания, в прошлом Швейцарской, среди скучных хрущевок обнаружили два деревянных аварийных дома. Один дом дышал на ладан и готов был развалиться, в другом в коммуналках ютились работяги местных предприятий. Его и решили отремонтировать.

Плотники, руководимые начальником отдела культуры Ломоносовского исполкома Г. Ф. Николаевым, к слову, выпускником Высшей профсоюзной школы, резво взялись за дело: починили скрипучую лестницу, сделали навес над крыльцом, вставили в слепые окна стекла, отшкурили и покрыли ядовитой краской стены. А при входе прибили покрашенную под мрамор фанерку, «мемориальную доску», на которой сообщалось о рождении в сим доме композитора. Соседи из хрущевок завидовали жильцам «дома Стравинского»: «Надо же! Повезло мужикам!»

Настал знаменательный день! Из Ленинграда по колдобинам улицы проехала и остановилась у «родного очага» «Волга». Из нее

Пабло Пикассо.
Портрет И. Ф. Стравинского

появился композитор. Подхватив его под руки, сопровождающие повели старика к дому. Игорь Федорович остановился как вкопанный и тихо промолвил:

– Куда вы ведете меня, господа? Я родился в доме генеральши Тюткиной! – и указал палкой в сторону руины.

Потом вытер белоснежным платком влажные глаза...

Все вернулись к машине... Конфуз был страшный! Больше всего досталось несчастному зав. культурой города Ломоносова тов. Геннадию Федоровичу Николаеву. Начальница из Ленинграда распекала его:

– Полно оправдания молоть-то! Недоглядел! Маху дал! Повел Стравинского не туды!

Р. С. После смерти И. Ф. Стравинского в Ломоносов приехал его сын, художник Федор Игоревич Стравинский. От родного очага остались руины фундамента. Ф. И. набрал горсть земли и отвез ее в Венецию на могилу отца!

7 октября 2016 года

На концерте Стравинского

1962 год. В Ленинградской филармонии авторский концерт И. Ф. Стравинского. В программе «Жар-птица», «Поцелуй феи», «Фейерверк».

На сцену вышел маленький сухонький старичок, напоминающий героя Гофмана. Его дирижерские взмахи скупы. Он как бы загребает музыку под себя, к животу. Фрак неуклюже дергается, повторяя ужимки маэстро, а голова в виде яйца, казалось, посажена прямо на плечи. «Заслуженники» оркестра Мравинского, несмотря на неуклюжие движения композитора, играют превосходно! Я впервые вижу ограду у дирижерского подиума. В голову приходит бредовая мысль: «Это чтобы композитор в экстазе не рухнул в партер!». По окончании исполнения Стравинский поворачивается и, держась за ограждение, долго всматривается в зал, как будто ища кого-то, затем – символический кивок публике: «Спасибо!». Оркестр самостийно встает, скрипачи стучат смычками о пульты. Сквозь аплодисменты слышны щелчки и вспышки фотоаппаратов. Дирижер приподнял руку – знак внимания – и обратился к залу тихим, скрипучим голосом:

– Я хочу вам сказать о том, что семьдесят, точнее шестьдесят восемь лет тому назад, я сидел в этом зале с матерью и слушал концерт Чайковского, которым дирижировал Направник. Это было через две недели после смерти Чайковского. И Направник дирижировал той же программой, которой незадолго до смерти дирижировал Петр Ильич Чайковский. Это был памятный для меня концерт – я первый раз был в этом зале. А сегодня я первый раз в этом зале дирижирую! (Аплодисменты.) И это для меня огромный праздник! (Аплодисменты.) О чем я и хотел вам пове-
дать...

После концерта в Голубой гостиной, когда разошлись почитатели и гости, пианистка М. В. Юдина, что опекала Стравинского, как курица-наседка, представила маму:

– Игорь Федорович! Это ученица и помощник профессора и руководителя Ленинградской капеллы Михаила Георгиевича Климова, ныне дирижер Капеллы и профессор нашей Консерватории Елизавета Петровна Кудрявцева!

Стравинский взглянул на маму снизу вверх своими выпуклыми, рыбьими глазами. Мама стала что-то смущенно лепетать о премьере «Свадебки», в которой ей довелось петь в хоре Капеллы девочкой. О том, как ее учитель, профессор Климов, после исполнения «Свадебки» и аплодисментов повторил сочинение от первой ноты до последней... Стравинский смотрел на маму, не мигая, потухшим взором. Сложилось впечатление, что он не слышит и не понимает собеседника.

Неожиданно, как бы очнувшись, он пробормотал:

– Как же! Как же! Помню капелльского регента Климова! Знаю, что он много раз исполнял с хором мою «Свадебку» в 20-е годы!

Рядом с диваном, на котором неловко примостился Стравинский, стояла импозантная дама с седой прядью в шевелюре в дорогом меховом мантио, его супруга, говорила что-то по-английски, торопила мужа. Игорь Федорович вручил маме на память

Хоффициг Джерард. Карикатура на И. Ф. Стравинского

фото, почему-то начертав свою фамилию по-английски. Тут его помощник Роберт Крафт услужливо подал элегантное черное английского покроя пальто, котелок, трость, и они пошли на выход из Филармонии... Прошло 55 лет, а у меня перед глазами каждый штрих этой встречи.

Запомнилось белоснежное кашне Стравинского, которое на ходу, как маленькому ребенку, многократно поправляла заботливая супруга:

– Не дай бог Игоря Федоровича может продуть мерзкая ленинградская погода!

2 октября 2016 года

Радостный дебют

О первом концерте возрожденного Академического любительского хора Петербургской консерватории

27 мая 2004 года, в день рождения нашего города, произошло в музыкальной жизни событие – дал свой первый в двух отделениях концерт Любительский академический хор при Петербургской консерватории. Им руководит замечательный русский музыкант, заслуженный деятель искусств России Владимир Александрович Максимков.

Порадовала тонко подобранная программа. В первом отделении зарубежная классика. От Жоскена де Пре, Лотти до хоров Генделя, Перселля, Моцарта. Любопытно, что две «Аве Марии» Кальдара и Шарля Гуно соседствовали с литургической музыкой XIX и XX веков.

Во втором отделении – сочинения русских классиков: Глинки, Лядова, Свиридова, обработки народных песен и духовная музыка Римского-Корсакова, Косолапова и нашего современника Леонида Петрова.

Баланс, равновесие хоровых партий был выдержан на самом высоком уровне. Сопрано не «гвоздили», как часто бывает в коллективах, альты звучали ровно, не «сажали звук на грудь», тенора

забыли на время, что они «голоса-душки», пели без всякого намека на слащавость, басы не «ухали» гармонические функции, а были опорой для всех. Хор пел ровно, с полным пониманием замысла авторов. Солисты были украшением концерта. Даже трудно кого-то выделить для похвалы.

В. А. Максимкова, воспитанника Хорового училища Капеллы и нашей Консерватории (класс профессора А. Е. Никлусова), мы помним по блестящим гастролям в Ленинграде руководимой им в течение сорока лет Капеллы Архангельска. И вот он вернулся в родной город заслуженным деятелем искусств России, обосновался в альма-матер, Консерватории, и за короткий срок (около года) сплотил коллектив единомышленников.

Дирижерской манере его свойственна простота и в то же время монументальность жеста, полное отсутствие всякой рисовки, игры на публику. Хор с полной отдачей выполняет его трактовки сочинений. Необходимо сказать и о тактичном аккомпанементе Светланы Максимковой, преданного друга и соратника Владимира Александровича, также воспитанницы нашей Консерватории.

Публика, собравшаяся в уютном зале Финской церкви на Большой Конюшенной улице, горячо аплодировала певцам хора и его руководителю.

В заключение еще раз поздравляю коллектив и В. А. Максимкова с радостным дебютом и желаю новых успехов и концертов на благо нашего русского хорового искусства!

Май 2004 года

О книге «Здесь живет музыка»

К 45-летию Астраханской консерватории

Держу в руках книгу «Здесь живет музыка», которую мне привезли с Волги. Я искренне позавидовал астраханцам. Стыдно сказать, ни московские музыканты, ни деятели северной столицы не удосужились «родить» подобное издание. Хотя недавно мы с размахом отметили 150 лет основания А. Г. Рубинштейном

первой русской консерватории. Да что Консерватория!!! Мы пропустили 200-летие со дня рождения первого учителя П. И. Чайковского, выдающегося хормейстера, композитора Г. Я. Ломкина. А его имя выбито золотом на фронтоне Капеллы рядом с именами М. И. Глинки и Д. С. Бортнянского.

В свете вышесказанного книга астраханцев уникальна. В ней подробные очерки об основателях вуза и о нынешних педагогах. Надо воздать должное вдохновительнице и составителю книги, автору 35 очерков-портретов, заслуженному деятелю искусств России, профессору Л. П. Власенко. Да и другие авторы этого 800-страничного труда достойны самой высокой оценки. Книга – это история 45-летней жизни астраханского вуза со всеми катаклизмами, взлетами, трудностями, что испытала наша многострадальная матушка Россия.

С большим интересом прочел очерк о самой Л. П. Власенко. Я встретил ее начинающим хормейстером в классе народной артистки России, профессора Ленинградской консерватории Е. П. Кудрявцевой. Первые Любины шаги в Хоре любителей пения Ленинграда. Рад, что она стала выдающимся педагогом, музыкантом, хормейстером, достойным своего великого учителя. Замечательный очерк Л. П. Власенко о первом ректоре Астраханской консерватории профессоре А. Ф. Ушкареве. Помню его еще с далекого военного 1942 года в кировской деревне Арбаж, куда из блокадного Ленинграда было эвакуировано Хоровое училище Капеллы. Незабвенный ученик М. А. Балакирева и Н. А. Римского-Корсакова, Палладий Андреевич Богданов учил нас в суровых условиях через музыку, пение – человечности музыканта. Ребята все делали сами. Заготавливали дрова, давали концерты в соседних деревнях и учились, учились. По негласной традиции мальчишечьей бursы каждый имел прозвище. У Толи оно было необычным – Ухо! Он с Миной (В. Н. Мининим), Козлом (Ф. М. Козловым), Флярой (А. Н. Флярковским) рубили дрова, а я таскал их в дом, где Козырь (С. П. Козырев) с Косым (А. А. Юрловым) бросали в топку круглой печи: «Тощей Кобыле (мое прозвище и по сей день) больше одного полена не нагружать! Помрет, перед Мамой Лизой (Е. П. Кудрявцева, дирижер взрослой Капеллы) не отмоешься!».

С тех пор прошла целая жизнь! Профессор А. Ф. Ушкарев издал в 1982 году книгу «Основы хорового письма» и прислал ее маме (Е. П. Кудрявцевой) с трогательным посвящением «Дорогой Елизавете Петровне – первому, чудному музыканту, научившему меня петь в хоре, с самыми сердечными и добрыми чувствами от автора».

В книге он цитирует полностью мой разбор и анализ хора А. Т. Гречанинова «Север и юг» без ссылки на автора. При встрече в Москве я заметил Анатолию Федоровичу об этом. Он смущенно в ответ: «Знаешь, Кобыла, у Папы Саши (так мы величали за глаза А. В. Свешникова) после его кончины в письменном столе обнаружил толковую работу о композиторе, без начала и конца, и не знал, что это твоя! Прости грешника-капелланина!» Я обнял друга. Это была наша последняя встреча!

Изумителен в астраханской книге портрет Н. Н. Калинина. Когда в 70-х годах я работал в Ленконцерте с народными певцами, с квартетом «Сестры Федоровы», общался с этим великим музыкантом и его оркестром.

Очерк о В. П. Попове. Опять знакомый! Именно он записал с Андреевским народным оркестром мою сюиту «Монастырские песни». На основе фонограммы на ТВ был снят фильм. Забавно было видеть знакомых музыкантов в русских расшитых рубахах и в сарафанах и самого Владимира Павловича среди них.

Еще много можно сказать о книге и ее героях. Желаю Л. П. Власенко такого же долгого горения на благо русской музыки, во славу нашего русского народа!

Особая благодарность уважаемому профессору С. Е. Комякову за финансовую поддержку этой замечательной книги. Мой поклон ему и его деяниям!

16 сентября 2015 года

Григорий Романович Ширма

Батька Грыгор

На репетицию Хора любителей пения Ленинграда на Мойку, 20, в Капеллу, мама (Е. П. Кудрявцева) привела седовласого старичка, похожего на гнома-лесовичка. Из-под густых бровей глядели добрые колкие глазки. Мама представила:

– Познакомься! Григорий Романович Ширма!

Тот протянул мягкую теплую ладонь.

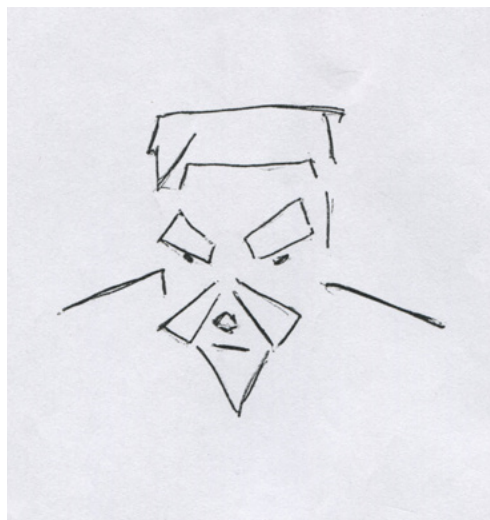
– Батька Грыгор!

– Шура Мурин!

Мама приказала мне:

– Распой Любителей!

После нескольких вокальных упражнений певцы грянули на голоса гамму до мажор и Канон Моцарта «Слава солнцу, слава миру...». Прозвучало вступление, и мы исполнили «Аллилуйю» из «Мессии» Генделя. По окончании гость попросил спеть что-нибудь из современной музыки. Мама показала триптих В. Н. Салманова на стихи белорусского классика Янки Купалы в переводе нашего поэта-ладожанина Александра Прокофьева, созданный специально для нашего коллектива: «Песня»,

Батька Грыгор.
Г. Р. Ширма (1964 г.)
Рис. А. Мурина

«Лесное озеро», «Весна». Ширма достал платок и стал протирать глаза, как будто в них попали пылинки. Смолкла музыка. Григорий Романович тихим голосом благодарил маму, хористов и меня. Позднее я узнал, что Г. Р. Ширма, признанный музыкальный лидер Белоруссии, регент, фольклорист, школьный учитель, хормейстер, композитор, народный артист СССР, Герой соцтруда, основатель и руководитель Государственной капеллы и пр. пр. пр. Простой народ дал ему самое высокое звание – Батька Грыгор.

Через неделю мы получили из Минска от него письмо, в котором он дает высокую оценку мастерству Хора любителей пения, Елизавете Петровне и несколько строк в мой адрес:

«12. 12. 1963 г.

Высокоуважаемая Елизавета Петровна!

До сих пор вспоминаю Вас, Ваш хор и Вашего Сашу. Пусть он извинит мне такую фамильярность, ведь я не знаю, как величать его по отчеству. С первой встречи невольно проникаешься симпатией и душевным расположением к такой чистой и светлой молодости. К такому большому таланту художника-дирижера. Я почувствовал в Саше будущую радость на нашей запущенной ниве музыкального искусства».

Эти строки я воспринял по принципу: «Сие не про меня!»

В письме хормейстер просил прислать партитуру Моцарта в той последовательности голосов, как мы ему исполняли. Я немедленно выполнил просьбу. В ответ Ширма прислал нам обработки белорусских народных песен композитором А. Т. Гречаниновым, с которым он долгие годы был дружен. Их я использовал в своей монографии о русском классике. Так завязалась наша дружба с белорусским хормейстером. Позднее Ширма исполнил с большим успехом со своей Капеллой триптих Салманова, но на белорусском языке.

Нет многих музыкантов, с кем меня свел Господь! В 1978 году не стало и Г. Р. Ширмы!

В 80-х годах я приехал в Минское культурно-просветительное училище. Прочитал перед коллегами доклад «О работе над дикцией в хоре». Его мои белорусские товарищи благосклонно приняли и даже напечатали, снабдив народными белорусскими

скороговорками. А я попросил минчан отвести меня к Батьке Грыгору. На престижном погосте я без труда обнаружил бронзовый бюст того, на кого полвека назад дерзнул нарисовать дружеский шарж. Положил на гранитную плиту Батьке Грыгору красные гвоздики и вспомнил все, о чем поведал выше.

18 декабря 2015 года

А. Мурин на могиле Г. Р. Ширмы. Минск. 1986 г.

Хозяйка жареных сапог

На Карельском перешейке под Ленинградом после финско-советской войны 1940 года осталось много брошенных усадеб, принадлежавших когда-то бывшим русским. К 1945 году многие из них были разрушены и превратились в пепел. В их числе и усадьба И. Е. Репина «Пенаты». В 50-е годы ее заново отстроили на старом фундаменте и, чтобы придать «обжитой» вид, поселили временно работников музея. Папа через своего знакомого реставратора по фамилии Каганович притащил меня и сестру в Пенаты посмотреть, как до революции жили «бедные антиллиты». Там мы встретили случайно зрителя репинского очага дочку бабы Лели Марию. Баба Леля была кормилицей маленьких Муриных, когда те еще до революции обитали на собственной даче в Териоках (ныне Зеленогорске).

Уютные финские домики Карельского перешейка ленинградские власти быстренько приспособили под ведомственные дачи, дома отдыха и творчества композиторов, писателей, киномагнатов, артистов и т. д. Недалеко от репинских Пенат расположился дом отдыха ВТО, где селили артистов ленинградских театров, исправно плативших профсоюзные взносы. Как тут не вспомнить Ильфа и Петрова: «Пиво отпускается только членам профсоюза!» В доме творчества Всероссийского театрального общества артисты, устав от ролей и режиссерских выкрутасов, поправляли подорванное здоровье. Свободные путевки в дом ВТО отдали бедным музыкантишкам из Консерватории. Богатые и именитые «консерванты» отдыхали в Доме творчества композиторов, что расположился на берегу Финского залива. Там, на повороте Приморского шоссе, стоял «голубой шалман», проще деревенский лабаз, где песенные гении регулярно покупали горячительную жидкость за 2 р. 87 к., как говаривал ВПСС (Василий Павлович Соловьев-Седой) для «пущего вдохновения, под килечку!».

Бедные консерванты ютились в бывшем финском доме с печкой на просторной кухне и в клетушках для музыкальных занятий. Хотя единственное пианино было в столовой ВТО метрах за пятьсот. У артистической харчевни, посреди тропы, стоял

трактор «Фордзон-Путиловец», который с незапамятных времен лишился каких-то важных деталей и, вместо того чтобы разгребать снег, был памятником нашей бесхозяйственности.

На него в валенках 47-го размера (дело было в январе) залез молодой аспирант Консерватории композитор Сергей. Он крутил какие-то рычаги, стучал железкой по трубе, но машина стояла, как вкопанная! Консерванты шутили:

Прокати нас, Сережа, на тракторе!
До столовой ты нас прокати!

Любимым занятием всех было до седьмого пота гонять на лыжах. Надевали ватные штаны и свитера, к валенкам прикрепляли мягкие крепления, натягивая на пятки резиновые полоски. На лыжне «спортсмены» напоминали больше «диснеевского» Бэмби на льду! Но было исключение: высокой, длинноногой студентке-музыковеду Людмиле родственник «из-за бугра» привез кожаные на меху и на белой каучуковой подошве зимние сапоги. После первого же похода «заграничное чудо» промокло до основания, и хозяйка поставила их сушиться на горячую плиту. Один сапог провалился через конфорку в топку и сгорел. Тогда молодой преподаватель Консерватории Женя Шендерович со словами «Воздадим Амен европейской продукции!» бросил в огонь другой сапог! Слез было море! Евгений Шендерович был талантливый пианист-импровизатор, хохмач. Легендой среди музыкантов ходили его «40 вариаций на тему «Чижика» в духе композиторов всех времен и народов от Баха до Шостаковича».

Вспоминаю, в 50-е годы на консерваторском капустнике в большом зале Евгений вышел на сцену в строгом черном фраке и роговых очках к роялю и исполнял свой «убойный» номер. Слушатели в буквальном смысле катались по полу от смеха, а среди них «ржали» до неприличия Евгений Мравинский, Николай Черкасов, Георгий Товстоногов.

После сгоревших сапог Людмилы родилась у Жени шутка:

Хозяйка жареных сапог
И двух чудесных стройных ног.
О, если б только я бы мог,
Я взял бы их бы в свой чертог!

И тут же после «патетического» прочтения получил по шее от очаровательной супруги Сусанны!

На трудоголика Катю Мурину, что «пилила» пианино в главном корпусе, готовясь к конкурсу в Москве, появилась эпитафия:

Увы, не Маслова она,
Великая – едва ли,
Но девушек таких
Мы не встречали!

(Имелись в виду: героиня Толстого и Екатерина Великая, императрица.)

На Вику Богдашевскую, миниатюрную тихоню, родились вирши:

Этот маленький зверек
Сидит, прижавшись в уголок,
О, если б что-нибудь изрек
Сей уважаемый зверек!

В январские вечера на Карельском перешейке темень наступала рано. В доме ВТО не было ни телятников, ни радио, и эти шуточные посиделки на кухне при мерцании огоньков в теплой финской печке скрашивали время.

Известность, слава, звания, карьеры – все было впереди!

P.S. Герои этого рассказа:

Хозяйка жареных сапог – Людмила – ныне уважаемый профессор Консерватории, доктор искусствоведения Людмила Григорьевна Ковнацкая.

Сережа-тракторист – всемирно известный композитор, народный артист России, профессор Сергей Михайлович Слонимский.

Катя Мурина – народная артистка России, профессор, известная в мире пианистка и педагог.

Вика Богдашевская – концертмейстер аспирантского класса М. Л. Ростроповича, ныне живет в Канаде.

Сусанна и Евгений Шендеровичи – пианисты-аккомпаниаторы с мировой известностью. Жили и творили в США. Ныне, увы, на небесах. Как-никак с зимы 1958 года прошло почти 60 лет!

18 декабря 2016 года

Троица

Кое-что о псевдонимах

На заседании Всемирного клуба петербуржцев, что проходило в доме Кочневой на набережной реки Фонтанки, 41 (в бывшем Ленконцерте), за столиком у окна сидели три с виду неприметных личности и о чем-то жарко спорили. Это были друзья-одногодки: драматург Александр Моисеевич Володин, режиссер Александр Аркадьевич Белинский и эстрадный артист Бен Николаевич Бенцианов. Иногда они подливали в фужеры жидкость из бутылки, что стояла неприметно на полу у занавески.

– Самый хитрый из нас Бен! – сказал, обращаясь к Бенцианову, Белинский. – Звучит, как звон бокалов с дорогим вином! – Бен! Бен! Бен!

Они отхлебнули водочки...

После паузы ехидным голосом, повернувшись к Белинскому, вклинился Володин:

– Эх, Саша! Дернула тебя нелегкая взять имя великого русского критика! Брал бы пример с меня: Володин! Володин! Володин! Скромно, со вкусом и политически грамотно!

Они снова выпили...

Продолжил дискуссию Белинский:

– А что бы было, братцы, если бы я взял в оные года имя великого усатого всех времен и народов и сегодня из телевизора и театра несло: «Режиссер Виссарионов! Режиссер Виссарионов! Режиссер Виссарионов!»

И собеседники окунули свои знаменитые носы в фужеры...

А заседание клуба продолжалось своим чередом. Лились речи, воспоминания.

Троица иногда скептически посмеивалась и отпускала остроты.

7 февраля 2017 года

Верю в «Зенит»

Кумиры детства

1945 год. Мы с отцом едем на футбол в набитом, как банка сельдей, двенадцатом трамвае. Люди гроздьями висят на подножках. На остановке «Проспект Динамо» все вываливаются, и вагон идет на кольцо ЦПКиО пустой. Толпа рекой течет к любимому стадиону. Безбилетники «по нахалке» лезут через высокую ограду. У турникетов, где дежурят милиционеры и контролеры, нас встречает папин сослуживец по заводу, вратарь команды Борис Грищенко, проводит на поле стадиона и усаживает на скамейку рядом с запасными игроками за воротами. Свисток судьи. Начинается матч. Футболисты, как тараканы, бегают по полю. С трибуны несется: «Пека! Пека!», в ответ: «Кока! Кока!». Это болельщики поддерживают своих, братьев Петра и Николая Дементьевых. За нами на высоком холме, как воробьи, торчат сотни мальчишек, что пробрались на стадион по невской воде. Мы наблюдаем, как в воротах, как тигр в клетке, мечется Грищенко. Он бубнит под нос: «Здесь жарко – там студне! Здесь жарко – там...» В этот миг мяч летит в девятку! Вратарь под вздох стадиона отбивает его на «корнер». В перерыве отец просит меня прочесть игрокам новый стишок про футбол. Я, встав на скамейку, начинаю писклявым дискантом:

Мамы нету дома!
Петя так и знал,
Не придется Пете
Ехать на финал!
А погода чудная,
И в руках билет.
– Положенье трудное! –
Говорит сосед.
Вдруг выходит бабушка,
Надевает шаль,
Заявляет бабушка:
– Мне ребенка жаль.
Правда, на футболе я
Сроду не была,

Погляжу тем более,
Что там за дела.
«Цедека» – «Динамо»
Вывешен плакат.
Всюду о футболе
Люди говорят.

Затем в стихшке идет описание самого матча, и в конце я вда-
рил патетично:

Не сдается бабушка,
Говорит упрямо:
– Все равно я, Петенька,
Болею за «Динамо»!

Все игроки смеются и одобрительно хлопают меня по спине.
Начинается второй тайм! Летели годы. Менялся репертуар.

...Потом над лужею зеркальной,
Где кубок отражен хрустальный,
Сошлись Никита Симонян
И Сальников, как ураган.
Враги! Давно ли друг от друга
Их жажда Кубка отвела?
Давно ль они часы досуга,
Зарплату, пиво и дела
Делили дружно...

Имена футболистов ленинградские мальчишки знали значи-
тельно лучше, чем сегодня знают поклонники звезд Филипка
Киркорова и Николаши Баскова!

А потом пришли смутные времена, о которых пели под гита-
ру и концертино с эстрады Рудаков и Нечаев:

Наш, товарищи, «Зенит»
Был когда-то знаменит.
А теперь игра в «Зените» –
Не игра, а извините!

Пришло новое поколение игроков – поколение Бурчалки-
ных-«Выручалкиных».

Наш «Зенит» на чемпионской трибуне! Все в прошлом!

Сегодня по полю бегают иностранцы, миллионеры с фамилиями, больше напоминающими клички бродячих псов. А питерские пацаны не гоняют во дворах мячик и не мечтают стать будущими Марютиными, Пономаревыми, Фалиными, Кравецами, Левин-Коганами, вратарями, как Леонид Иванов. Да и сами футбольные поля давно срыли под жилье для «новых русских» и бизнес-центры.

Но я верю! Еще загремит над городом клич:

Эй, вратарь, готовься к бою:

Часовым ты поставлен у ворот!

Я верю!

Бывший болельщик бывшего Великого «Зенита»

Сашка Мурин

15 июля 2016 года, Петербург–Ленинград

О моих родных

История клана Муриных за 220 лет 1795–2015

По данным пятой ревизии в 1795 году по городу Грязовцу числится 32 купеческие фамилии и 77 мещанских фамилий. Среди последних и семья моего прапрапрадеда, мещанина Семена Мурина. Он был родом из крестьян деревни Свистуново Растиловской волости Грязовецкого уезда Вологодской губернии. У Семена Мурина было два сына. Старший Михаил Семенович Мурин, как указано в метрике Христорождественского собора Грязовца, родился в 1811 году. Это мой прапрадед. В той же метрической книге мы встречаем имя его младшего брата Ивана Семеновича Мурина и его сына Евграфа Ивановича Мурина (1850–?), судьба которых мне неизвестна.

Мой прадед, грязовецкий мещанин, позднее петербургский купец Василий Михайлович Мурин взял себе в жены крестьян-

На фото 1912 года в Териоках на собственной даче в Сатинином переулке А. М. Мурина-Оленчикова, 3 сына, 3 невестки, 3 дочери, 3 зятя и их дети

скую дочь Александру Михайловну Оленчикову (1854–1929), будущую петербургскую купчиху, и прижил с ней шестерых детей: Александра (1872), Елену (1874), Григория (1876), Надежду (1878), Николая (1881), Екатерину (1884).

Михаил Семенович и Василий Михайлович Мурины в середине XIX века перебрались в Петербург, открыли лавку и кабачок в доме жительства по Лештукову переулку, 8, стали торговать хлебом и фруктами, платили гильд. повинность с 1880 года. Семейное дело пошло в гору. В 1882 году у них лавки в домах 8, 9, 12 по Лештукову переулку, лабазы на Николаевской улице 80/20, 55/14, в Александровском рынке (помещение 4).

7 декабря 1889 года умирает в 44 года (в книге Саитова «Петербургские некрополи» указано, что в 46 лет) Василий Михайлович Мурин. Его похоронили на Волковском старообрядческом кладбище. Его вдова А. М. Мурина с шестью детьми (Александру – 17 лет, Елене – 15, Григорию – 13, Надежде – 11, Николаю – 8, Екатерине – 5) взвалила на себя все хозяйство. С 1890 года она платит гильд. повинность. Живут Мурины на Николаевской улице, в доме 70. А. М. Мурина решила купить дом 74 на Николаевской улице с флигелями и конюшней, обратилась за финансами к старшему брату, купцу I гильдии,

Дом на Николаевской ул., 74
(ныне ул. Марата), что купила
в 1890 году моя прабабка
А. М. Мурина-Оленчикова
у наследников Панаевых

потомственному почетному гражданину Ивану Михайловичу Оленчикову. Тот в ответ: «Рожей в купчихи не вышла!».

Александр Михайловну поддержали знакомые купцы Мальцев, Пересадин, Лушев (в будущем ее зятя). В конце концов, и старший брат сменил гнев на милость, помог.

(Историю дома 74 по Николаевской улице и о его обитателях я подробно рассказал в 2011 году в книге «Как очевидец».)

Итак, в 1890 году А. М. Мурина покупает дом и заводит в нем еще один лабаз.

Три сына учатся в престижном Петровском коммерческом училище на Фонтанке у Чернышова моста (в архиве на Псковской улице, 10 хранятся личные дела моих дедов).

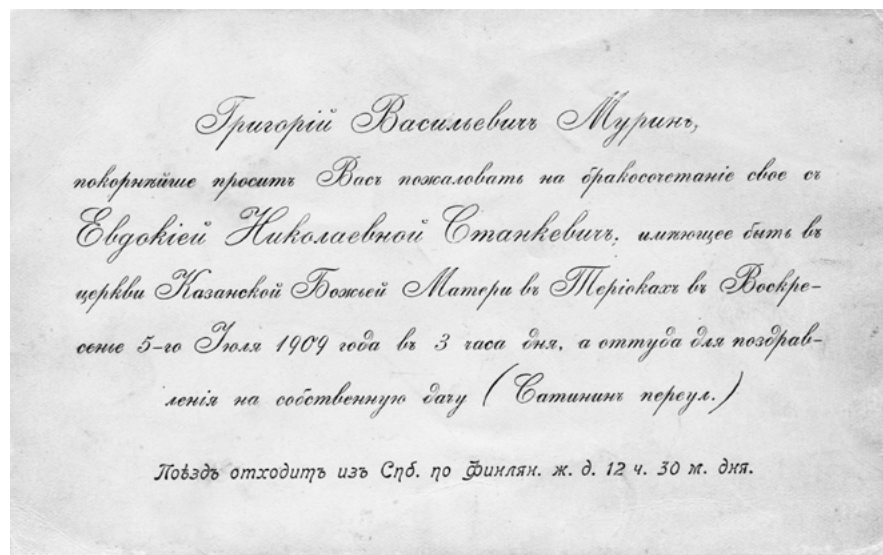
Трех дочерей А. М. Мурина выгодно выдает замуж: Надежду – за хозяина мыловаренных заводов купца В. В. Мальцева, Елену – за кожевенника, купца И. Н. Пересадына, Екатерину – за корабеля Н. Я. Лушева. Окончив Петровское коммерческое училище, братья Мурины занялись профессионально делом, обеспечением Петербурга и России зерном, хлебом, и достигли больших успехов. Так, к началу 1917 года старший, А. В. Мурин, – потомственный почетный гражданин, купец I гильдии, гласный Петроградской городской думы, председатель общества взаимного кредита Калашниковской хлебной биржи, совладелец Калининского пивного завода, председатель Всероссийского союза торговцев, попечитель городского Преображенского кладбища. В 1904 году первым из братьев Муриных он обзавелся семьей. Его супруга Елизавета Павловна (в девичестве Федорова) подарила дочь Музу (1905–1949), трех сыновей: Николая (умер ребенком), Льва (1909–1967), Романа (1917–1944). Мой дед Г. В. Мурин, также потомственный почетный гражданин, купец I гильдии, был первым помощником старшего брата во всех начинаниях. 10 декабря 1911 года братья создали в Петербурге «Товарищество Братья Мурины», что начало действовать с капиталом в 5 тысяч рублей с 1 января 1912 года.

Следом за старшим братом и Григорий Васильевич Мурин обзавелся семьей. Невеста деда – золотошвейка из Петергофа, девица польского происхождения, католичка Евдокия Николаевна Станкевич (1886–1951). Клан Муриных поставил ей одно

Свадебное фото 1909 г.

Приглашение
на свадьбу Г. В. Мурина
и Е. Н. Станкевич в 1909 г.

условие – сменить веру на православную. Процесс продолжался полтора года. Видимо, и тогда в церковных канцеляриях царил традиционная русская волокита. За это время молодуха успела родить 25 февраля 1909 года своего первенца, которого нарекли в честь Алексия – Божьего человека. Крестными родителями были старший брат моего деда А. В. Мурин и его сестра Н. В. Мальцева-Мурина (последняя крестила и последующих деток Г. В. и Е. Н. Муриных – Веру, Василия, Александра). Сохранилось фото пятимесячного Алеши с надписью деда.

Ну а свадьбу Григорий Васильевич и Евдокия Николаевна сыграли в Териоках в Казанском храме 5 июля 1909 года.

Сохранилось и приглашение на свадебный пир на собственную дачу в Сатинин переулоч. На свадебном снимке Г. В. Мурин во фраке с неизменной сигаретой в руке, а Евдокия Николаевна

в шикарном белом платье. Ее взгляд устремлен куда-то поверх голов. Оказалось, она смотрит на пятимесячного сыночка Алешу, которого держит на руках, стоя на веранде дома, кормилица баба Леля, дочка смотрителя имения Островки на Неве, где и появился на свет младенец. Напомню, и остальных детей: Веру, Васю, Сашу – Е. Н. Мурина рожала в Островках. В советском паспорте моего отца А. Г. Мурина в графе место рождения стояла надпись: «Ленинградская область, Островки».

Отец, глядя на старинный свадебный снимок, с иронией замечал:

– Посмотри, какая осиная талия у Дуни после моего рождения!

На другом снимке 1916 года у моих деда и бабки уже трое детей!

Г. В. Мурин и Е. Н. Станкевич. 1916 г.

Младший из братьев, Мурин Николай Васильевич, в 28 лет женился на 16-летней красавице Екатерине Александровне Барышниковой и стал зятем петербургского капиталиста, купца I гильдии, потомственного почетного гражданина, владельца лавок в Гостином дворе А. Я. Барышникова. 6 марта 1910 года в их семье появился наследник двух родов – Андрюша (о нем подробно я рассказал в книге «Как очевидец» в 2011 году).

В Первую мировую войну братья Мурины вступили в русскую армию.

Прапорщик А. В. Мурин занимался снабжением наших войск продовольствием, строил Калашниковскую биржу на Полтавской улице, склады на Калашниковском проспекте, 5, на Калашниковской набережной.

Прапорщик Г. В. Мурин служил интендантом в Вологде в 577-й пермской пешей дружине. Любопытно, его начальниками были М. В. Фрунзе и В. Н. Левичев (в будущем начальник штаба Красной армии в Москве).

Младший из братьев, прапорщик Н. В. Мурин, храбро сражался в действующей армии, был контужен под Сходом. Рядом с окопом разорвался немецкий снаряд. Воина засыпало землей. Товарищи откопали его и доставили в лазарет. После поправки он перебрался к брату в Вологду.

Пока Николай Васильевич воевал на фронте, его ветреная супруга Екатерина, взяв малютку-сына Андрюшу, с любовником, неким Пальковским, сбежала в Польшу. Начались трагичные скитания избалованной дочери капиталиста. Ее старший брат, Александр Барышников, талантливый архитектор, создатель северного модерна, пошел в феврале 1917 года в политику. Стал министром Временного правительства, дружил с Керенским!

После Польши Е. А. Мурина-Пальковская с новым поклонником Л. В. Насоновым, бывшим полковником деникинской армии, переметнулась в Берлин. Леонид Владимирович Насонов, сын знаменитого русского музыканта, руководителя оркестра русских народных инструментов на царской яхте «Штандарт», сопровождал государя в многочисленных заграничных походах. Любопытный факт, когда яхта с царской семьей села на мель в Финском заливе, ее ремонтировал на Питерских верфях

инженер-корабел Николай Яковлевич Лушев, муж моей крестной бабы Кати – Е. В. Муриной-Лушевой! Вот какие невероятные круги выписывает с нами история.

В 1917 году мой дед, служивший в Вологде, перевез к себе из бунтующего и голодного Петрограда семью. Старший сын поступил в местную гимназию.

Фото Алеши Мурина. 1909 г.

Автограф деда Г. В. Мурина 6 декабря 1909 г. на фото Алеши Мурина в подарок отцу-крестному А. В. Мурину

В бумагах деда я обнаружил газеты за февраль 1917 и копию отречения Николая! И понял, что он был истинным русским монархистом. Но больше всего меня потряс «Мандат», выданный Григорию Васильевичу Мурину в мае 1918 года.

Оказалось, дед, его брат Николай и еще два бывших офицера совершили в мае-июне 1918 года вояж за продовольствием из Вологды в Пермь и Екатеринбург.

Удостоверение
Вологодского
продовольственного
совета от 25 мая 1918 г.

Напомню: в эти дни в Екатеринбурге в подвале Ипатьевского дома томилась под охраной чекистов семья и слуги гражданина России Николая Александровича Романова. Что за «продовольствие» собирались привести «агенты Вологодского продсовета», одному Господу Богу известно!

После поездки за «продовольствием» прапорщик Н. В. Мурин попал в лагерь для бывших царских офицеров. Но, что удивительно, вернулся в Петроград в дом матери на Марата, 74, прятался по подвалам, чердакам, вел образ жизни по современным меркам бомжа. В осенний день 1924 года, увидав двух милиционеров за своей спиной, вбежал под арку муринаского дома, поднялся по мраморной лестнице на чердак, с криком: «За мной идут!», высунулся в слуховое окно и выпал с плохо приколоченной рамой на землю, сломал позвоночник и скончался на руках у матери. Его погребли на Волковом кладбище на Талевой дорожке в могилу отца. В ту же осень в Ленинград на пароходе из Гамбурга вернулись Л. В. Насонов и Е. А. Мурина-Барышникова

с 14-летним Андреем Муриным. Насонов канул в Лету (видимо, его «шлепнули» чекисты), Е. А. Мурина умерла в 1941 году в лагере в Сибири, а Андрюша, Андрей Николаевич Мурин, станет выдающимся русским, советским ученым-химиком (подробно о нем читайте в его «Воспоминаниях», изданных Петербургским университетом к 100-летию со дня рождения).

После 1917 года Мурины спокойно, как положено староверам, расстались со своим богатством: имениями, домами, биржами, заводами – и с молитвой «На то Господня воля!» пошли служить «гегемону» простыми советскими служащими. Так, А. В. Мурин был клерком по учету векселей в банке на Невском, рядом с кинотеатром «Аврора», хотя успел еще сдать 7 июля 1917 года свои склады на Калашниковском проспекте, 5 Союзу потребителей обществ Петрограда в аренду.

В июне 1922 года мой дед Г. В. Мурин с семьей вернулся в Питер на Марата, 74, а 24 апреля 1923 года его сняли с воинского учета за достижением предельного возраста (47 лет). 23 декабря 1933 года после продолжительной болезни полуослепший в возрасте 57 лет скончался бывший потомственный почетный гражданин, бывший купец I гильдии Григорий Васильевич Мурин. Его схоронили в могилу брата Николая на Талевой дорожке Волковского погоста. Все заботы о неработающей матери и младших братьях легли на плечи моего отца А. Г. Мурина. Ему пришлось оставить мечту стать художником, наступить «на горло своей песне».

В 1935 году не стало и старшего из моих дедов, последнего из «бывших потомственных почетных граждан, бывших купцов I гильдии и т. п.» Александра Васильевича Мурина. Он упокоился рядом с прабабкой А. М. Муриной и ранее ушедшей в 1930 году супругой Елизаветой Павловной Муриной, все на той же Талевой дорожке.

О следующих поколениях династии Муриных я подробно поведал в книге «Как очевидец», изданной в Петербурге в 2011 году.

Отправляю вас к ее страницам.

Сентябрь 2016 года

102-я школа отца

Мой дед по отцовской линии Мурин Григорий Васильевич (1876–1933) при призыве на русско-японскую войну 1905 года был освобожден от воинской службы по болезни глаз. Во время Первой мировой войны с Германией он был переосвидетельствован и признан годным на нестроевые должности. Сдал экзамены на звание прапорщика и был зачислен в мае 1916 года в городе Вологда в 577-ю пешую дружину на должность интенданта по снабжению. Дед в конце XIX века окончил в Петербурге Петровское коммерческое училище. В начале 1917 года он перевез

Фото гимназиста
Алеши Мурина.
Вологда, 1917 г.

из Петрограда, который сотрясали бунты, революции, стачки, в Вологду свою семью: жену Евдокию Николаевну и четырех детей: Алексея восьми лет, Веру шести, Василия трех и годовалого Александра. Старший из сыновей Алексей был определен в начальный класс Вологодской гимназии, и к нему пристало оказующее местное произношение, от которого он в дальнейшем с трудом избавился.

В июне 1922 года Г. В. Мурин с семьей возвратился в Петроград в родовое гнездо на улицу Марата (в прошлом Николаевскую), 74. Его мать, А. М. Мурина, хозяйка дома, выделила им квартиру на четвертом этаже. 24 апреля 1923 года дед был исключен из числа военнообязанных за достижением предельного возраста.

Его сын Алексей поступил в 1922 году в 102-ю Петроградскую советскую единую трудовую школу на Греческом проспекте, 21. До 1917 года это было престижное 3-е реальное училище Петрограда. В нем преподавали многие знаменитые профессора Петербургского университета, Технологического и Педагогического институтов, Академии художеств. Этих корифеев, к счастью, и застал мой отец во время пребывания (1922–1927) в 102-й школе.

Первым следует назвать профессора Педагогического института и заведующего кафедрой древнерусской литературы Университета, автора фундаментального труда по истории литературы Василия Афанасьевича Келтуялу (1867–1927). Он вел уроки... литературы! Историю преподавал профессор Академии художеств, автор учебников по отечественной истории Александр Иванович Боргман (1879–1942). Выпускник Ларинской гимназии и Петербургского университета, сын профессора физики университета, он привил ученикам фантастическую любовь к предмету.

Николай Аполлинариевич Брянский (1870–?), также воспитанник Петербургского университета (окончил физико-математический факультет в 1893 году), вел физику. Он был известным в России поэтом-переводчиком Овидия, Гейне, Мольера, Шекспира, Мильтона и др. Знал в совершенстве латынь и многие европейские языки. В 1930 году его, физика, в шестьдесят лет

приняли в Союз писателей СССР! Как он преподавал, можно судить по тетрадке по физике его ученика Алексея Мурина.

Математику вели известные ученые Н. Я. Неймарк и директор школы Г. Н. Любимов. Сергей Александрович Калугин обучал школьников начертательной геометрии, рисованию, плакатному делу и по собственной инициативе читал им лекции по искусству, живописи, архитектуре. Отец в конструкторских бюро, в которых служил в дальнейшем, отличался изумительной чистотой чертежей и требовал того же от своих подчиненных инженеров. В КБ он проделывал для друзей виртуозный трюк: подходил к грифельной доске, ставил мелом в середине точку, закрывал левой рукой лицо и проводил ровный круг. После школы отец поступил в Академию художеств, в класс профессора А. А. Рылова, но по семейным обстоятельствам вынужден был оставить свою мечту стать художником. От него остались талантливые рисунки, портреты и пейзажи.

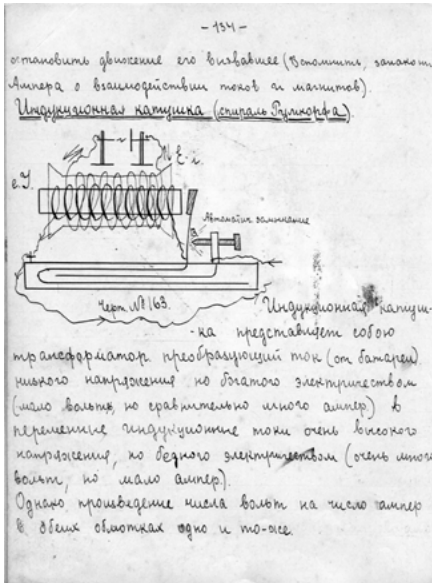
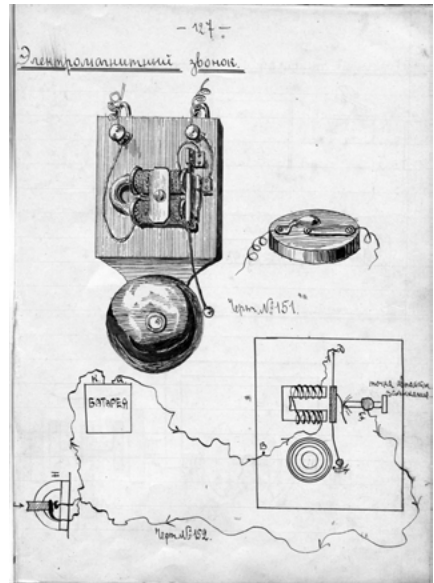
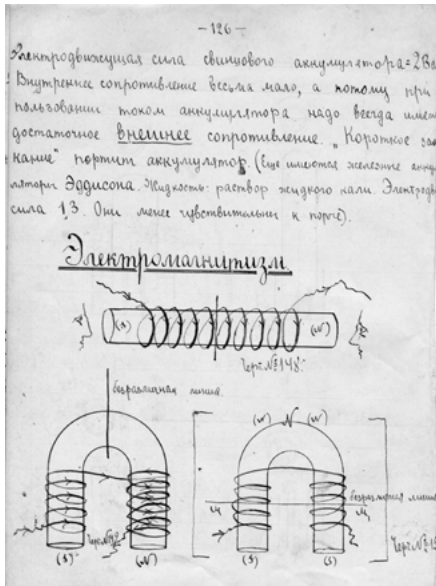
В 102-й школе серьезное значение уделялось языкам. Отец, знавший ранее латынь и церковно-славянский, в совершенстве овладел немецким и французским языками. Французский язык в школе вел Иван Иванович Шмидт, автор популярного учебника.

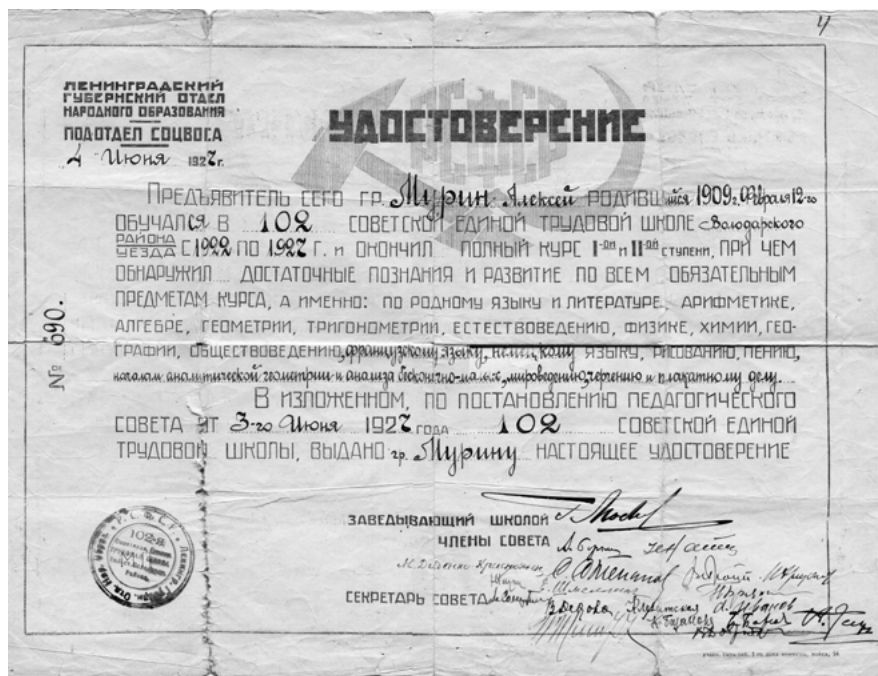
Вспоминаю, когда у нас в коммуналке на Мойке, 20 собирались друзья семьи: Е. А. Мравинский, Н. К. Черкасов, Д. Д. Шостакович, А. П. Лопырев – отец читал в лицах басни Лафонтена на чистом французском, да так, что Черкасов с досадой восклицал:

– Эх, Лешка! Какой в тебе Артист пропадает! Твое место у нас в Александришке!

Когда мама, дирижер Капеллы, в тридцать три года решила сдать экзамены экстерном за курс Консерватории, то отец подготовил ее по немецкому и французскому языкам. На экзамене мама читала в подлиннике Мольера, Шиллера и переводила, получив отличные оценки.

4 июня 1927 года отец получил аттестат об окончании 102-й советской единой трудовой школы, где указано, что он обнаружил достаточные знания по всем обязательным предметам, а именно: родному языку, литературе, арифметике, алгебре, геометрии, тригонометрии, естествознанию, физике, химии,

Свидетельство об окончании 102-й школы

географии, обществоведению, французскому языку, немецкому языку, рисованию, пению, началам геометрии и анализа бесконечно малых чисел, мироведению, черчению, плакатному делу. Под аттестатом подписались все вышеназванные учителя.

В 102-й школе в одно время с Алексеем Григорьевичем Муриным учились:

Ю. В. Толубеев (будущий народный артист СССР), Н. П. Бехтерева (академик), И. И. Лихницкая (академик), А. И. Клибанов (профессор), Л. С. Вильдгрубе (доктор технических наук), Г. С. Вильдгрубе (лауреат Ленинской премии, академик), М. В. Порай-Кошиц (профессор), Л. В. Якобсон (новатор-балетмейстер), Ю. И. Новиков (директор института им. Д. О. Отта), Л. Д. Фадеев (академик, доктор физико-математических наук)...

Позднее школу окончили:

К. Ю. Лавров (народный артист СССР), А. А. Белинский (режиссер), Н. И. Кунаев (народный артист России), Ю. С. Тюкалов

Фото Алексея Мурина,
выпускника 102-й школы.
1926–1927 г.

(олимпийский чемпион) и другие достойные граждане нашей страны.

Погибая от голода в ленинградскую блокаду в 1942 году, в своем дневнике отец называет время обучения в школе на Греческом проспекте «лучшими годами жизни» и вспоминает каждого из преподавателей.

Дай Бог каждому из нас иметь такую память о своей Школе и Учителях!

27 августа 2016 года

Записки отчаявшегося

По окончании школы восемнадцатилетний Алексей Мурин поступил чертежником на ткацкую фабрику в Шлиссельбурге. Рисует эскизы новых тканей. Мечтает об Академии художеств. Но в 1933 году умирает отец (Г. В. Мурин), и заботы о неработающей матери (Е. Н. Муриной) и младших братьях (Василии и Александре) легли на его плечи. Пришлось оставить мечту об Академии. Пошел на завод «Арсенал» кузнецом и параллельно поступил в только что открывшийся Военно-механический институт, где был старостой все пять лет первого выпуска. Его дипломной работой, которую он успешно защитил, была «Реконструкция прокатного стана кузнечного цеха».

Войну А. Г. Мурин встретил дежурным инженером. Отливал пушки для фронта. В 1942 году его мобилизовали с тремястами инженерами других ленинградских военных заводов во Второй отдельный рабочий батальон Управления подвоза Ленфронта и направили на Дорогу жизни на станцию «Ладожское озеро».

Сохранился дневник отца, который он вел в страшные дни блокады.

Отрывки из дневника Алексея Григорьевича Мурина

Моим золотым Катке и Татке

Благословляю всех святых, если они когда-нибудь существовали, что мои двое ребятишек, такие хорошенькие, не здесь и, возможно, не в такой степени чувствуют на своей шкурке, да и ты, моя дорогая коша, весь ужас такого положения, из которого, кажется, никогда не будет выхода. Во всяком случае, я не знаю, что бы мы с тобой делали сейчас с непрекращающейся поминутной угрозой погибнуть от снарядов, которые летают буквально над головами и разрываются где-то совсем близко или у тебя на глазах, когда прохожие, если ты на улице, валятся на землю, чтобы после разрыва перебежать на другую сторону улицы под защиту стены дома и бежать по ней, вернее прижимаясь к ней, до следующего разрыва.

...

...может быть, мой дорогой Татка или Катюшка прочтут то, что написал их папулька в эти тяжелые дни. Трудно очень предполагать, что будет дальше и, быть может, это уже все, и тогда я попрошу тебя не забывать меня в мыслях и рассказать ребятам, когда подрастут, что батянка их любил их всей душой вместе с мамой и что, в случае чего, последние мысли будут с вами, как с радостным и лучшим временем моей жизни. Милые вы мои. Как хотелось бы мне расцеловать вас троих еще бы разочек. Люблю вас безумно.

...

...наверно, выросли и изменились. Катюшка, верно, занятая стала. Мне думается, что к ним привьется вятский говор, подобно как мне вологодский, когда мы там жили раньше. Но это только в мыслях и абсолютно неважно, только бы увидиться когда-нибудь да обнять их покрепче. Уверенность в эту возможность, говорю, в связи с последними сообщениями явно окрепла, что даже заметно, потому что чувство голода и недомогания как-то отодвинулось на задний план и ощущается не так, как до сего времени. Как бы было хорошо, если бы мое предчувствие меня не обмануло. Пусть будет еще также плохо, даже, может быть, еще хуже, только бы увидеть или быть уверенным, что скоро наступит улучшение. Мне думается, я почему-то уверен, что в случае благополучного исхода всей этой «заварухи», мы проживем как-то по-иному, памятуя о настоящем кошмаре...

...

Позднее, возвращаясь домой с работы, только выйдя из ворот, увидел следы от разрывов в виде поломанных деревьев в садике да стекла, которые сразу обнаружил под сапогами на панели. Здесь же были порваны трамвайные провода, а снег сверху был покрыт слоем всякого мусора, может быть, от деревьев, т. к. в темноте уже было трудно разобрать. Позднее узнал, что были жертвы. Шел до дому пешком. На полпути между Некрасова и Жуковской снарядам была разбита водопроводная магистраль, и этот участок пути напомнил весеннюю

распутицу. Шел прямо по воде и нарочно волочил ноги, как, помню, купаясь на взморье, в Сестрорецке, когда нужно было далеко идти, пока можно было окунуться. Ног кстати не промочил, спасли Санькины сапоги, которые он мне подарил, т. к. сам получил новые. Я их немного починил у одного заводского сапожника и теперь прямо спасаюсь ими, а то бы в туфлях, которые только и носил, припух бы совсем. Даже обойдусь без валенок, т. к. размер большой и, кроме портянок, можно навернуть все, что осталось от моих эвакуированных теплого (пока пристроил Санькины бумажные или фланелевые штанишки, разрезав их через ширину вдоль на две части). Да! Еще забыл рассказать, что купил себе в Пассаже месяца два назад серые клетчатые галифе и, одевая к тому же черный пиджак, напоминая, по мнению всех, выдавших меня в таком наряде, жокея, «еще бы стек – и все в порядке», говорят.

...

Вот мне теперь и хочется немного порассуждать об этом или помечтать о том, какой бы я хотел представлять мать своих детей, моих любимых маленьких каплюшечек, которые пока еще клопы, но которым уже давно пора прививать лучшие качества человека, чтобы они были бы довольны собой, когда вырастут побольше, правда, не в полном смысле этого слова, а своими делами и поступками. Самое главное – это вырастить их честными, честными в делах, поступках и обязательно в тех словах, которые они уже начинают лепетать. Поэтому теперь это особенно важно в таком возрасте и направлять их на верный путь.

...

Топил печурку в кабинете и беседовал с мастером, остающимся в цехе ежедневно, т. к. очень слаб и не может ходить домой. Настроение у меня сегодня никак не радостное и тем более не праздничное. На фронтах ничего утешительного, как рассказывают пришедшие из дома остатки наших работников. На столе передо мной бумажка со списком умерших старинных работников цеха за последние дни, которым надо силами и из материала цеха смастерить гробы. Все хорошие были работники (одного ты, Лилька, знаешь, я познакомил тебя с ним в Разливе, когда

он шел с дочерью). Похоронить же не предвидится возможность силами цеха, т. к. сил нет (так начальник объясняет пришедшим родственникам). Наверно, будут хоронить как на сегодня уже приобрело популярность – в одну братскую могилу с подвозом силами родственников на детских саночках. Страшно, страшно мне.

В воздухе снова запахло грозой – думаю, что немцы опять повернулись после бегства или уже крепко окопались и не поддаются. Жалко, если действительно так, уж немного осталось помучиться. Теперь же опять ничего не предвидится – народ же самосильно погибает. Все чувствуют это на собственной шкуре. В мыслях неотступно скользит желание скорейшего какого-нибудь конца. О количестве невыдерживающих за день рассказывают прямо ужасы, в общем тысячами, тысячами.

Доволен, что в случае чего погибну один, а мои золотые ребята еще, может быть, как-нибудь выкарабкаются из постигшей нас беды, конечно, при условии твоих, Лилька, разумных действий, на которые я все-таки рассчитываю и надеюсь, что не ошибаюсь. А? Так ли это? Надеюсь еще разочек, что не забыла еще меня и не забудешь в будущем и оправдаешь мое к тебе доверие. Не так ли, Лилька? А? Моя милая дорогая Лизушка. Не подведи меня и моих надежд на твое благоразумие. Только бы пережить это время, а там уж заживем на славу.

...

Очень хотелось бы записать о том, как я в данную минуту представляю себе, как живут мои дорогульки, но, к сожалению, судить об этом, имея весьма скромную последнюю телеграмму (да и предыдущие сообщения были не красочными), очень и очень трудно, но одно то обстоятельство, что теперь они получили отдельную комнату «в доме облисполкома два», заставляет думать, что живут ничего – лучше нашего во всяком случае. Правда, каким образом тебе удалось так устроиться, моя Лилька, я не знаю, но вероятно, это в результате успехов ансамбля вашего в городе. Мысли, что это твои личные успехи, ползущие мне в голову, стараюсь отбрасывать в сторону, но, тем не менее, меня все же радует в данную минуту, что хоть моим маленьким

рыжикам будет лучше, чем ютиться в какой-то проходной комнате. Только бы они меня помнили.

...

Пообедав в столовой, побег домой, где опять мрачная картина. Покойника из большой комнаты жена его не убрала и, видимо, не собиралась, так как надо сдавать его продуктовые карточки, а ей хочется зажулить или протянуть хотя бы несколько дней. Он же уже сильно разложился. Сегодня еще не убрали также. Второй его брат также умирает, наверно, сегодня загнется. Девчонка еще кричит помаленьку. Вчерашний день провел весь в столовой, где дежурил и старался изо всех сил побольше напиться, причем с супом переборщил и сегодня сильно опух, особенно лицо и руки. Вообще сегодня самочувствие совсем плохое. Предчувствие скорого конца все больше и больше одолевает мозг, а окружающая действительность все больше подтверждает это. Радио уже совсем перестало работать, и таким образом отнято последнее, за что еще можно было цепляться, хотя бы надеждами да ожиданием скорейшего освобождения из тисков, сковавших город. Не знаю почему, но это чувство сегодня дает себя знать совсем резко, и, надо прямо сказать, чувство боязни за жизнь заставляет сильно, до боли сжиматься сердце.

...

Теперь уже почти все говорят о смерти, да собственно о ней и говорить не надо – сама смотрит каждому в глаза. Сколько дней еще можно продержаться – трудно сказать. Боюсь, что, если я нарочно не постараюсь, мне будет не закончить этой книжицы.

...

Видно по всему, что не пережить нам этого. Ну что же, Леша, может быть, подведем итоги? А? Ну, что же, подведем итоги, пожалуй.

Итак, с чего же начнем. Сколько же ты, брат, прожил на свете и что, брат, успел? Да что же, пожил порядочно, без малого 33 года, 25-го февраля 1942 года было бы 33 года (половина жизни, наверняка). В основном, успел тоже порядочно и тоже, пожалуй, не меньше половины того, что полагается. Жалко

сейчас, главным образом, только одного – не увижу, как вырастут мои золотые Татка с Катюшкой, не удастся вырастить их самому. Чтобы потом, под старость было бы можно гордиться ими и вкусить плоды своих трудов. Остается лишь надеяться, что моя Лилька проделает это сама в случае благополучного исхода теперешнего положения и сделает это не плохо (я почему-то уверен в этом), и поэтому не стану сейчас расстраиваться еще больше от сознания, что ребятишки мои вырастут дурными людьми.

...

Закурив, сел писать опять свои «записки отчаявшегося» (только так их можно сейчас назвать). Вернусь немного к делам домашним. Как уже писал, один из четырех поселившихся в нашей большой комнате пострадавших от бомбежки в октябре месяце умер еще 9-го числа и только позавчера, то бишь 13-го, жена его, необычайно грубая и порочная женщина, завернув в тряпки, стащила в дом 76, где можно складывать умерших официально, чтобы, когда будет транспорт, свезти, как дрова, в какую-нибудь большую яму. Вчера умерла (скорее всего, была ею же умерщвлена) ее грудная девочка, родившаяся с месяц назад (семимесячная), и, наконец, сегодня, когда я уходил на завод, она, запирая за мной, сказала, что и брат ее мужа, т. е. третий жилец, тоже уже не откликается и, по-видимому, умер. Я в этом и не сомневался, так как вчера вечером, когда ее не было дома, он окликнул меня через стенку и попросил пошарить у нее в комоде кусочек хлеба для него, так как она его, больного, совершенно не кормила.

...

На работе сегодня дела опять неважные, так что еще более испортили мне настроение. Опять плохо с питанием, и еще новые покойники. Только что отправил двоих, совсем ослабших в больницу, причем те, которые несли их на носилках, сами еле держались на ногах. Эти двое – явные покойники, как они дошли до цеха, удивляюсь. Сколько еще дней протерплю, сам не знаю. Морда опухла сегодня изрядно. Всю дорогу, пока шел на дежурство, мечтал о еде. Почему-то о булке с маслом. Сейчас вкуса всех этих вещей – убей не помню – истощение сказывается очень сильно. Позавчера, когда дежурил день

в столовой, удалось съесть несколько лишних порций пшенной каши (крупа, вода, соль) – живот раздулся здорово (ремень даже пришлось расстегнуть), чувства же, что сыт – не было вовсе. Вот что значит отсутствие жиров. Жуткое дело.

Сегодня утром ревел белугой дома, сам не знаю, по какой причине. В мозгу только одно, чтобы поскорее кончилась эта неопределенность. Нервы, значит, расшатаны до крайности.

Ночь провел плохо, не спал, замерз совсем – руки как деревянные и грязные до манжет, как у кочегара. Помыться негде. Скорее бы пришел сменщик да отпустил бы домой (не знаю, правда, зачем идти домой – все равно жрать там нечего). Зайду прежде, конечно, пообедать. Утром съел почти половину сегодняшнего хлеба и на вечер ничего не останется, дуранды или дурандовых лепешек все та же сволочь в цехе не дал ничего, как ни просил. В мыслях – растерзал бы его на куски. Как ясно сейчас можно узнать человека, его душу и характер. Боже мой, хотя бы какое-нибудь радостное известие. Посчитал бы за высшее наслаждение получить сегодня по возвращении хоть строчку от своих – хотя бы с очень старой датой. Знал бы, что какая-то жизнь на земле продолжается. Я же, по-моему, сейчас уже не живу, а так дотягиваю свою «жестянку». Решил ежедневно мерить температуру, как делает один инженер в цехе, и самому наблюдать, как сдает постепенно работа сердца. Говорит, что температура у него держится не выше 36,4 и спускается до 35,8 – явно упадочная сердечная деятельность. Средняя температура 36,1 – отсюда, как результат, мерзнешь все время, особенно ноги и концы рук.

Радио продолжает молчать, и новостей пришедшие на работу в цех (пришли только для того, чтобы пообедать, так как по-прежнему по карточкам ничего не выдают) никаких не принесли. На улице мороз с ветром. Безумно хочется поскорее хоть тепла. Завтра – выходной, а уже сейчас утром думаю о том, что придется совершить прогулку пешком из дома и обратно, чтобы пообедать (12 км пройти пешком из-за тарелки жиденькой бурды и, может быть, котлетки или гуляша с кашей на второе). Итак – скорее бы смена.

...

Ну, надо полагать, все кончено. Стало тяжело совсем, и у всех, по-моему, сегодня уже не остается сомнений и надежд на возможность выкарабкаться из создавшегося положения. Жрать нечего совсем. Привоза не видать «никоторого». Хлеба уже несколько дней достать – целое событие. Надо простоять в очереди почти день, чтобы выкупить свою долю, причем зачастую сырого и непропеченного. Здоровье мое сильно ухудшилось, и вчера, пробыв почти целый день дома и выйдя на улицу до кооператива (узнать, не дают ли чего), еле доплелся домой, т. к. ноги отказываются слушаться, особенно левая. Говорят, что если левая, то это от сердца определенно, и значит скоро капут. Сегодня едва смог раскрыть руками глаза – так вспухла морда, а уж про ноги – не говорю, совсем как чужие стали и наполнены до колен каким-то электрическим током. Спасибо матери – утром полила водички, подогретой в печке, да я помыл лицо, шею, заодно и голову, так что как-то полегчало малость. Затем мама с Санькой убежали, а я растер лицо и руки вазелином, случайно попавшимся под руку, да так расстарался, что массаж получился хороший, и опухоль спала еще немного.

...

Прохожих днем мало совсем, да и то почти исключительно женщины. Мужчины попадают редко – повымерли все. У всех без исключения в руках бидончики или кастрюльки в «авоськах», в которых тащится домой суп «бурда», очевидно, для кого-либо из немогущих дойти до столовой. Остальные тащат воду в ведрах или на саночках, подчас издалека от дома. Я, кажется, писал, что сам беру ее на бегах. Сейчас же случайно заметил, что открыта прачечная во дворе, и принес 2 ведерка поскорее и наполнил всю имеющуюся в комнате посуду. Пришла мать, грохнулась на кровать и сидела долго, долго не двигалась. Принесла заработанный поездкой на молококомбинате литр миндального молока. Дала мне полстакана вскипяченного в печке, которую я немедленно затопил «трофейными» досками (собранными мной в сарай после катастрофы в октябре). Немного спустя явился и «длинный», который, собственно, и дал повод

заполнить мне сейчас, уже около часа ночи, сегодняшнюю запись. Он опять был на разгрузке посылок, и его трофеи оказались «из ряда вон выходящими». Главное – четвертинка водки, банка рыбных консервов, кусочки дичи (утки, гуся или куры), домашняя ватрушка с маком и два бублика, правда, темной муки, но разогретые маткой на сковородке с «хрусточкой» они прошли лучше «нордовских» изделий. Ужин вышел отменный, так что принесенный мной суп из столовой с кониной и чечевицей единогласно был отставлен до утра. В душе сразу какая-то уверенность (или сытость), а голова от двух рюмок, прямо скажем, как после хорошей попойки. Если завтра, судя по ревизии в булочной, куда «слетал» за оставшимися 200 гр. на завтра, прибавят хлеба, уверенность эта еще больше возрастет, и мои хлопоты насчет «погрузки», о которых планировал, кажутся мне уже не такими необходимыми. Вот и все на сегодня.

Кажется странным, хотя это истина уже всем известная – до чего мало человеку надо, чтобы он уже и чувствовал себя по-иному, и все ужасы настоящего времени как бы несколько отодвинулись на задний план.

...

...нас, человек 70–80, построили по четыре в ряд и повели куда – неизвестно. Поскольку я не готовился к поездке, то был одет, как обычно, и в руках был один кувшинчик для супа, который намеревался захватить на следующий день для матери домой. Вели нас какие-то двое военных, которым нас передали у ворот завода вместе со списком и устным пожеланием счастливого пути. Привели нас на Фонтанку, 90. Нас уже называли бойцами и покрикивали ввиду явного отсутствия дисциплины в наших рядах, в которых большинство от голода еле держалось на ногах. Итак, нам объявили, что мы вступили в ряды рабоче-крестьянской Красной армии, потребовали дисциплины и, не объяснив подробно что, куда, на чем и когда, считая, очевидно, что это не так важно знать, предложили пройти в казармы, пройти саносмотр, получить обмундирование, переодеться, сдать, кто хочет, свои вещи и, пообедав, ждать распоряжений. Выход на улицу категорически запрещался.

В голове стала созревать мысль: «Дома ничего не знают!» Пошел на разведку к воротам и договорился со стражниками на 2 часа ночи за табак.

Примерно в час ночи повели на обед. Что это было, трудно описать. В помещении холодно, один обед на 10 человек. Драка из-за котелка, ложки супа при дележке – ужас! После еды, воспользовавшись тем, что многие продолжали обедать, пошел к воротам и домой. К счастью, мать и Санька были дома. Удивились, подкормили меня, собрали кое-что с собой и, погоревав вместе, легли, чтобы мне к семи утра поспеть обратно.

Карточки свои оставил дома. Утром возвратился обратно на Фонтанку, 90. Все благополучно. Целый день мытарились в ожидании чего-то, о чем никто не знал. Часа в 4–5 вечера прибыли грузовые машины, и нас также необычайно медленно стали грузить в машины на 16 человек.

Затем поехали без остановок мимо Финляндского вокзала, завода, Ржевки, Всеволожской и т. д. В общем, поздно ночью подъехали к озеру. Слезли с машин. Ноги отекли. Замерзли. Горят костры, грузятся машины, регулировщики в белых халатах с обветренными лицами, недалеко гуданул паровоз. Хотели нас накормить в столовой, но путного ничего не вышло. Больше половины осталось голодными. Мне удалось достать сухарей, и я распихал их по карманам. Нашел землянку, где прикорнул малость. Проснулся от криков, что все из нашего батальона уехали дальше. Нашел еще человек 10–12 полузамерзших вояк с завода, что грелись у костров и решивших на все наплевать и никуда не трогаться. Регулировщик, пропускающий порожние грузовые машины, идущие через озеро за продуктами, остановил одну. Мы вскарабкались, расположились как попало в кузове и довольно быстро двинулись к озеру. Несмотря на мороз, я вытягивал раз-другой голову из кузова и осматривал местность. Редкий, но высокий еловый или сосновый лесок, тянувшийся по обочинам дороги, театрально освещаемый фарами грузовика, вскоре кончился, и мы выехали на озеро. Впереди слева замелькали идущие одна за другой грузомашин. В кузовах мешки с синей полоской, мясо, банки и пр., чего в темноте не разобрать. Полузамерзшие, голодные (среди нас было очень

много пожилых людей – лучших производственников), лежали на дне машины, уткнувшись в свои вещевые мешки и «моргали» носами. Ноги мои замерзли, и всего знобило изрядно. Раз три останавливались и чинились. Один раз столкнулись с неожиданно остановившейся впереди машиной.

...

...прибыли в Жихарево. Там голодные и замерзшие бродили близ станции прибывшие раньше. Наконец, нашлись наши хозяева, которые повели нас в «приготовленное помещение». Разбитый при бомбардировке дом, наскоро заколоченный досками, деревянный, двухэтажный, весь грязный от строительного мусора внутри и еще не совсем законченный, стал нашим жильем. Мне удалось попасть в маленькую комнату 16 кв. м вместе с 16–20 товарищами. Что последовало потом? Можно рассказать кратко. Спали, не раздеваясь, 4 дня на полу. Питались в организованной здесь же в доме кухне с 2 котлами, раза по два в день, причем гороховым супом, что сразу же сказалось на желудках. У всех начался понос, и снег кругом дома запачкался в два счета, причем в красный цвет.

Со мной же наутро после приезда произошло то, что явилось началом для, видимо, «приличной» жизни. Понадобился писарь, да чтобы грамотный был, и случайно один парняга с нашего завода указал на меня.

...

Сиж у окна в своей избушке, из которого видно расстилающееся снежное поле и вдалеке мелкий кустарник – лес.

День сегодня солнечный и, говорят, стало теплее. Избушки деревни стоят на берегу озера. Хозяин, рыбак, ушел ловить рыбу (подледный лов). Живу вместе с политруком и военфельдшером в одной избе и благодаря этому получаем паек на троих. Варим обед при помощи хозяйки. Сухой паек приличный, и я, хоть и ем один раз, сыт. Здоровье улучшается, если не сказать, что чувствую себя достаточно окрепшим.

Послесловие

В мае-июне 1942 года А. Г. Мурин и тридцать его товарищей были откомандированы в Москву на 27-й авиационный завод Наркомата авиационной промышленности и постановлением Президиума Верховного Совета СССР закреплены до окончания военных действий на работе в авиационной промышленности. Как известно, секретный завод № 27 (так называемая шарашка) был под неусыпным оком Л. П. Берии!

В победном 1945 году с группой московских инженеров (Н. М. Аверин, А. П. Лопырёв и др.) А. Г. Мурин был переведен в Ленинград для организации завода радиооборудования ПЯ 433, что расположился на Обводном канале напротив Александро-Невской лавры. В 1959 году завод перевели на Московский проспект, в здание Дворца советов и дали новое имя – Научно-производственное объединение «Ленинец». А. Г. Мурин служил в ОКБ-283 начальником ОНС (отдел нормалей и стандартов).

ОКБ занимался разработкой аппаратуры самонаведения на изделиях генеральных конструкторов Туполева, Сухого, Мякояна, Березняка, Королева. НПО «Ленинец» создавало радиоэлектронные комплексы и системы для самолетов Су-24, МиГ-21, МиГ-25, МиГ-29, Ту-95, Ил-38, Ил-76, Ан-22 для КБ Королева.

А. Г. Мурин несколько лет преподавал в Институте авиационного приборостроения. Его статья «За образцовую производственную культуру» в заводской многотиражке актуальна и сегодня, 60 лет спустя!

Два случая со Школьником

В НПО «Ленинец», что расположился во Дворце советов на Московском проспекте, было несколько километров коридоров. Начальство издало строгий приказ: «В рабочее время не болтаться без надобности». Грозный начальник отдела кадров по фамилии Школьник разъезжал по зданию на велосипеде и ловил нарушителей. А у отца (А. Г. Мурина) в ОНС (отделе нормалей и стандартов) служил молодой инженер Михаил

Школьник. К слову, даже не родственник кадровика. Попасть в секретное КБ с такой фамилией – нужно было умудриться или обладать техническим талантом! Как-то отец послал Мишу с готовыми чертежами к главному конструктору. Вот Школьник семенит по коридору, а ему навстречу на велосипеде катит начальник отдела кадров. Остановил бедолагу, достал блокнот и строго спрашивает:

– Фамилия?

Тот в ответ:

– Школьник!

Кадровик покраснел, как рак, и завопил:

– Какой еще школьник? Я Школьник!!! Фамилия?

– Школьник.

– Я – Школьник!!!

Из дверей на шум стали выглядывать любопытные. А по гулким коридорам несло:

– Школьник! Я Школьник!!!

Так Миша Школьник в тот раз не попал к Главному!

Раз начальник отдела кадров КБ (тот самый Школьник) вызвал отца к себе в кабинет, заговорщически показал программку Театра оперы и балета имени С. М. Кирова и зашипел в ухо:

– Был вчера в Кировском на опере! Подхалтуриваешь, Алексей Григорьевич? – и указал на фамилию в программке: «А. Г. Мурин – хормейстер». Это был младший родной брат отца, музыкант Александр Григорьевич Мурин (будущий народный артист СССР).

Отец приложил два пальца к губам и на полном серьезе смиренно попросил кадровика:

– Знаешь, дружище, нашу скудную зарплату! Не хватает жене на бельишко, а детишкам на молочишко! Никому не говори об этом!

И для верности щелкнул себя по щеке традиционным русским жестом.

Завтра все КБ только и сплетничало, смеясь:

– Наш-то начальник отдела нормалей и стандартов Мурин халтурит в Кировском театре!

10 мая 2017 года

Вера

История одной судьбы

У моего прадеда, петербургского купца Василия Михайловича Мурина, и его законной жены Александры Михайловны Муриной (в девичестве Оленчиковой) было три сына: Александр, Григорий (мой дед), Николай и три дочери: Елена (в замужестве Пересадина), Надежда (в замужестве Мальцева), Екатерина (в замужестве Лушева), моя крестная.

Сыновья постарались для сохранения рода. У Александра три сына Лев, Роман, Николай и дочь Муза, у Григория три сына Алексей (мой отец), Василий, Александр (мой крестный) и дочь Вера. Младшему Николаю завести большую семью помешали Первая мировая война, революции и пр. У него был один сын Андрей, будущий светило русской химической науки (о нем я подробно рассказал в книге «Как очевидец»).

На снимке 1912 года в Териоках, на собственной даче в Сатинином переулке, запечатлено все семейство. В центре – глава рода А. М. Мурина, по сторонам три сына и три невестки, три дочери и три зятя с детишками. На руках моего деда мой отец (Алексей), а на руках бабушки – моя тетушка Вера. О ее судьбе мой дальнейший рассказ.

Вера родилась в 1912 году в семье петербургского купца, почетного гражданина Григория Васильевича Мурина и законной его жены Евдокии Николаевны Муриной. Бабушка была католичкой (в девичестве Станкевич), но перешла в христианскую веру. Хотя до конца жизни (в 1951 году) молилась, вспоминая при этом «Матку Боску».

Дочери Вере достались от нее нордический лик, прямые русые волосы и довольно свободолюбивый, строптивый характер. Она росла в окружении любящих трех родных братьев, да и двоюродные, жившие в собственном муринском доме на Марата, 74, души не чаяли в белокурой красоте. В 1930 году Вера окончила трудовую, обычную советскую школу. В восемнадцатилетнюю красавицу влюбился степенный капитан немецкого парохода «Отто Сименс» Ганс Йодеке. Завязалась переписка. В том же году во время вторичного захода судна в Ленинград они расписались

в нашем ЗАГСе, и капитан увез Веру 5 декабря 1930 года к себе в Гамбург. Там ее тепло встретили родственники Ганса. А на Марата, 74, в квартиру 19, посыпались с тех пор многочисленные письма и открытки отцу, матери, братьям Алексею, Василию, Александру...

Вера Григорьевна Мурина-Иодеке
(1912–1969)

Вера и Ганс Иодеке

27 июня 1939 года у Веры и Ганса Иодеке родилась наследница. Ей дали, как принято в Германии, три имени: Вера (в честь В. Г. Иодеке-Муриной), Евдокия (в честь бабушки, Е. Н. Муриной) и Елизавета (в честь моей мамы Е. П. Кудрявцевой-Муриной). Фамилию решили сохранить в честь рода Муриных. Из Гамбурга пришли фото Веры с малышкой и отдельная открытка с годовой Верочкой Евдокией Элизабет.

В 1940 году во время высадки немецких войск в Нормандии погиб капитан Ганс Иодеке и Вера в 28 лет стала вдовой с годовой дочкой на руках.

1941 год. Война. Переписка прервалась! Правда, в бумагах отца я нашел фото могилы на гамбургском кладбище, где на плите из черного лабрадора надпись: «Место упокоения семьи Г. Иодеке». Когда это фото попало к отцу, я выяснить не успел. Напомню, А. Г. Мурин окончил одним из первых Ленинградский Военно-механический институт (ныне им. Д. Ф. Устинова), служил на «Арсенале», 27-м заводе в Москве, на заводе «п-я 433» и КБ «Ленинец» в Ленинграде и в анкетах в графе «есть ли родственники за границей» отвечал отрицательно. Закончилась ленинградская блокада, война, о судьбе Веры и ее дочери ничего не известно. Родные решили, что они погибли. У бабушки Дуни в комнате на Марата, 74, на трюмо в рамке стояли фото погибшего под Киришами среднего сына Василия, дочери Веры и внучки. Я часто заставлял Евдокию Николаевну в слезах, а в храме она ставила свечи к Христу и долго молилась, пока они догорали.

В 1951 году от рака желудка умерла бабушка Е. Н. Мурина-Станкевич, а в 1973 году не стало отца (Мурина Алексея Григорьевича). Мой двоюродный брат Игорь, сын погибшего под Киришами дядьки Василия, стал знаменитым ученым-химиком, проректором Ленинградского университета, профессором, заведующим факультетом, академиком РАН. У него в аспирантах подвизался немецкий ученый-криминалист из Гамбурга. Будучи в гостях, я подкинул идею брату узнать у немца судьбу тетки Веры и ее дочери.

Вскоре педантичный, как все немцы, друг прислал из Гамбурга целое досье, которое всех потрясло! Оказалось, Вера Григорьевна Иодеке-Мурина и ее дочь пережили войну в имении родственников Ганса Иодеке в Гармиш-Партенкирхене. Вера-старшая скончалась 31 декабря 1969 года в возрасте 57 лет, а Вера Елизавета Евдокия Мурина (27 июня 1939 года рождения) скончалась 19 ноября 1977 года в возрасте 38 лет!

Удивительно, но в Германии в Гамбурге в 60-е годы дважды гастролировала труппа Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова, где главным хормейстером был народный артист СССР, лауреат государственных премий, ветеран Великой Отечественной войны, орденоносец Александр Григорьевич Мурин.

Он, я думаю, не решился разузнать о судьбе родной сестренки, а она, в свою очередь побоялась причинить неприятности, которые могли возникнуть от этого контакта.

Господи! Как мир, что нас окружает, бывает невыносимо жесток!

К слову, я целых двадцать лет клянчил у брата Игоря документы, которые тот получил от своего немецкого аспиранта. И вот, в 2014 году они предо мной, что и дало возможность закончить этот грустный рассказ.

18 февраля 2015 года

Весточки из Гамбурга

03. 09. 1930

Дорогой Леня!

Я очень виновата перед тобой, что просто стыдно писать. До сих пор еще не исполнила обещания с нотами, а также и с карточкой. Откровенно сказать, я много имею снимков, но все какие-то ужасно уродливые. Я не могу и ожидать, чтобы вышла красивой. Но все-таки хочется выглядеть не уродливее, чем на самом деле. Непременно пришлю следующий выносимый снимок. Я все написала мамочке в письме. Как я живу и что нового. И написала об одной просьбе. И буду тебя очень просить в первый твой выходной день и свободное время мне это достать и прислать. Так как думаю, что для тебя это легче, чем мамочке. Прочти это письмо и напиши мне обо всем подробно. Извини за грязную открытку. Прошу, не сердись. Целую, твоя Вера.

02. 06. 1932

Дорогой братишка Леня!

Сестренка спешит поздравить тебя с наступающим Днем твоего ангела. Так как не знаю, когда ты будешь справлять именины, по новому стилю или по старому. Но в общем прими мое сердечное с наступающим днем Ангела. Желаю тебе всего, чего тебе хочется. Привет всем нашим. Целую. Твоя Вера.

11. 10. 1932

Дорогой и милый Папа!

Сердечно благодарю тебя за письма. Поздравляю тебя с днем твоего Ангела, а всех наших с дорогим именинником. Желаю счастливо и мирно провести этот день. От всего сердца желаю здоровья и всего лучшего. Я живу по-прежнему хорошо. Привет мамочке, Лене, Васе, бабе Кате и Шурику. Целую крепко. Вера.

(23 декабря 1933 года Г. В. Мурин скончался.)

08. 03. 1933

Милая и дорогая Мамочка!

Спешу поздравить тебя с днем твоего Ангела. Желаю тебе от всего сердца всего хорошего. Желаю также быть здоровой. Всех наших поздравляю с дорогой именинницей, на которых и надеюсь, что устроят мамочке именины и проведут счастливо этот день. Крепко еще раз целую. Желаю, чего хочется. Письмо и фасончики следуют. Твоя дочь Вера.

А. Г. Мурин с портретом
сестры Веры Григорьевны
Муриной-Иодеке.
(В. Г. Муриной-Иодеке
20 лет)

1934

Милая Мама! Тебя, Леню, Васю, Шуру поздравляю с наступающим Рождеством! Желаю всем вам здоровья и всего лучшего. Еще раз большое спасибо за телеграмму к моему дню рождения. Она у меня в рамке стоит на комод с твоей карточкой. Мало пишу, так как нет ничего нового. Живу по-старому. Здорова, и все по-хорошему. Привет бабе Кате! Подари ей одну из этих карточек. Целую крепко. Вера.

(В 1932 году брат Леня (Алексей Мурин) к 20-летию сестренки Веры нарисовал по памяти ее портрет. Место нахождения его неизвестно.)

Александр Григорьевич Мурин

К столетию со Дня рождения

Выдающийся музыкант XX века, народный артист СССР, России, лауреат Государственной и Всероссийской премий, ветеран Великой Отечественной войны, хормейстер Александр Григорьевич Мурин родился 3 января 1917 года в семье почетного потомственного гражданина, купца-старообрядца Григория Васильевича Мурина и был последним, поздним ребенком. Восьмилетним мальчуганом в 20-х годах, будучи воспитанником капелльской школы, он верховодил в хоровых сценах в Мариинском театре. Капельские маленькие певцы принимали участие в спектаклях «Кармен» Бизе, «Пиковая дама» Чайковского, «Борис Годунов» Мусоргского.

В 1933 году Александр Мурин окончил Музыкально-хоровой техникум Капеллы (бывшие регентские классы) у профессора М. Г. Климова, а в 1940 году – Ленинградскую консерваторию по классу дирижирования профессора В. П. Степанова, бывшего в те годы Главным хормейстером Мариинского театра. В 1936 году девятнадцатилетний студент Консерватории начал работать хормейстером в только что созданным П. А. Богдановым Хоре Ленинградского радио.

В 1941–1945 гг. А. Г. Мурин – дирижер-хормейстер Ансамбля песни и пляски Ленинградского военного округа. Сотни концертов в самых горячих точках Ленинградского и Волховского фронтов (о. Ханко, Ораниенбаумский плацдарм, Дорога жизни, Невская Дубровка). За ратные подвиги музыкант награжден боевыми орденами Отечественной войны, орденом Красной звезды, медалями «За победу над Германией», «За оборону Ленинграда». После демобилизации, в 1945–1951 гг., А. Г. Мурин – хормейстер в Ленинградском академическом малом оперном театре. Он принимает участие в первом исполнении в СССР оперы Прокофьева «Война и мир».

Начиная с 1951 года, почти сорок лет жизни Александр Григорьевич отдает Мариинскому театру в качестве хормейстера, а с 1961 года – главного хормейстера. Он готовит к исполнению шедевры мировой классики: оперы «Кармен» Бизе, «Фауст» Гуно, «Лоэнгрин» Вагнера, «Русалка» Дворжака, оперы русских композиторов «Иван Сусанин», «Руслан и Людмила» Глинки, «Князь Игорь» Бородина, «Борис Годунов», «Хованщина» Мусоргского (в новой оркестровке Шостаковича), «Пиковую даму», «Евгений Онегин» Чайковского. Огромен вклад Мурина в пропаганду оперного творчества советских композиторов: «Война и мир», «Семен Котко», «Обручение в монастыре» Прокофьева, «Тихий Дон» Дзержинского, «Семья Тараса» Кабалевского, «Мать» Хренникова, «Мертвые души» Щедрина, «Оптимистическая трагедия» Холминова, «Петр Первый», «Пушкин», «Маяковский начинается» Петрова, «Интервенция» Успенского, «Сорок первый» Толстого, сценическое воплощение «Патетической оратории» Свиридова.

Много сил А. Г. Мурин отдает народным талантам. Долгие годы он руководит хоровыми коллективами в Доме культуры «Трудовые резервы», в клубе Металлического турбинного завода, в Музыкальном детском доме им. Римского-Корсакова, воспитав в них сотни будущих знаменитых музыкантов и среди них народную артистку СССР, почетного гражданина Петербурга, профессора Консерватории, приму Мариинского театра И. П. Богачеву.

За свой труд, помимо почетных званий, А. Г. Мурин награжден орденами «Дружбы народов», «Трудового красного знамени», многими медалями. За плечами музыканта сотрудничество с выдающимися композиторами, дирижерами, режиссерами, певцами и среди них: Прокофьев, Шостакович, Хачатурян, Свиридов, Хренников, Щедрин, Петров, Покровский, Бартов, Тихомиров, Самосуд, Хайкин, Ельцин, Симеонов, Далгат, Федотов, Темирканов, Гергиев, Нэлепп, Печковский, Преображенская, Ковалева, Богачева, Филатова, Лаптев, Штоколов и др.

В своей семье Александр Григорьевич с женой Верой Ивановной воспитали достойных граждан России. Сын Алексей Мурин – инженер-проектировщик атомных станций на Кубе, Сирии, Египте. Дочь Елена Мурина – доктор медицины, профессор НИИ гриппа, известный вирусолог.

Скончался А. Г. Мурин 6 декабря 1992 года и обрел покой на мемориальном Волковском кладбище Петербурга («Литераторские мостки») среди великих современников. На могиле установлен православный крест, на котором десятки поющих ликов. «Поющая Россия» – так назвала эту работу скульптор Галина Додонова.

3 января 2017 года

Два Василия

Моя бабушка Евдокия Николаевна Мурина в 1942 году получила похоронку на среднего сына Василия Григорьевича Мурина. В ней говорилось, что он погиб под деревней Новинка Киришского района Ленинградской области смертью храбрых. Его жена Нина Александровна Мурина (в девичестве Лапина) в двадцать два года осталась вдовой с двухлетним сыном Игорем. Я помню, как она приходила к бабушке на Марата, 74. Они запирались в дальней комнате и часами выли, рыдали по дяде Васе! После войны мой отец делал попытки найти могилу любимого брата, но все было тщетно.

В 1985 году я стал преподавать в Областном культурно-просветительном училище. Ездил по городкам, проверяя практику

моих подопечных студентов. И вот в 2002 году дела занесли меня в Кириши. Проверял практику работы с хором у студентки. А ее отец был военным комиссаром в городе. Я ему и рассказал о моем дядьке Васе. Он обещал разузнать. На экзамене во Дворце культуры я поставил пятерку моей подопечной по специальности дирижирование. Подошедший ко мне благодарный отец отличницы (тот самый военком) заметил, что в архиве он обнаружил некоего Василия Григорьевича Мурина, уроженца села Ефимовского Бокситогорского района Ленинградской области!

– Видимо, это однофамилец вашего дяди, – резюмировал он.

Было воскресенье, 9 мая 2003 года, день Великой Победы. Над Киришами гремели военные марши и песни. Военкомат был закрыт. Но начальник позвонил дежурному. Тот открыл дверь и пропустил в комнату, где хранились документы архива. Военком открыл нужную папку.

И, о радость со слезами на глазах! В сообщении о героической гибели красноармейца Василия Григорьевича Мурина, уроженца села Ефимовского Бокситогорского района, стоят дата и год рождения дяди Васи. Оказалось, В. Г. Мурин поехал на лесозаготовки в Ефимовский лесхоз, а там их всех без разбору поставили под ружье и бросили на передовую брать Киришский бастион, где они и погибли. После с военкомом мы прошли к мемориалу. У Вечного огня на титановой доске, десятой от входа, среди имен трех тысяч героев я прочел: «Мурин В. Г. Красноармеец». Я опустился на колени и вместо церковной поминальной свечи маркером против фамилии дяди Васи нарисовал православный крест.

А когда я приехал в Питер, взволнованные мама и сестра Катя сообщили, что у моего сына Владимира 9 мая 2003 года родился второй мальчишка. На вопрос: «Как назвали?» – получил ответ:

– Василием!

В день 9 мая 2003 года, когда я обрел могилу дяди Васи, у меня появился второй внук Василий Владимирович Мурин!

И это – Божье Провидение!

25 февраля 2015 года

Крестная

О Кудрявцевых с Митрофаньевского

Моего прадеда по материнской линии, знатного петербуржца Кирилла Николаевича Кудрявцева (1825–1921) отпели в соборе Святой Троицы на Измайловском проспекте и похоронили на православном Митрофаньевском кладбище. С прабабкой Прасковьей Матвеевной (1840–1932) у них было восемнадцать детей, семнадцать из которых покоятся рядом с прадедом. В 1926 году здесь похоронили и последнего внука, наследника рода Петра Петровича Кудрявцева (1910–1926). Подающий большие надежды в музыке выпускник капелльской школы, старший брат моей мамы (Е. П. Кудрявцевой-Муриной) скоропостижно погиб в шестнадцать лет. Капелльский одноклассник Петруши подбежал к нему в коридоре второго этажа, выхватил из рук друга свинцовую кружку от бака с водой и ударил ею в висок. Кровоизлияние в мозг, и через несколько часов Петра Кудрявцева не стало!

Боже, сколько раз я, послеблокадный капелланин, утолял жажду из этой кружки, прикованной цепью к бачку!

На отпевании Петра в Троицком соборе Капеллой управлял сам руководитель, профессор М. Г. Климов. На кладбище впереди шел мальчик с иконой, за гробом шестьдесят мальчиков в кафтанах, на ремнях сияли три буквы «ППК» (Придворная певческая капелла), оставшиеся с прежних времен, за ними шли взрослые певчие. У мамы чудом сохранилась фото Капеллы 1925 года, где крайний слева в первом ряду сидит Петя Кудрявцев, рядом его друзья-одногодки Костя Симеонов и Саша Никлусов, а на полу сцены по-турецки под ними сидит Лиза Кудрявцева. После похорон сына у моего деда пошла горлом кровь (видимо, был инфаркт). Он угас в 1929 году. Его, как бывшего регента, тайно схоронили на кладбище Новодевичьего женского монастыря, Митрофаньевское кладбище тогда уже было закрыто. А в 1932 году рядом упокоилась моя прабабка Прасковья Матвеевна, подарившая России восемнадцать детей.

Старшая сестра моего деда Антонида Кирилловна Кудрявцева-Беляева (1885–1942) продолжила семейную традицию, дол-

гие годы служила начальником почты на углу Обводного канала и Петергофского проспекта. Ее муж, Николай Николаевич Беляев (1881–1941), был специалистом по окраске тканей и служил на фабрике в Лигово.

Беляевы жили в собственном доме в Лигово и имели небольшое подсобное хозяйство. К ним в голодные 20-е годы на лето приезжала погостить маленькая крестница Лиза. Тетя Тоня специально для нее завела козочку, которую малышка пасла на лужайке у дома. Скоро щеки бледнолицой племянницы стали красными, как наливные яблочки! (Е. П. Кудрявцева стала первой в России женщиной-дирижером, народной артисткой России, профессором Консерватории, создателем собственной школы.)

В первые дни блокады ткацкая фабрика, дом Беляевых были уничтожены во время налета фашистскими бомбами. Погиб и Н. Н. Беляев. После гибели мужа А. К. Беляева-Кудрявцева снимала угол у племянницы мужа где-то в доме на набережной Обводного канала и умерла от голода весной 1942 года. Вот как вспоминает последнее свидание с ней мой отец А. Г. Мурин, в то время инженер кузнечного цеха завода «Арсенал»:

«Вчера на заводе Радость. Дали свет! Горел почти весь день. Сегодня снова темень! Никак не подвезти торф для станции. С утра писал новые известия об умерших за вчерашний день рабочих цеха. Вечером, придя домой с завода, увидел открытку от своих, где по печатному мой Санька (автор данных строк. – А. М.) пишет, что маму слушает! Ревел вслух. С градом слез. Одновременно нашел телеграмму. Шла в общем ровно месяц! С ума можно сойти от таких сроков! Вечером заходила тетя Тоня (А. К. Кудрявцева-Беляева. – А. М.) и ночевала у меня. Болтала без усталости, как она устроивается с едой. Выглядит неважно, кашляет. Дядю Колю в мыслях, как и свой скерб в Лигово, похоронила окончательно и не вспоминает. Угостила меня кусочком сливочного масла из баночки, которую носит постоянно в перевязанном веревочкой чемоданчике с собой и на ночь кладет под голову. Странная стала какая-то! Жаловалась на племянницу, что пустила к себе жить! Велел в случае чего переезжать жить ко мне. Помолчала. Очевидно, согласна. Объяснила, что

с почтой сейчас очень и очень туго. Вот и объяснение, что нет писем от моих дорогулечек. Утром тетя Тоня пошла на работу, на почту на Обводном. Обещала зайти...»

Антониду Кирилловну Беляеву-Кудрявцеву похоронили на Митрофаньевском кладбище в братской могиле. На этом ныне не существующем кладбище покоятся несколько десятков моих родственников из рода Кудрявцевых.

«Их дома вихорь разметал; Их гробы срыли плуги...» – только и можно повторить за русским поэтом В. А. Жуковским!

Октябрь 2010 года

Запах мандариновых корочек

Мама приготовила вкусное угощение: рассыпчатую картошку, что купила на Кузнечном рынке, с зеленым луком и фирменный с толстой корочкой пирог с капустой, яйцом и луком. Отец очистил баночную селедку, что привез из командировки в Ригу, и поставил на стол «божественную жидкость», хрустальный графин с чистым спиртом, что выдавали на заводе для промывки «особо важных, секретных деталей», который он настаивал на мандариновых корочках, что сушились на печной трубе и распространяли в коммуналке запах знойного юга и домашнего уюта. Гости хвалили угощенье, а отец в какой раз повторял свою коронную фразу:

– Самый лучший хормейстер СССР – моя Лиза! Самый лучший повар – тоже моя Лиза!

Первый тост провозглашали за Хозяйку! За ее талант! За Музыку! За детей повара! И снова за Хозяйку! Когда гости основательно «разговелись», дядя Коля сел за рояль и своими, как у инопланетянина, длинными пальцами пробежал по клавишам. Отец настроил старинную скрипку, на которой учился играть еще мальчиком, и, подмигнув «роялисту», ударил смычком по струнам. И началось! Мелодии одесских шалманов сменялись на «Утомленное солнце», «Купите фиалки», «Сероглазый король», «Шел я по проспекту Октября, вся шпана смотрела на меня...», «С утра побрился...». У песен в первоисточнике были

порой нецензурные слова, но исполнители играли так заразительно зримо, что все было понятно и без слов.

Дмитрий Дмитриевич немигающим взором уставился в свою рюмку, как будто в ней находился секрет, непонятный простому смертному. Дядя Женья смотрел на волшебные пальцы дяди Коли. Его продолговатое, как у породистого арабского скакуна, лицо вибрировало на каждый пассаж. Когда музыка стихла, он, наклонившись к Дмитрию Дмитриевичу, с завистью произнес:

– Да! Нам далеко до таких Музыкантов!

Тот, оторвав свой взгляд, повторил слово в слово фразу и провозгласил тост:

– Выпьем за Музыку! Она того стоит! – и осушил залпом рюмку, закусывая селедкой.

– Она того стоит, Елизавета Петровна! – обратился он, как за поддержкой, к маме, налив рюмку и держа неуклюже ее на уровне носа.

– Она того стоит! – повторил в какой раз фразу Дмитрий Дмитриевич.

Прошло больше полувека. Нет в живых героев этого застолья. Мамы, отца, Николая Константиновича Черкасова (дяди Коли), Евгения Александровича Мравинского (дяди Жени), Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, а я ощущаю запах мандариновых корочек и тот свет, что исходил, да и сегодня исходит от этих небожителей.

19 июля 2016 года

Анна Федоровна Чураева

Тетя Нюся

Анна Федоровна Чураева (тетя Нюся) (1908–1992) – близкая подруга мамы, Елизаветы Петровны Кудрявцевой-Муриной, родилась на Волге в Царицыне, который после гражданской войны переименовали в Сталинград, а позднее в Волгоград. Она окончила Сталинградское музыкальное училище и следом за своим товарищем-одногодком, будущим пианистом Пашей Серебряковым, в 1931 году приехала в Ленинград и поступила

на инструкторский факультет Консерватории (так назывался тогда дирижерский факультет) в класс профессора М. Г. Климова, где занималась семнадцатилетняя Лиза Кудрявцева, хормейстер Капеллы. С тех далеких лет более шестидесяти лет их связывала верная дружба. В конце 30-х годов по окончании Консерватории А. Ф. Чураева – преподаватель, а вскоре замдиректора Музыкально-педагогического училища № 3 Ленинграда. Напомню, первым директором его в то время был будущий светила православной церкви Николай Дмитриевич Успенский (1900–1977).

В первые месяцы войны и ленинградской блокады Н. Д. Успенский стал регентом Никольского морского собора, а А. Ф. Чураева с января 1942 года – воспитателем 28-го детского дома. С июня 1942 года она возглавила 59-й детский дом, руководила его эвакуацией в Ярославскую область.

Спасая ленинградских сирот, Анна Федоровна не смогла уберечь самых близких, мужа и маленькую дочь, которые погибли в блокадном Ленинграде!

В 1945 году А. Ф. Чураева вернулась в наш город и с 15 октября стала завучем в родном Третьем музпедучилище на улице Воинова (ныне Шпалерной). С директором Б. М. Писаревской она сплотила вокруг себя коллектив блестящих педагогов, будущих профессоров Консерватории А. Е. Никлусова, П. А. Россоловского и др. Из училища выходили первоклассные специалисты, которые стали гордостью ленинградской культуры... В сентябре 1957 года в жизни Анны Федоровны произошло страшное событие: одной студентке училища, дочери высокопоставленного чиновника, поставили по специальности двойку! Чураеву вызвали на «ковер» и предложили переменить законную двойку на липовую пятерку. Анна Федоровна отказалась, и через несколько дней ее уволили с должности. Она близко к сердцу приняла эту несправедливость. До советской пенсии было еще далеко, а шлейф непокорного человека мешал устроиться на другую работу. В эти годы наперекор судьбе А. Ф. Чураева заканчивает педагогический институт им. Герцена, получает специальность педагога-историка. Е. П. Кудрявцева попыталась устроить ее на службу в нашу Консерваторию деканом дирижерского

На даче в Синявино.
Е. П. Кудрявцева,
А. Ф. Чураева,
Витя Филатов (внук
Е. П. Кудрявцевой)

факультета. Но администрация вуза (а в это время П. А. Серебрякова сменил москвич Ю. В. Брюшков) под благовидным предлогом отказала. «Вы не умеете печатать на пишущей машинке!» – гласил вердикт чинуш!

В тот год в наш город приехал на гастроли Московский хор СССР под руководством ректора столичной консерватории, народного артиста СССР А. В. Свешникова, с которым мама еще до войны работала в Ленинградской капелле.

Е. П. Кудрявцева и рассказала о бедах Анны Федоровны своему коллеге. Тот взял А. Ф. Чураеву своим заместителем по учебной части столичной консерватории, пробил московскую прописку и комнату в доме рядом с вузом в Среднем Кисловском переулке.

Так наша тетя Нюся стала москвичкой. Неприхотливость ее была поразительна. В ее комнате стояла раскладушка и пара стульев. Когда мы приезжали в Москву, она устраивала «пиршества»

на широком подоконнике окна. Постепенно московские друзья обставили комнатку проректора. Кто-то притащил диван. Вдова народного артиста СССР профессора-органиста А. Ф. Гедике подарила старинный письменный столик.

Мамины ученики, поступившие в столичную консерваторию, Дима Китаенко, Леша Степанов, Тимур Мынбаев, Вова Семенюк, Саша Анисимов и др. с почтением величали тетю Нюсю Анной Федоровной. Она не позволяла им расслабляться. Главный аргумент, который действовал мгновенно: «Позвоню Елизавете Петровне! Она расстроится!»

Соседка по квартире, милейшая Нина Ивановна, администратор Большого зала, снабжала тетю Нюсю лучшими контрамарками в театры и на концерты.

70-е годы застоя. Многие профессора-исполнители (Мстислав Ростропович, Рудольф Баршай, Кирилл Кондрашин), не выдержав гнета чиновников, покинули Отчизну, другие, как Д. Шостакович, А. Хачатурян, Лео Гинзбург, А. Лебедев, ушли на небеса... Московским и ленинградским друзьям тети Нюси было, увы, за восемьдесят!

В 1974 году неожиданно ушел с поста ректора (правильнее сказать «его ушли») опора А. Ф. Чураевой Александр Васильевич Свешников. Тривиальная склока! Дело в том, что его супруга Оксана Семеновна вела в вузе класс вокала. Ее студенты, «накачаные» молодыми преподавателями-вокалистами, подали заявления об уходе из класса профессора! Молодые, успешные вокалисты, которых Александр Васильевич тащил «за уши», будучи председателем конкурсов, вручал им звания лауреатов и медали с ликами Чайковского и Глинки, «отплатили» ему сполна! Герой социалистического труда, народный артист СССР, лауреат Ленинской и Сталинских премий, бывший тридцать лет ректором столичной консерватории, пришел в Министерство культуры СССР и наткнулся на закрытую дверь министра. «Велено не пущать!» Это больно ударило в сердце 84-летнего Музыканта! В 1980 году его не стало.

В Питере умирают близкие друзья А. Ф. Чураевой Н. Д. Успенский, А. А. Березин, Б. М. Писаревская, мой отец инженер А. Г. Мурин. Да и сердечко тети Нюси стало сдавать, но она

бодрилась. В 1988 году ей исполнилось 80 лет. Каждое лето она приезжала к нам на дачу на Ладогу. Ходили в лес за грибами, заготавливали впрок овощи. В остальные месяцы общались по телефону и письмами. Вот одно из посланий тети Нюси из Москвы. В нем заботы о друзьях и ни слова о себе.

«24. 12. 1991 г.

Сашенька! Большое спасибо тебе за письмо. Своим "ростом" оно побило рекорд и, наверно, мировой. Я теперь в курсе всех событий. Доченька у тебя необыкновенная (плюю через левое плечо). Всем и каждому показываю ее портрет, и на всех она производит впечатление. Много у вас трудностей, но без них не бывает радостей!

28. 12. Видишь, какая я медленная в своих действиях. А бывала востра. Все в прошлом. Сегодня второй день вышла на улицу. Ходила за пенсией. Завтра пойду в поликлинику. Дай Бог выполнить свой план.

Какой Игорь (И. В. Мурин) молодец! Всего добился. Ведь его возраст не такой уж большой, а путь прошел нелегкий!

Что бабуля (Е. П. Кудрявцева) занялась написанием статей – это хорошо. Занята, работает голова, и это все дает жизнь! Интересы не ограничиваются узкими рамками.

Вот новая деятельность Кати – вступительные слова к концертам – все это замечательно. Но ведь это плюс к тому, что она делает, а делает она слишком много. Хватит ли сил? Не перегрузит ли себя? То, что у ней получится хорошо, – не сомневаюсь!

У нас в консерватории все меньше остается людей, с которыми работала.

Все мои друзья в Ленинграде, и я тоскую без них!

Жизнь моя идет очень однообразно. Читаю очень ограниченно. Не разрешает голова, уж часто очень шумит и гремит. Сейчас читаю замечательную книгу А. Кузнецова "Моя мадонна" о жене Пушкина. Очень хорошо написана! Прочитала днями "Хмель" Черкасова. Страшная и замечательная книга. Трилогия-продолжение "Конь рыжий" и, кажется, черная чернуха. Но и этих книг в библиотеке не достать.

Галенька (Г. В. Додонова) молодец, работает настойчиво при всех трудностях. Как она умудряется? Дай Бог здоровья и силы!

Очень рада, что Анна Дмитриевна (А. Д. Додонова) оправилась после болезни. Ведь мы с ней ровесники, а я против нее развалина!

Поздравляю с новым годом. Пусть он будет для всей твоей семьи годом здоровья и благополучия. Желаю всем больше радости и счастья. Всех крепко обнимаю и целую.

Ваша тетя Нюся.

Еще раз спасибо за письмо.

Нюся».

В последний мой приезд в Москву с пятилетней дочкой Машей мы навестили тетю Нюсю.

Она напекла пирожков и кренделечков, накрыла на столе Гедике угощение. Угостила нас и вдруг, запечалившись, произнесла страшную фразу:

— Вот! Когда меня не будет, Шурик, этот стол заberi себе на память обо мне!

Я отшучивался, как бывает в таких случаях:

— Вот выдадим замуж Машу. Тогда и поговорим!

Но через полтора года тети Нюси не стало! Мы похоронили ее в могилу моего отца на питерском Серафимовском кладбище.

А стол Гедике моя супруга Галина в Москве разобрала по частям: тумба с ящиками, столешница, ножки, изящный верх. Все основательно упаковала и вместе с московскими друзьями загрузила в обычный плацкартный вагон поезда Москва–Петербург.

Я встречал довольно объемный груз на перроне. Проводница долго ворчала вослед. Видимо, мало дали на лапу. Загрузили подарок тети Нюси на телегу, и я, как профессиональный носильщик, покати́л его по Невскому на Фонтанку, 50.

Дома собрал все воедино и в одном из ящиков обнаружил связку учебников и книгу с готическим шрифтом «Бетховен», изданную в Вене в 1834 году. Книга вышла через 7 лет после смерти композитора (завидная оперативность современников!) с изумительными копиями Бетховена и с вариантами памятника на могиле.

Столик, за которым сживали, рассматривая партитуры Р. М. Глиэр, С. С. Прокофьев, Ю. А. Шапорин, Д. Д. Шостакович,

стоит в квартире на Фонтанке, 50. За ним работает моя дочь Мария. За ним мы корпели над книгой мемуаров Е. П. Кудрявцевой «Мой музыкальный век», а после редактировали мои книги «Как очевидец» и «Записки капельльского очевидца».

Когда я показывал раритет «Бетховен» друзьям из Консерватории, они, не скрывая восхищения и зависти, листали страницы о жизни и творчестве гениального творца.

11 апреля 2016 года

Соната Прокофьева

СОН

Мама на кухне готовила пирог с капустой и яйцом. У нее он получался пухлый, с розовой корочкой. Это было любимым кушаньем отца. За столом, тесно прижавшись друг к другу, расположились консерваторские мамины студенты Саша Дмитриев, Миша Травкин, Саша Броневицкий, Гена Зарх, Коля Кунаев, Витус Васильев. Они по партитуре пели на голоса номер из Реквиема Моцарта. Мама, не отрываясь от плиты, давала «ценные указания» ребятам. Я в соседней комнате за роялем зубрил Третью сонату Прокофьева к экзамену. Как назло, не получались пассажи, мешал травмированный палец. Он тормозил мелодическое движение. Мама на секунду оторвалась от кухни, подошла ко мне и показала, как ловко подворачивать рукой, помогая больному пальцу.

– Вот видишь, как просто, если помочь движением кисти! – сказала она.

Я в сотый раз повторял и повторял гиблое место. Наконец все стало получаться!

– Молодчина! Пот и труд все перетрут! – раздалось из кухни. В дверь стали заглядывать мамины студенты. Я, стараясь их удивить, играл и играл сонату. Наконец Моцарт и Прокофьев были отброшены! Я присоединился к ребятам на кухне, и мы стали уплетать мамину вкуснятину, намазывая на верхнюю корочку пирога ломти холодного вологодского масла. За едой забылись

и соната Прокофьева, и угроза завтрашнего экзамена по фортепиано.

Удивительно, но это был лишь сон! Проснулся. Палец левой руки по-прежнему нудно скулил. А Сонату № 3 Прокофьева я никогда в жизни не играл, хотя любил слушать ее в исполнении сестры Кати. Надо же такому присниться!

13 сентября 2015 года

Вокруг Реквиема

Вокруг Реквиема

Крутилась черная пластинка с «Военным реквиемом» английского композитора Бенджамина Бриттена, что привез в Ленинград его друг Д. Д. Шостакович. И вдруг среди латинских песнопений, которые я знал назубок по произведениям Моцарта, Верди, Берлиоза, вторглись мелодии солистов на английском, слова о человеческих страстях, о жизни, о любви, призывы к милосердию, откровенные проклятья войнам. В энциклопедии отыскал несколько стихов поэта, узнал, что Уилфред Оуэн погиб в Первую мировую войну молодым, в 25 лет, а друзья «наскребли» после в записных книжках и отдельных листках из писем всего 250 строк, 200 из которых и использовал композитор в своем Реквиеме. В преамбуле к стихам поэта называют «Байроном XX века, погибшей надеждой английской литературы» и т. д.

Д. Д. Шостакович познакомил своих друзей Н. С. Рабиновича, Е. П. Кудрявцеву, А. Н. Дмитриева, П. А. Серебрякова, И. Д. Гликмана с новым сочинением и в конце показа сказал:

– Реквием – совесть музыкантов XX века! – и предложил исполнить его силами студентов Ленинградской консерватории.

– Елизавета Петровна! – обратился он к Е. П. Кудрявцевой. – Вы же грянули «Патетическую ораторию» Свиридова на столетие вуза в Москве, а Вы, Николай Семенович (к Н. С. Рабиновичу), исполнили студенческим оркестром Третью Малера! Вам и карты в руки!

Перевод Реквиема профессора предложили сделать... «Шурику», то есть мне!

Предстояло создать поэтический, эквиритмический перевод с сохранением стихотворного размера, числа слогов в строке, ударений, с совпадением русских гласных с английскими. Иначе певцам было бы трудно исполнять мелодии современного, живого классика.

Тут и помогла вышеназванная пластинка, которую я прокручивал десятки раз, да так, что мог спеть любую партию. Добрейшая Елена Евсеевна Константиновская, наша английская «мама», строго следила за моими «экзерсисами» и заставляла много раз переделывать готовый текст. Когда во время приезда в наш город Бриттена я читал ему русский вариант, композитор одобрительно качал головой, приговаривая: «Йес! Йес!»

Константиновская, что была на этой моей «Голгофе», сказала, что Бриттен был удивлен тем, как его музыка звучит на русском языке. Во время чтения композитор внимательно следил по партитуре, листая с шумом страницу за страницей.

До Бриттена со своим переводом я познакомил известную в театрально-литературных кругах Татьяну Григорьевну Гнедич в ее конуре в Пушкине. Туда притащил меня ее любимый ученик и мой друг Василий Бетаки.

– Слушай, Мурилла! Когда я показал ей твой перевод, она воскликнула: «Хочу видеть этого музыканта!» – добавил он.

В Пушкине на пороге старого деревянного дома нас встретил лагерный дружок Гнедич. Он уставился на двух пришельцев раздевающим взглядом, но, заметив в кармане Васи торчащую бутылку Московской, что мы купили у вокзала, подобрел, взял ее и пропустил «к телу» (выражение Бетаки). Татьяна Григорьевна оказалась обычной старухой в черном ватнике грязного цвета, длинной юбке, как у монашек, стоптанных сапогах. Она крепко, по-мужски сжала мою руку своими скрюченными от подагры цепкими пальцами. Вася стал на все лады расхваливать меня.

Она же повелела «замолчать» и приступить к «делу». По окончании моего «чтецкого дебюта» Гнедич похвалила меня и попросила повторить на «бис» ранее ей знакомое «Проклятье» – «Возьми черные орудья, брат...»

– Это – здорово! Остальное – прилично! – сказала она.

Попрощались. При выходе из-под лестницы появился «цербер» Татьяны Григорьевны и предложил «раздавить на троих бутылек», что мы охотно и сделали. Не обижать же старика. Вместо закуски занюхивали корками сухих сухарей с солью. Они пахли уютом и деревенской печкой. Ими Вася набил «на халяву» карманы и, пока мы шли к вокзалу, хрустел ими, как мышка.

Позднее Вася Бетаки и Галя Усова подарили мне том стихов американца Хьюза в своих переводах с посвящением: «Если б я был композитором, я бы не смог, наверное, так написать мелодию, как Мурин стихи переводит... Г. Усова, В. Бетаки 28. 10. 1964 г.»

На первом исполнении Реквиема в Ленинграде, в Малом зале имени Глазунова нашей Консерватории, чтобы поместить массу исполнителей (хор студентов из двухсот человек, тройной состав оркестра, детский хор, камерный оркестр, солистов) пришлось половину стульев партера вынести в фойе и коридор третьего этажа. Кудрявцева распела хоры и солистов, Рабинович настроил оркестры. Вдруг в зал вошли, взявшись за руки, как «шерочка с машерочкой», красноликий Бенджамин Бриттен и улыбающийся, сияющий лысиной Мстислав Ростропович с неизменной спутницей – виолончелью. В партере профессора Консерватории, ведущие музыканты, певцы Кировского и Малого оперных театров, дирижеры, студенты стоя приветствовали их. Н. С. Рабинович от волнения даже перестал, как обычно, жевать язык, взмахнул дирижерской палочкой, и в зал хлынула музыка «Военного реквиема». Отзвучали первые две монументальные части. Овации автору!

Бриттен поднялся на сцену, что-то эмоционально сказал, размахивая руками. Константиновская перевела: «Я счастлив, что моя музыка после родной Англии впервые прозвучала в городе моего друга Шостаковича в исполнении молодых, кому она и предназначена!»

На партитуре Реквиема я прочел строки Оуэна:

Я о войне пишу.

Об ужасах ее вам рассказать спешу,

Чтобы поэта траурная речь

Могла живых предостеречь!

Программа концерта
25 декабря 1964 года

Пятница, 25 декабря 1964 года
ВНЕАБОНЕМЕНТЫЙ КОНЦЕРТ

Исполнители:

СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР
студентов Ленинградской ордена
Ленина Государственной Консерватории
имени Н. А. Римского-Корсакова

Дирижер
профессор
**НИКОЛАИ СЕМЕНОВИЧ
РАБИНОВИЧ**

ХОР СТУДЕНТОВ КОНСЕРВАТОРИИ
Руководитель — засл. деят. иск. РСФСР,
профессор
Е. П. КУДРЯВЦЕВА

КАМЕРНЫЙ ОРКЕСТР
студентов и аспирантов
Консерватории
Руководитель —
лауреат Международного
конкурса, и. о. доцента
Юрий КРАМАРОВ

ДЕТСКИЙ ХОР
музыкальной школы
Консерватории
Руководитель —
Раиса СЕРЕДА

Партия органа — Л. Ковнацкая
Ассистент хормейстера — А. ЧЕРНУШЕНКО
Ассистенты дирижера — С. ГОРКОВЕНКО,
Ю. СЕРЕБРЯКОВ, И. ХОЛОСТЯКОВ

Соллисты:

Сопрано: Л. ИВАНОВА ✓ Тенор: М. ДОВЕНМАН ✓
А. ПРОНИНА А. МАНУХОВ
Баритон: Б. ЛУШИН ✓
Н. КАЛОШИН
В. ТРОФИМОВ

ПРОГРАММА:

Бенджамин БРИТТЕН
(рожд. в 1913 г.)

РЕКВИЕМ
(первое исполнение в СССР)

1 ОТДЕЛЕНИЕ

1. Requiem aeternam
2. Dies irae

II ОТДЕЛЕНИЕ

3. Offertorium
4. Sanctus
5. Agnus Dei
6. Libera me

После исполнения «Военного реквиема» полностью в Большом зале Ленинградской филармонии 25 декабря 1964 года он прозвучал по-русски в Таллине (дирижер Неэме Ярви) и в Риге (дирижер Леонид Вигнер). Оттуда я получил как автор перевода солидный гонорар.

Позднее клавиры сочинения решили издать в Ленинграде. Но руководители «Музыки» Максимовский и Коловский предложили сделать новый перевод Реквиема своему другу Джамалу Далгату. Тот выполнил его довольно поверхностно, получив очередные гроши. Я на него не в обиде. Жизнь есть жизнь. Каждый хочет иметь «сами понимаете, хлеб с маслом» (Аркадий Райкин). Тем более вскоре Далгат выдал изумительный перевод оперы Бриттена «Сон в летнюю ночь» для Большого театра. Как известно, эту оперу композитор посвятил своему другу Д. Д. Шостаковичу.

Жизнь Джамала Далгата оборвалась трагически. В новый год в доме, где жил дирижер, на углу улиц Звенигородской и Правды, ночью вспыхнул пожар. Джамал в нижнем белье выскочил на улицу. Какая-то женщина пристыдила его, и он, гордый горец, вернулся в огонь за одеждой и погиб! Он был замечательный ленинградский музыкант!

А в 70-х годах с Бриттеном тоже произошло невероятное... Он приютил у себя трех русских «отщепенцев» из СССР (М. Л. Ростроповича, Г. П. Вишневскую и А. И. Солженицына) и стал «нежелательным» волею кремлевских мечтателей. Его музыка безжалостно вымарывалась из программ филармоний и концертных залов, и только кончина гениального английского творца положила конец свистопляске. Хотя даже в 80-е годы я получил втык от начальства за то, что показал в Колледже культуры и искусства «Путеводитель по оркестру для юных слушателей» Бриттена своим студентам!

19 мая 2015 года

Я о войне пишу.
Об ужасах ее вам рассказать
спешу,
Чтобы поэта пламенная речь
Могла живых предостеречь.

Уилфред Оуэн

Б. Бриттен. Реквием

Стихи Уилфреда Оуэна.

Русский текст стихов Александра Мурина

I. Requiem aeternam

Хор.

Requiem aeternam...

Детский хор.

Te deset hymnus

Тенор соло.

Раздался звон по павшим, как на бойне,
Повсюду над землей свинцовый вой,
А пулеметы песнею нестройной
Всех в ад зовут смиренно за собой.
Как рока зов, для нас гудят раскаты,
Загробным хором пули вторят им,
И проклинаят этот мир солдаты,
Да горны смерти царствуют над ним.
Какой ров могилой стал для нас?
Кто может указать? Кто может знать?
Когда глаза сомкнет в последний раз?
Заплачет над какой могилой мать?
А имя любимой заснет на устах,
И ночь захлебнется в кровавых цветах.

Хор.

Kyrie eleison...

II. Dies irae

Хор.

Dies irae...

Баритон соло.

Горна звон...
Напев в вечерний час
Своей игрой

Зовет забыться нас.
Горна звон...
Наигрыш детский горн повторяет,
Ноктюрна ритм,
И все тотчас замирает,
А тень печального дня нависает.
Горна звон...
Здесь в сон погрузился каждый не зря
Под тенью грядущего страшного дня.
Горна звон.

**Сопрано соло
и хор.**

Liber scriptus...

**Тенор и баритон
соло.**

Окончен бой, но вновь явилась смерть.
Присела, словно верный друг, разлив наш
суп.
Взгляд смерти, хладный жалкий труп, был
туп,
Скользил чрез нас, а мы вдыхали этот
взгляд тотчас.
Из глаз струилась кровь,
Вспоминая милый кров.
Смерть плевала нам в постель.
Скрежет взрывов, крик «Шрапнель!»,
Мы песнь поем в последний раз,
И косит смерть шрапнелью нас.
О смерть, на поле брани ты не враг,
Ты старый друг, ты верный брат.
Но, солдат, знай, что смерть тебя найдет.
Чему смеешься? Знай! Сгинут все муки, все
пройдет.
И в битвах иных я воспою Вам
Бой против смерти за жизнь, а не за хлам!

Женский хор.

Recordare...

Мужской хор.

Confutatis...

Баритон соло.

Возьми черные жерла орудий, брат,
И разверни их прямо в небеса.

Пусть небо проклинаят этот ад,
Здесь в прах низвергнуты и горы, и леса.
Раздайся над землей, всемогущий глас:
«О небо! Вырви язвы войн из нас!»

**Хор и сопрано
соло.**

Lacrymosa...

Тенор соло.

Солнце! Солнце! Согрей нас.
Солнце! Солнце! Своими лучами
Там! Вдали! Пробуждало к жизни нас,
Пробуди – солнце – мертвых и в этот раз,
И в это утро, и в этот снег...
Ты это можешь. Солнце! Согрей же нас,
К тебе взывает человек!
Влей кровь в пустые жилы нам,
Глаза вложи в обоймы дыр,
Сравни окопы рваных ран,
Омой теплом рожденный мир.
Если солнца нет,
То и жизни нет.
О солнце! Дай нам!
Дай жизнь!

Хор.

Pie Jesu Domine...

III. Offertorium

Детский хор.

Domine Jesu...

Хор.

Quam olim Abrahae...

**Баритон и тенор
соло.**

И Авраам покинул бор,
Достал острый меч
И сам развел огонь.
Все закончив,
Он подвел к ним сына.
Исаак тогда спросил отца:
«Отец мой! Отец мой!
Но где, скажи мне,
Жертва для богов?
Я вижу огонь да

Только острый меч».
Тогда он сына взял,
Связал ремнем,
Бросил на парাপет,
Занес меч.
«Не смей!» –
То ангел окликнул его с небес:
«Не смей!
Не подыми руку
На сына, о старец.
Не делай зла
Родному сыну,
О старец,
Ты принеси ягненка
В жертву богам».
Старец меч свой опустил.
Убит был сын,
И так полмира
Вслед за ним.

Детский хор.

Hostias...

IV. Sanctus

**Сопрано соло
и хор.**

Sanctus...

Баритон соло.

Молнии с неба тьму рассеяли в прах.
И людям виденье явилось вновь.
То низвергла ночь на землю страх,
Песни свои, леденящие кровь.
Воскреснет ли жизнь для тех, кто нем?
И кто плачет сейчас от ран зверей?
И кто смоем ту кровь на лицах лет?
И кто восполнит молодость людей?
Кто?
Когда я спрашивал седых отцов,
В ответ лишь слово «нет!»
И вновь сникает голова к земле.

Мне славы нет, и раны стонут вновь...
И море слез по-прежнему полно,
Но не вино там, нет, там кровь.

V. Agnus Dei

Тенор соло.

Вновь мы стоим у тех дорог,
Каждый чего-то страшного ждет.
Кто к нам вернулся раненым в дом,
Тот другим путем пойдет.

Хор.

Agnus Dei...

Тенор соло.

Возле Голгофы много жрецов,
Каждый на бойне воином стал,
И славит войну там хор лжецов,
Войну, которую Христос проклинал.

Хор.

Agnus Dei...

Тенор соло.

Но кто нас любит, тот давно в земле,
Забыв военные затеи.

Хор.

Agnus Dei...

VI. Libera me

**Хор и сопрано
соло.**

Libera me...

Тенор соло.

Я видел вещий сон, который для потомков
Пусть память неизменным сохранит.
Я был на бойне, что развергла в прах гранит.
Стенанья страха там услышал я,
Средь павших были все мои друзья.
Хотел их разбудить, но было все напрасно.
Один вскочил, взглянув на мир ужасно,
И залп орудий стон его затмить не мог.
«Друг мой! – сказал я. – Зачем печали стон?»

Баритон соло.

«Нет, – прошептал мертвец, –
То юных лет прощальный звон,
Ведь наша радость всем святой казалась:

И вот нас нет, взамен лишь жалость прино-
сит он.
Моя бы радость – радость всем дала.
Печаль моя лишь слезы принесла,
Лишь слезы, слезы жалости.
Да, правду знал я, которой нет преград.
Она прошла горнило канонад,
И этой правде всяк из нас был рад.
О! Если люди станут жадны, как тигрица,
Людские вмиг они теряют лица.
Будь проклят бой за этот бастион,
Что носит подлой смерти жалкий стон.
И если я увижу колесницу, омою кровь ее
святой водой,
Чтоб не забыли на земле потомки зло, наре-
ченное войной».
Теперь тебя узнал я, мертвый друг!
Упал кровавый меч из ослабевших рук
И в души наши страх запал,
А сердце вечный холод сжал.

Тенор и баритон «Мой друг! Вдвоем навек заснем!..»
соло.

Детский хор, In paradisum deducant te Angeli...
хор и сопрано Requiem aeternam. Amen.
соло.

У Необходимыча

А. Н. Дмитриев

Когда перевод стихов Уилфреда Оуэна, что использовал в «Военном реквиеме» Бенджамин Бриттен, был закончен, мой добрый ангел, что курировала эту работу, заведующая кафедрой иностранных языков Елена Евсеевна Константиновская сказала:

– Александр! Ваш перевод следует показать Анатолию Никодимовичу Дмитриеву. Он будет рецензировать первое в СССР, в Ленинграде, в Филармонии исполнение произведения!

А. Н. Дмитриев был любимцем студентов и аспирантов, другом Д. Д. Шостаковича. Помимо чтения блестящих лекций в Консерватории, он виртуозно исполнял за роялем любые, самые сложные симфонические партитуры, за что получил прозвище Необходимыч. Он присутствовал на показе Д. Д. Шостаковичем этой музыки друзьям в Консерватории.

Я созвонился с Анатолием Никодимовичем, и он назначил мне встречу у него дома в пять часов вечера. И вот я на площади Труда. Этот дом XIX века был знаменит. На первом этаже находилась булочная, вход и наличники которой были украшены изразцами в русском народном духе. Они контрастировали с кроваво-грязными стенами Николаевского дворца, в котором расположился Дворец профсоюзов. В булочной продавались свежие плюшки и сдоба, что буквально таяли во рту... Дверь открыл хозяин и пригласил сразу в кабинет. В нем среди полок, стеллажей с книгами и нотами, рядом с письменным столом расположился старый «шаляпинский» диван, на котором сидел в уголке старичок.

– Познакомься, Александр! Это концертмейстер оркестра Малого оперного театра И. Б. Семенов! Ему любопытно будет послушать твои вирши! – и, обратившись к другу, добавил:

– Это наш консерваторец, сын Елизаветы Петровны Кудрявцевой и племянник Александра Григорьевича Мурина из Кировского!

Семенов отложил сафьяновый портфель, в котором были раритеты, и приготовился слушать. Необходимыч уселся на другой край дивана, заложив по-турецки ногу под себя, и, чтобы снять напряжение, прибавил:

– Александр написал толковую работу о Гречанинове. Перелопатил кучу материалов. Мы ее опубликовали в сборнике «Голоса молодых» в Консерватории.

Семенов все выслушал и задал вопрос:

– Вы знакомы с книгой мемуаров Гречанинова «Моя музыкальная жизнь», изданной в Париже в 1936 году? У меня она есть!

Я в ответ:

– Как жаль! А я в московской библиотеке имени Ленина, в отделе редких книг, целую неделю от руки переписывал ее и фрагменты вставил в свою работу!

Позднее, уже в XXI веке, я узнал, что коллекция Семенова уникальна. В ней автографы композиторов-классиков, редкие пластинки и т. п.

Наконец, я осмелел и прочел слушателям свой перевод Реквиема. В конце Дмитриев обратился ко мне:

– Александр! Попрошу о любезности! Оставьте мне Ваш перевод и биографию поэта! Мне Филармония заказала статью к премьере!

Тут супруга Анатолия Никодимовича принесла стаканы душистого индийского чая и свежие сдобы из знаменитой булочной... На премьере «Военного реквиема» Бриттена в Филармонии я был необычайно горд. В программку были вложены мой перевод и подробный разбор сочинения Анатолием Никодимовичем Дмитриевым. В нем уважаемый профессор цитирует «мои вирши»! Дерзну привести статью профессора, так как она с тех пор нигде не была опубликована.

19 мая 2015 года

А. Н. Дмитриев.

Бенджамин Бриттен. Реквием

Имя Бенджамина Бриттена – современного английского композитора – широко известно советским слушателям. Оригинальная музыка этого художника находит все более и более широкое признание. Сейчас Бенджамин Бриттен является одним из немногих композиторов, творчество которого звучит как одна из вершин мировой интеллектуальной мысли. Для Бриттена характерна цепкая жизненная хватка. Его зоркий глаз умеет разглядеть в нашей современности наиболее волнующие явления. Отсюда каждое его произведение – далеко не бесстрастная зарисовка характеров. Отточенное мастерство Бриттена всегда

направлено на разрешение той или иной художественной проблемы, когда с безоговорочной определенностью проявляется твердая воля автора, его этические и эстетические убеждения.

Перу Бриттена принадлежат 10 опер (лучшие из них – «Питер Граймс», «Альберт Херинг», «Поворот винта», «Поругание Лукреции», «Сон в летнюю ночь»), множество симфонических произведений, вокальных циклов на стихи Рембо, Микеланджело, Донна, Хельдерлина, Гарди, кантат, камерно-инструментальных сочинений, музыки для театра, радио и кино.

Реквием написан Бриттеном в 1961 году. Закончен он 20 декабря 1961 года.

Среди произведений, написанных за последние годы в Англии и на европейском континенте, Реквием является наиболее сильным по экспрессивной концентрации творческой мысли, глубокому раскрытию антимилитаристической проблемы, которая волнует сейчас буквально весь мир. Реквием Бриттена – страстный призыв большого художника – предостережение против войны.

Особо следует отметить высокий пафос и музыки, и текста Реквиема. Бриттен, наряду с обычными традиционными словами латинской заупокойной мессы, использует великолепные по всей выразительной силе стихи из поэм английского поэта Уилфрэда Оуэна.

В противоположность творчеству Бриттена поэзия Уилфрэда Оуэна малоизвестна. Между тем, и творчество, и личная трагическая судьба этого человека глубоко поучительны.

Вот некоторые данные из его биографии.

Уилфрэд Оуэн родился в Англии 18 марта 1893 года в городе Шропшире. В 1911 году поступил в Лондонский университет, но окончить его не смог из-за трудного материального положения. Работал учителем английского языка во Франции. В 1915 году вернулся в Англию и поступил в школу снайперов. В июне 1916 г. был призван на военную службу и в начале 1917 г. направлен во Францию в действующую армию (Ланкаширский стрелковый полк). С весны 1917 г. по август 1918 г. из-за неоднократных ранений Оуэн лечился в различных госпиталях, затем снова уехал в действующую армию и 4 ноября 1918 г. был убит в бою.

В предисловии к английскому изданию поэм Оуэна сказано: «Его военные стихи, написанные в период с января 1917 г., когда он находился на Западном фронте, по ноябрь 1918 г. представляются лучшими в английской поэзии периода первой империалистической войны, а, возможно, и величайшими творениями о войне в английской литературе».

Реквием Бенджамина Бриттена представляет собой грандиозное вокально-симфоническое произведение, в котором широким планом раскрыты самые различные чувства, образы, ситуации, изображения конкретных действий, в целом представляющие страшный мир бедствий и ужасов современной войны. Но основой содержания своей музыки Бриттен все же делает не натуралистическое изображение войны, а ее психологическое восприятие людьми. В центре у него не смертоносная дробь пулеметов, а искаженные от ужаса лица людей, которых сечет этот дикий дождь раскаленного металла.

С редкой экспрессией, совершенно по-новому звучат привычные слова заупокойной мессы, остро сочетаемые со страстными, буквально кровью написанными стихами Уилфрэда Оуэна. Словами трудно передать все неожиданные эмоциональные оттенки этого страстного антимилитаристического экспрессивнейшего «монтажа» – воплощения сильнейшего протеста (и предостережения) против войны.

Художественное воплощение чаяний, надежд и протеста людей, переживших войну, получает у Бриттена эмоционально повышенный оттенок, так как композитор раскрывает идею своего произведения необычайно действенными драматургическими средствами.

Музыкальный язык Реквиема глубоко современен. Здесь сочетаются острые интонационные средства с отточенной логикой формы. Красочная палитра Реквиема чрезвычайно многообразна. Особенно велика роль полифонии и драматургии тембров. Множество самых разнообразных по форме мелодических линий и крупных пластов различной темброво-красочной окраски соединяются и противоплагаются друг другу в острейших комбинациях, образуя сложные по конструкции многоголосные сплетения.

Реквием написан для большого состава исполнителей – двух оркестров, одного – симфонического, увеличенного до огромных размеров (включая множество ударных инструментов), другого – камерного, в котором каждый исполнитель является своего рода солистом, двух хоров – смешанного и детского (в сопровождении органа) и трех солистов – тенора, баритона и сопрано.

Композитор свободно владеет такими большими вокально-инструментальными средствами. Его партитура написана в великолепном, виртуозно-отточенном стиле.

Реквием состоит из шести крупных частей, объединенных не только общим смыслом содержания, но и музыкально-тематическими связями, общностью интонационного материала. В целом это единая, строго развивающаяся форма, в которой различные темы (выражения военных ситуаций) постепенно собираются в последней части в конфликтный центр.

I часть – «*Requiem aeternam*». Суровый звон колоколов. Колорит мрачных предчувствий. Медленно и очень зыбко перемещаются тяжелые линии инструментов, как бы большие громады неясных очертаний постепенно встают перед людьми и овладевают их сознанием.

На момент колорит светлеет. Детский хор поет «Тебе возносим мы гимны». Но снова раздается мрачный перезвон. И вдруг в эту суровую атмосферу латинской мессы вторгается речь солиста с пламенными современными стихами Уилфрэда Оуэна. Весь музыкальный строй резко меняется. Именно здесь впервые экспонируется общий смысловой конфликт. Светлая музыка детского хора «Тебе возносим мы гимны» становится иной, более взволнованной, тревожной; ритм развития делается неровным.

II часть – «*Dies irae*» – «День гнева», «Страшный суд». На протяжении многих столетий картина «Страшного суда» в бесконечных вариантах изображалась самыми различными художниками – Микеланджело, Гойей, Врубелем и многими другими. В музыке наиболее ярко это выполнено у Берлиоза, Моцарта, Верди, Форе.

Глубоко и проникновенно «Страшный суд» воплощен в Реквиеме Моцарта. Более театрально картина «Страшного суда»

написана у Берлиоза и Верди, которые привлекли для этого увеличенные составы оркестров, добиваясь колоссальной силы интонационно-образного выражения.

Бриттен также использует увеличенный состав исполнителей, но главным выразительным началом он делает саму конструкцию этой части. Прежде всего, Бриттен трактует этот огромный раздел центральным в общей драматургии первой половины Реквиема. Как в картинах прославленных художников, у Бриттена здесь сплетаются самые разнообразные, остро противопоставляемые жизненные темы, в целом образуя клубящуюся пеструю массу. Бриттен в этой части объединяет несколько сюжетов, обычно трактуемых раздельно («Dies irae», «Tuba mirum», «Liber scriptum», «Rex tremendae», «Recordare», «Confutatis», «Lacrymosa»).

Кроме того, в этот раздел включено еще много монологов и отдельных реплик, взятых из поэм Уилфрэда Оуэна. Все эти сюжеты сплетены в сложную политематическую конструкцию, когда один текст оттеняет (переосмысляет) другой. Но главенствующей остается тема «Страшного суда» – суровая, неуклонно надвигающаяся, с непривычным ритмом. Эта тема, как фатум, многократно повторяясь, то подчеркивает, усиливает эмоциональное воздействие других тем, то, наоборот, как бы сметает их...

Среди разнообразных по ритму разделов этой части важное значение имеет дуэт тенора и баритона – «Но вновь явилась смерть». Этот дуэт исполняется с сопровождением камерного оркестра. Остинатное движение оркестра, лишь временами подхлестываемое неожиданными перебивками, постепенно вырастает в сильнейшую по экспрессии воплощения картину. Почти диким визгом звучат здесь флейта-пикколо и кларнет. Изломанные линии этих инструментов самым причудливым образом сплетаются в звуковую вакханалию, выражающую вой повсюду несущегося металла, от которого нигде нет спасения. Долго не смолкает эта дьявольская симфония смерти. И вдруг солисты – тенор и баритон – неожиданно тихо и необычайно значительно произносят: «Я воспою вам бой против смерти, за жизнь, а не за хлам!».

Вступает основной симфонический оркестр с мягкими «отепленными» интонациями. По контрасту с предшествующим машинным ритмом здесь общий колорит несколько светлеет. Но свет этот несколько матовый – женский хор поет о прошедших днях грустно и задумчиво. По форме это небольшая fuga с пластичными мелодическими рельефами, как бы остановка перед резким наплывом следующего номера – «Confutatis». Быстро и очень напряженно, как бы задыхаясь от сильного бега, звучит здесь суровый и жесткий по колориту мужской хор. Появляются механические ритмы с характерными судорожными перебивками, машина смерти снова мнет людей.

Гневно и сильно бросает слова солист – «Пусть небо проклинает этот ад». С реплик солиста начинается как бы условная реприза всей части. Но вместо первоначальных фанфар, здесь посылаются в небо проклятья, которые становятся смысловой преамбулой для нового появления основной темы «Страшного суда».

Как вывод из этой симфонической вакханалии звучит горестный плач «Lacrymosa». На фоне тихих и затаенных аккордов хора (с ритмом темы «Страшного суда») женский голос медленно и бесконечно скорбно поет красивую печальную песню.

III часть – «Offertorium» – «Жертва». Это необычная трактовка легенды о старом Аврааме, который хотел принести богу в жертву своего сына. По преданию ангел остановил руку отца, и сын был спасен. Но у Уилфрэда Оуэна (и у Бриттена) никакие просьбы божьего посла и моления юноши не останавливают жестоких намерений Авраама, и он убивает своего сына, а с ним великое множество молодых людей.

Этот номер оригинально построен и по форме. После короткого свободного вступления-прелюдии (орган и детский хор) открывается большая четырехголосная fuga – наиболее светлая часть всего Реквиема. Она написана с присущим Бриттену мастерством и блеском полифонического письма.

После fugи на фоне застывших долгих органнх пунктов солист с горечью повествует о трагическом исходе легенды. Много раз (баритон уже вместе с тенором) повторяются слова – «А вслед за ним было убито полмира»... «...убито полмира»... «...убито полмира».

Завершается весь этот номер повторением первоначальной фуги, но ее интонации изломаны, искажены. Как будто война снова здесь прошла и оставила свою трагическую борозду. Почти шорохом звучит новый вариант первоначально светлой фуги.

IV часть – Sanctus – «Свят».

После небольшого вступления – гимнических возгласов солирующего сопрано – восьмиголосный хор произносит слова латинского славословия. Бриттен применяет здесь интересный художественный прием. Вся фраза произносится многократно и очень быстро, в результате создается впечатление гулкого бормотания. Первое интонирование этих слов начинается в глухом низком регистре басов. Затем с каждым новым повторением добавляются все более и более высокие голоса, сливающиеся затем в громадную бурлящую лавину, которая постепенно и неуклонно приближается. Расширяющаяся интонационная масса обладает огромной энергией, так как хору помогают напряженные трели и тремоло оркестра. Становится буквально страшно от такого «славословия». Звуковая лавина, доходя до неистовой силы, внезапно обрывается. Начинается яркая, красочно-помпезная «Osanna».

V часть – «Agnus Dei» – «Агнец божий». Это своего рода интермедия перед последним финальным подъемом. Снова скорбь на фоне медленных волнообразных хоровых унисонов звучит тихая, но проникновенная речь солиста. В конце этого номера впервые в Реквиеме появляются примечательные две фразы. Первая у хора: «Пошли вечный им покой». Солист же произносит иной вариант: «Пошли нам мир».

VI часть. «Libera me» – финал всей большой циклической формы Реквиема. По содержанию музыки, по смысловой эмоциональной окраске, которую создает здесь композитор, латинский текст заглавия финала в русском переводе означает – «Вырви меня из ада».

Этот финал – драматургическая кульминация всего Реквиема. Именно здесь сходятся различные линии грандиозной конструкции. По форме финал очень простой и четкий. Это своего рода большая пирамида с медленным восхождением к вершине и затем постепенным ниспаданием.

В финале звучат все основные темы предшествующих частей, но звучат в новом качестве, с повышенной экспрессией. Глухие, с низким звуком барабаны открывают медленное развитие последнего шествия. Постепенно «просвечиваются» очертания мелодических рельефов. На полном *pianissimo* хор отдельными репликами интонирует лишь короткую фразу «*Libera me*», которая как главный тезис повторяется бесконечное число раз. В оркестре же крепнет и утверждается тема смерти. Мастерски осуществлено общее симфоническое развитие формы, доходящей в кульминации до крайней степени напряжения. Бриттен, постепенно и неуклонно увеличивая энергию звукового потока, применяет, пользуясь терминологией современной атомной физики, «разгон материи», добиваясь поразительных результатов. В этом большом нарастании все время звучат несколько пластов – художественных образов. Постепенно общая стихия ужасов и смерти отходит...

Реквием заканчивается послесловием – монологом солиста тенора, линию которого продолжает затем баритон – «Я видел вещий сон, который для потомков нам память неизменным сохранит», «Я был на бойне, что развергла в прах гранит».

В самом конце снова звучит вся масса исполнителей, но очень сумрачно. Кажется, что силы покидают человека. И только шепотом возможно произнести последние слова – просьбу о мире.

Судьба клавира

В наши дни к 80-летию со дня рождения великая певица Г. П. Вишневская, к тому времени вдова М. Л. Ростроповича, в интервью престижному изданию сказала:

«В 1962–1963 гг. в Лондоне я записала с любительским хором “Военный Реквием” Бриттена. И много лет спустя ко мне подошел Ротшильд (из лондонской ветви миллиардеров) и говорит: “Мадам Вишневская! А я имел честь с Вами петь!” Я подумала,

хохма какая-то. “Ну как же, мы же с Вами вместе записывали Реквием Бриттена!”

Труднейшее сочинение, музыка – модерн, а они все с листа это пропели. И вышедшую тогда знаменитую пластинку с самой первой записью перебить никто до сих пор не может. И в том хоре стоял Ротшильд и был счастлив, что открывает рот. Представьте себе на его месте Абрамовича!»

Эту пластинку Реквиема Бриттена, где пели взрослый и детский хоры, два симфонических оркестра под управлением автора, а солистами были Пирс и Вишневская, привез в Ленинград Д. Д. Шостакович, показал друзьям и аспирантам в Консерватории.

Именно эту пластинку я десятки раз прокручивал на «Эстонии-4», когда готовил русский перевод и выучил весь Реквием назубок.

После премьеры партитура и пластинка остались у Н. С. Рабиновича, а с клавиром, по которому мама, Е. П. Кудрявцева, разучивала с хором и солистами Реквием, произошел забавный случай. Для исполнения музыки надо было сделать клавиры с моим переводом текста. Я переснимал на фото пленку клавира у моего друга Толи (А. П. Коннова), у которого была фотокамера, немецкая «Лейка». Толя обитал тогда в малюсенькой холостяцкой комнатке в коммуналке на Дмитровском переулке. Окно слепой каморки в бельэтаже выходило на глухую кирпичную стену. Мы закрепили аппарат на штатив и многократно зажигали 200-ваттную лампу при съемке. Отсняли десяток кассет по 36 кадров. Бдительный сосед по коммуналке стукнул кому следует о вспышках на стене, и, когда я усталый вышел из парадной, ко мне подошел человек в штатском и попросил предъявить документ. К счастью, у меня был пропуск, выданный в ДК имени Дзержинского с печатью МВД, в котором значилось, что я руковожу хором милиции Ленинграда. Незнакомец внимательно изучил пропуск, даже понюхал его, затем спросил про вспышки на стене. Я рассказал все, как было. Сотрудник рассмеялся, покачал головой, крепко пожал руку и отпустил с миром.

В Консерватории в фотолаборатории Н. Шевлягин отпечатал пленки в нескольких экземплярах, в них вписали русский

текст. На премьере по ним пели солисты Б. Лушин, М. Довенман, Л. Иванова. Ныне эти реликвии хранятся в библиотеке Консерватории.

Воистину от смешного до трагического один шаг!

19 мая 2015 года

По цене двух бутылок пива

Г. С. Усова

В октябре смотрел по телящику программу петербургских новостей. В конце передачи, как обычно, дают «клубничку». В этот раз на экране сюжет: у метро «Академическая» баба в зипуне, шапке-ушанке, варежках, переминаясь с ноги на ногу, предлагает книги. Коробейник отчаянно взывает:

– Купите том стихов Байрона! По цене двух бутылок пива! Купите... – умоляет замерзшая женщина.

Голос мне показался знакомым. Редкие прохожие подходят к ней, берут с тележки книги, листают и возвращают обратно. В конце сюжета диктор за кадром сообщает: «Это известный в нашем городе переводчик с английского, ученица легендарной Татьяны Гнедич, Галина Усова! Она продает свои книги, чтобы прокормиться!»

«Купите Байрона...» Это меня потрясло! На экране шел сюжет о погоде на завтра, а я все смотрел и смотрел на мелькающий экран. Неужели это та Галя Усова, что блестяще переводила Байрона, Хьюза, австралийских авторов? Та, которую я знал полвека тому назад как жену моего друга поэта-переводчика В. П. Бетаки. Прохиндей Васька бросил ее с двумя маленькими дочками и, заплатив сумасшедшие алименты, смылся с новой пассией за бугор. В Париже они сыграли свадьбу. Причем посаженными матерью и отцом были генерал царской армии и старая графиня Зинаида Шаховская. На западе Бетаки выпустил десяток книг, «трепался» на «вражеских» голосах, на «Свободе». Слава Богу, умалчивал в них о Гале, о Вольте Суслове, который публиковал

его вирши, и обо мне, что много помогал бедствующей семье поэтов.

На память невольно пришли строчки Гали, когда ее семья еще была в полном сборе:

Поэты ходят в одиночку,
Чтоб под защитой тишины
Услышать, как взрывает почку
Удар невидимой весны.
И одиночество – расплата
За узкий луч своей тропы.
Поэты ходят по канату,
А он не выдержит толпы!

Я ринулся на «Академическую», но не застал Галю Усову. Дежурный полицейский сказал:

– Слава Богу! Убралась старуха! Мне меньше забот!

Подойти к Усовой на улицу Раевского я не решился. Беречь старую рану не следует. Да и с моей гипертонией было бы рискованно встретиться с прошлым. Через несколько дней по телевизору снова вернулись к этой истории и сообщили: «В Союзе писателей Петербурга в секции переводчиков состоялось собрание, решили помочь бедствующей коллеге».

Почему-то вспомнилась цитата из «Двенадцати» Александра Блока:

...И у нас было собрание...
...Вот в этом здании...
...Обсудили –
Постановили:
На время – десять, на ночь – двадцать пять...
...И меньше – ни с кого не брать...
...Пойдем спать...

Боже, Русь, «куда несешься ты»? А за кадром голос Галины Сергеевны Усовой:

– Купите Байрона! По цене двух бутылок пива!

7 ноября 2015 года

Дон Педро и его кукольный театр, который лопнул

В. П. Бетаки

Вася Бетаки, курчавый и вертлявый, как чертенок из пушкинской сказки, был вечно одержим одним вопросом: где достать немножко дукатов. Так он называл наши советские «деревянные» рубли. А их ему всегда не хватало. Надо было платить за кооперативную хрущевку на окраине за Политехническим институтом. Да и жена Галя с двумя маленькими дочками требовали ухода и жратвы. Вот он и крутился, как белка в колесе.

Когда мы с мамой выпустили нотный сборник из репертуара Хора любителей пения, через издательство «Музыка» заказали ему перевод на русский язык негритянских песен-спиричуэлов. Да и Вольт Суслов давал подзаработать, публикуя в журнале «Искорка» их назидательные детские пьески, к которым я «соображал» довольно рискованные песенки...

В 1957 году народный артист СССР, профессор, пианист с мировым именем П. А. Серебряков совершил гастрольную поездку по Латинской Америке и привез на Родину целый чемодан нот американских композиторов. Многие он с успехом исполнял в Ленинграде. Особенно «Танец белого индейца» Вилла-Лобоса. Позднее Павел Алексеевич предложил мне и Бетаки сделать русский перевод оперы Мануэля де Фальи «Дон Педро и его кукольный театр». Со мной он поделился планами исполнить сочинение в Оперной студии Консерватории. А за пульт встанет его младший сынишка Юрий Серебряков, делающий первые шаги на дирижерском поприще.

В партитуре оперы, что передал нам для работы ректор, были два текста – испанский и английский. Первый мы, естественно, не знали, а во втором Вася был большой «мастак».

Работа закипела! Я следил, чтобы русские слова влезали в музыкальные фразы и готовые куски распевал другу на все мыслимые голоса. В результате моих певческих «арий» Василий буквально катался по полу от смеха. Дон Педро, владелец кукольного театра, получился у нас нетрадиционной сексуальной ориентации. Он кричал на Дон Кихота: «Нехороший! Мальчик!

Стервец! Я тебя! Поколочу!» Да и другие персонажи в транскрипции Васи говорили голосами Рины Зеленой, Анатолия Папанова, Владимира Этуша, Ролана Быкова, Владимира Зельдина. Сказывалось влияние советских мультиков.

Через месяц состоялся «показ» нашей оперы в кабинете ректора Консерватории.

Павел Алексеевич усадил Васю в кресло Глазунова, в котором мой друг утонул, превратившись в маленькую куклу арабского происхождения. Я и Серебряков уселись, как просители, на стулья к столу. Вася сгреб со стола в сторону важные бумаги и ноты, положил перед собой наше «творение» и началось... По мере чтения он «вживался» в образы героев. Говорил разными голосами, поглядывая изредка на меня: «Ну как я играю?» Серебряков слушал внимательно. С его лица слетели все многочисленные заботы. Это был другой человек, домашний, увлеченный. Иногда он торопил чтеца:

– Дальше! Дальше!

Как будто хотел охватить всю оперу до самого конца.

– Закрит кабачок! – чуть не ляпнул Бетаки в финале чтения.

Через мгновение Павел Алексеевич, смеясь, произнес:

– Молодцы, ребята! Спасибо за «Дона Педро»! Оставьте текст. Я распоряжусь, чтобы бухгалтерия оплатила «сие». В кабинет уже заглядывали нетерпеливые посетители с новыми проблемами и просьбами...

Вскоре мы получили гонорар за оперу. Судьба ее исполнения была печальна. В Консерватории появился новый ректор, что сменил П. А. Серебрякова, бывшего на этом посту тридцать лет. Новая метла, как бывает, начала внедрять новые традиции... Опера Де Фальи «Дон Педро и его кукольный театр» канула в Лету...

3 июня 2015 года

Толмачи

На Руси встречались умные, талантливые, хитрые, изворотливые мужики. Их в народе звали толмачи. Толмач и царский указ растолкует, и мудреную иноземную бумагу прочтет. А если и малость переврет, то и вида не покажет. Такому плюй в глаза – божья роса! Сразу приходит на память толмач-писарь из комедии Булгакова «Иван Васильевич», которого гениально сыграл в фильме Савелий Крамаров.

Традиции царских толмачей плавно перешли в наши века. Ведь большинство русского народа было безграмотным и к заморским языкам не приспособлено. Многие шедевры мировой поэзии мы запомнили в переводах толмачей Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, К. Р. и др. А имена других прочно забыты! Кто может сегодня назвать автора русского текста «Вечерней звезды» Шумана? Или перевода оперы Бизе «Кармен»? А им был не кто иной, как Петр Ильич Чайковский! В прежние годы те, кто хотел послушать европейские шедевры на языке оригинала, спешили в Петербурге в итальянский, немецкий, французский театры, а остальная публика наслаждалась музыкой в Большом и Мариинском театрах на русском языке. Причем в программки вкладывались либретто опер Россини, Верди, Вагнера с нотными примерами на русском.

Работая над переводами хоровых сочинений иностранных авторов на русский язык, я невольно влезал в шкуру толмача, знакомился с природой, бытом, обычаями тех или иных народов. Во многом мне помогало знание смежных искусств – живописи, скульптуры, знакомство с авторами, моими современниками.

В 1958 году мама попросила меня сделать стихотворный перевод канона Моцарта. Я быстро перевел его на русский язык. Но игривая солнечная музыка как-то не вязалась с образом трагически болезненного композитора. Доминировал спектакль Пушкинского театра «Моцарт и Сальери», где играли два гениальных актера Н. К. Симонов и В. И. Чесноков. Моцарт был бесшабашным добрым весельчаком, обреченным на гибель. А Сальери (Симонов) был завистливым, злым художником. И тут помог случай. Я узрел автопортрет Рембрандта с Саскией

на коленях. На мгновение представил на их месте Моцарта с Констанцией и само собой возникли:

Слава солнцу! Слава миру!
Да прославит радость лира!
Хвала тебе! Хвала тебе!
Прославим Радость на земле!

Или картина художника-символиста. Море, покрытое трупами, обломками орудий и лафетов. Все, как в кастрюле с пригоревшим супом, дымится и булькает... Это стало ключом к переводу Уилфреда Оуэна в «Военном реквиеме» Бриттена.

Приехал в Таллин зимой, иду в гостиницу. Оттепель. После ночного морозца город покрыт белым маревом. И башни, и бастионы, и шпили – все искрится в лучах восходящего солнца. В голове вдруг возникли строки: «Холод»...

Отдыхал в Литве под Друскининкаем, гулял по тропам и берегу Нямунаса, любовался красотой родины композитора, художника и поэта Николаса Чюрлениса. И хотя мой друг Пятрас Валионис сделал мне дословный перевод, только увидав все своими глазами, удалось найти нить: «Тишина»...

Я счастлив быть, хоть на мгновение, тем самым русским толмачом!

Сентябрь 2015 года

Переводы для Густава Эрнесакса, Пятраса Валиониса, Куно Аренга

Тишина

*Музыка Р. Жигайтиса, стихи Б. Мацкавичуса,
перевод А. Мурина*

О, тишина!
Моя планета замшелым сном окружена.
О, тишина!
Рыдают рельсы, и шлют проклятья поезда.
О, тишина!
Ладони страха сковали грудь и сердце мне.
Друзья, погибшие солдаты,
Сквозь ночь встают в тревожном сне.
Проходят снежными рядами,
И в сердце каждый слышен шаг...
О, тишина!
Моя планета замшелым сном окружена.

Холод

Музыка Г. Эрнесакса, стихи Ю. Лийва, перевод А. Мурина

Молчит, как ночь, суровый лес,
Над ним зари алеет луч,
Словно иглами колет нас
Смертельный холод из туч.
Все леденеет в этот час.
Волк дико воет, лань ревет.
Холод, как пуля, ранит нас,
Природа вновь чего-то ждет.
Молчит, как ночь, суровый лес,
Над ним зари алеет луч.
Словно иглами колет нас
Смертельный холод из туч...

Ноктюрн

Музыка Т. Веттик, стихи К. Мерилаас, перевод А. Мурина

Гаснет последний солнца луч.

Туман окутал доли.

Летят по небу стаи птиц

За дальний лес и горы.

Тропа уж не видна,

И смех стихает звонкий,

Над гладью вод лишь два крыла

Свой след оставят тонкий.

О, как хочу я ночью стать,

Простой, лесной тропой,

Иль песней над тобой витать,

Иль эхом над землею...

Переводы для А. В. Свешникова

Песня Мари

Обработка Монпу (Франция)

Песня любимой звучит одиноко –
то песнь Мари.

Чайкой морскою умчались далеко
веселья дни.

Грустный напев этой песни прощальной
слышен вдали.

О, не мешайте мне плакать над песней
моей любви!

Ветер весенний принес нам прохладу,
земной покой.

Образ печальный растаял в тумане
лесной рекой.

Тихая ночь опустила на землю
дивные сны.

О, не мешайте мне плакать над песней
моей весны!

Песня любимой звучит одиноко –
то песнь любви.

Чайкой морскою умчались далеко
веселья дни.

Грустный напев этой песни прощальной
замер вдали.

О, не мешайте мне плакать над песней
моей Мари!

Весенняя песня

(Музыка Бетховена)

О, дивный майский вечер принес земле прохладу.

А горы и долины купаются в цветах.

И пенье птиц небесных доносит нежный ветер.

И все спокойно дремлет. О, как прекрасен мир!

Леса, поля и горы, и мир, объятый негой,

И пахарь в чистом поле внимают песне той.

А завтра день настанет, и снова солнце встанет,

И радость засверкает: о, как прекрасен мир!

О, дивный майский вечер принес земле прохладу.

А горы и долины купаются в цветах.

Я трелью соловьиной взлетел бы завтра в небо

Прославить звонкой песней: о, как прекрасен мир!

Немецкий хорал

(XVI век)

О, Господь! Молю тебя на краю могилы.

В блеске солнечного дня дай, Господь, мне силы!

Пред тобой, ангел мой, все навек смолкает:

Так всегда бывает!

Свет лучей дойдет до нас, и падут оковы.
В блеске солнечного дня в мир войдем мы новый.
Славный мир, светлый мир нас, друзья, встречает.
Так всегда бывает!

Кто судьбе своей судья, сбрось скорей оковы.
В блеске солнечного дня в мир войдем мы новый.
Славный мир, светлый мир к нам, друзья, слетает.
Так всегда бывает!

Немецкий хорал

(XVI век)

О, милый друг, я пред тобой.
Прими мольбы, побудь со мной!
Моей душе верни покой.
О, милый друг, пойдем со мной!

О, как чиста любовь моя!
Навеки счастлив буду я.
Но сердце полно вновь тоской:
О, милый друг, пойдем со мной!

Проходят дни, летят года.
Их не вернуть нам никогда.
Но сердце прежнее в груди
Тебя зовет: не уходи!

Стенгазетчики

В Хоровом училище при Ленинградской капелле после блокады, как в любом учебном заведении города, регулярно выпускалась стенная газета «Наша жизнь», орган комсомольско-пионерской организации. На этот идеологический пост главным редактором был назначен старшеклассник, комсорг

школы Коля Кунаев, к слову, сын протодьякона Преображенского собора на Литейном проспекте. Николаша, как мы звали друга, ловко справлялся с поручением: хвалил отличников, ругал двоечников и прогульщиков, славил Отца всех народов тов. Сталина. Дирекция Капеллы (тов. Боровецкий) и профком (тов. Пивоваров) были довольны! По наследству от Кунаева этот пост перешел ко мне и двум моим друзьям Юре Скворцову и Лене Петрову. В углу каждого нового номера газеты значился неопознанный, загадочный «МУПС». Это расшифровывалось просто: «МУрин–Петров–Скворцов». Жалкое подражание Кукрыниксам. Ребята строчили статьи, я рисовал шаржи и оформлял. Мы часто публиковали стихи и эпиграммы старших капеллан Славы Чернушенко, Миши Зайцева, Рема Антонова, Толи Гамулина и др. Многие из них ныне носят высокие звания народных артистов, профессоров и давно «завязали» с сатирой.

На память пришел материал о Феде Бурлуцком–Шампале. Грозный директор школы Роберт Савейко держит за шиворот беднягу, а рукой указывает на дом с надписью «Консерватория» и стишок:

Федя Бурлуцкий! Федя Шампал!
Домашние делай задания.
Выучась, мальчик, ты смело войдешь
В Консерватории светлое здание!

Или другая карикатура. На ней Яша Фруктман ставит себе в дневник пятерку и подписывает за учителя математики Исаю Борисовича Кипниса.

Яша Фруктман – милый мальчик,
Да к тому большой шутник,
Ставит пять к себе в дневник
И подписывает «ИК»!

Федя, не учась в Консерватории, стал востребованным в городе джазовым музыкантом, а Яша – профессором, народным артистом, популярным композитором Яковом Дубравиним.

Экзерсисы в Консерватории

Эти журналистские экзерсисы мы продолжили и в Консерватории. За одну карикатуру и стишок нас чуть не выгнали из вуза. Вот как это было. Начальство Консерватории «ополчилось» на нашего друга, студента-хоровика Зяму Массарского. В вузовской многотиражке «Музыкальные кадры» появилась статья «Диссонанс», в которой говорилось, что Массарский – плохой комсомолец, да еще (о страшный грех!) выпивает «горькую». И вот в газете хорового факультета под моим рисунком-шаржем Зяма на фоне плаката «Массарский – отличник факультета» стишок Славы Чернушенко «Антидиссонанс»:

Дело в том, что наш профком
В простой, как мычание, каданс
Не в жилу вставил «Диссонанс»!

Был страшный скандал! Парторг Консерватории тов. Зуев сорвал наше творчество, что висело в коридоре второго этажа, порвал его на мелкие куски! наших учителей вызвали в дирекцию для проработки: «Сын за отца не отвечает!» Оказалось, отвечает! Еще как!

Комсорг Консерватории скрипач Саша Юрьев сообщил нам под большим секретом:

– Ребята! Ваше дело швах! Зуев катит на вас «девятый вал»!

В ответ Слава:

– Если у нас свобода слова, то почему не разрешают говорить правду? – и бросил на стол комсомольский билет.

Юрьев уломал его:

– Ну что – получишь волчий билет!

Слава забрал свой «документ» обратно...

В конце концов, скандал решили не раздувать. Не ударило бы другим концом по руководству Консы! Дело замяли, нас оставили в покое.

А Зяма – Зиновий Миронович Массарский – окончил успешно Консерваторию, стал заслуженным деятелем искусств, профессором Консерватории, из которой его чуть не исключили. Его сын Алексей Массарский – виолончелист, музыкант с мировым именем. Вот так!

В годы обучения в Консерватории я и мой друг-однокашник Дима Китаенко помогали Маме Лизе в Хоре любителей пения в Капелле. Там мы регулярно выпускали газету «Любитель». Дима сочинял статьи, я рисовал лики композиторов Глинки, Малера, Салманова, Шумана, произведения которых пел хор. В одном из номеров сочинили даже «Хоровую энциклопедию». Вот ее фрагменты:

В – взять ноту – Дима и Саня тянут на репетицию в Капеллу партии и партитуры! (Все умещалось в двух продуктовых сетках.)

Б – бас – основа хора.

Б – баритон – тот же бас, но пожиже.

Т – тенор – голос, почему-то принадлежащий к мужской группе певцов.

А – алыты – «тетки» (любимое слово Мамы Лизы: «...поете, как тетки»).

С – сопрано – «верещальщицы» – (Мама Лиза: «Ну! Заверещали!»).

Как-то, выпуская очередной номер газеты, я набросал вполне приличный портрет Димы (см. на стр. 13). У меня сохранился черновик. А беловой вариант убыл с народным артистом СССР профессором Дмитрием Георгиевичем Китаенко в Швейцарию.

25 июля 2015 года

Прибалтийские рассказы

32 000

Мечта Густава Эрнесакса

Выдающегося хормейстера, народного артиста СССР, профессора Густава Густавовича Эрнесакса в Эстонии все звали Папа Эрнесакс. Его мечтой было построить грандиозное певческое поле на 120 тысяч зрителей и эстраду-раковину на 32 000 певцов.

К столетию эстонских певческих праздников мечта музыканта осуществилась. На берегу Таллинского залива Балтийского моря, как волшебная волна, появилась эстрада с божественной акустикой и уходящее к небу певческое поле.

На юбилейный праздник в 1969 году в Таллин съехались коллективы со всего СССР и из-за рубежа. Среди почетных гостей – член политбюро КПСС Анастас Микоян, летчик-космонавт Герман Титов и др. Пригласили и наш ленинградский Хор любителей пения под руководством Е. П. Кудрявцевой – Мамы Лизы – как величали ее многочисленные эстонские ученики. К тому времени они добились и достигли высоких постов. Профессор Куно Аренг руководил Камерным хором, Томас Каптен – дирижер оперного театра в Тарту, Тыну Кальюсте – дирижер хора «Андерлехт». Сильвия Меллик – руководитель хора Политехнического института, Ольга Тунгал – проректор Консерватории.

Праздник был незабываем! Несколько дней над Таллином раздавалось пение многотысячных голосов, и среди них пение нашего ленинградского хора.

Во время репетиции я набросал рисунок на дирижера Густава Эрнесакса, но вместо поющих артистов цифра 32 000. В перерыве дерзнул показать его дирижеру. Тот достал карандаш, мгновенно начертил на моем рисунке свой курносый профиль и добавил:

– Я, коллега, в молодости рисовал в эстонских газетах и журналах карикатуры ради заработка. У вас, коллега, на рисунке здорово получилась моя... спина!

Чистовой вариант я подарил Папе Эрнесаксу. С тех пор все свои послания в Ленинград он подписывал забавным профилем

Мечта Густава Эрнесакса, сводный хор в 32 тысячи певцов

и рукой со свечой. Лозунг поэта «Светить всегда!» был и «кредо» Г. Г. Эрнесакса. Ныне великий хормейстер покоится рядом с певческим полем, к нему доносятся божественные звуки и шум свежего балтийского ветра.

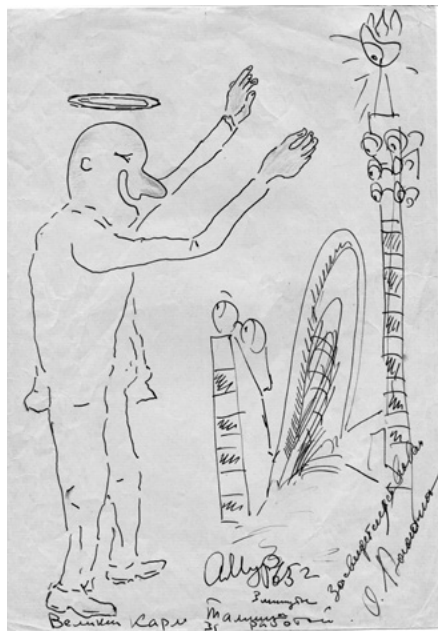
Великий Карл

Карл Лейнус

Карл Лейнус – старейшина эстонских хоровиков. Я был свидетелем, как к нему с величайшим почтением относились признанные музыкальные корифеи Густав Эрнесакс и Юрий Варисте. Не говорю о молодых Куно Аренге и Неэме Ярви. Когда на певческой трибуне старик размашистыми жестами управлял многотысячными певческими массами, казалось, он взлетит на небеса. И только после, когда он, поддерживаемый под руки молодыми коллегами, спускался с трибуны, до меня дошло, что

он в приличном возрасте. За три минуты я набросал на него шарж. Гости праздника зафиксировали мой «порыв». Но показать мой «опус» Великому Карлу не решился...

Недавно узнал, что Карл Лейнус в 1916 году окончил регентские классы Петроградской певческой капеллы. Учился у молодых тогда регентов Михаила Климова и Палладия Богданова.

Народный артист Эстонии
Карл Лейнус.
А. Мурин, 1965 г.

На Куно Аренга (юбилейный буклет)

Юбилей Куно Аренга

В Таллине праздновали пятьдесят лет со дня рождения замечательного эстонского хормейстера, руководителя популярного камерного хора, профессора консерватории Куно Аренга. На торжестве присутствовали два его главных Учителя – Г. Г. Эрнесакс («музыкальный папа») и Е. П. Кудрявцева («музыкальная мама»). После торжественного концерта в зале «Эстония» в одной из таллинских башен был устроен капустник. Выкатили

50 лет Куно Аренгу. 1979 г. На юбилейном капустнике.

Б. Г. Тевлин, В. Г. Соколов, О. Д. Тунгал, А. А. Мурин, Стелла Эрнесакс, Густав Эрнесакс («папа Куно»), над ними Тыну Кальюсте, Вельо Тормис (композитор), Е. П. Кудрявцева («мама Куно»), Сильвия Меллик, Аксель Паюпу (хормейстер, организатор Праздников песни)

бочку хмельного тартуского пива и после дегустации показали спектакль из жизни юбиляра. Знаменитая эстонская эстрадная певица играла Маму Лизу, а несколько мешковатый бас из мужского хора изображал Папу Эрнесакса. Они тянули Куно в разные стороны. Папа в Таллин, Мама в Ленинград. Зрители «ржали» до неприличия, как стадо лошадей.

Вечер затянулся далеко за полночь. Когда мы возвращались пешком через спящий город в гостиницу «Старый Таллин», нам со звездного неба улыбалась круглая луна, так похожая на музыкального Папу Густава Эрнесакса.

Леонид Вигнер и Эдгар Тонс

Леонид Эрнестович Вигнер учился в Рижской консерватории в 20-е годы прошлого века по четырем специальностям: как композитор, органист, ударник и как дирижер у знаменитого Э. Купера. Начал музыкальную карьеру в 1930 году как хормейстер. В 1944–1945 годах он – главный дирижер Оперного театра в столице Латвии, с 1949 года – главный дирижер Рижского радио и телевидения. В Ленинграде в 50-е годы дирижировал с оркестром Мравинского. Для его концертов мама, Е. П. Кудрявцева, готовила Капеллу. В программах были Реквиемы Моцарта и Верди. На репетициях Вигнер общался с музыкантами на ломаном русском языке с очаровательным акцентом:

– Эта музыка! Надо ее играть головой!

Под шум и смех оркестрантов я набросал на эту фразу дирижера шарж, который он с улыбкой отобрал у меня в антракте и увез в Ригу. Остался лишь черновик.

«Дирижировать надо головой!» Л. Э. Вигнер.
Рига. А. Мурин, 1964 г.

Ученик Вигнера Эдгар Тонс стажировался как дирижер в Театре оперы и балета имени Кирова, где главным хормейстером был мой дядька А. Г. Мурин. Они подружились.

Так случилось, что во время гастролей в нашем городе Театра оперы и балета из Риги хор театра был занят в спектаклях. А в это время в Большом зале Филармонии Тонс дирижировал нашим оркестром премьерой симфонии «Атлантида» Яниса Иванова, известного латышского композитора. Хоровую партию симфонии, довольно трудную (без слов), предложили исполнить женской группе Хора любителей Ленинграда. Мы с мамой быстро разучили «водянистую» музыку. Эдгар пришел в Капеллу на хоровую репетицию. Мама под рояль представила хор «подводных дев» дирижеру. Тот сказал:

– Все ясно! Елизавета Петровна! Завтра утром репетиция с оркестром! Вечером – концерт!

Мама еле «уломала» Эдгара «промахать» хоровую часть симфонии. Он снял пиджак и в рубашке «а-ля паж» стал похож на популярного у нас французского актера Ива Монтана. В конце репетиции он послал воздушный поцелуй нашим дамам. В перерыв все вышли из зала. Я открыл окна для проветривания. Тонс сидел на высоком дирижерском стуле весь мокрый. Мама заметила:

– Не простудитесь, Эдгар! Давайте пройдем в соседний класс?

Он, улыбнувшись, ответил:

– Елизавета Петровна! Я сквозняков не боюсь. Я заядлый охотник и рыбак и люблю ветер!

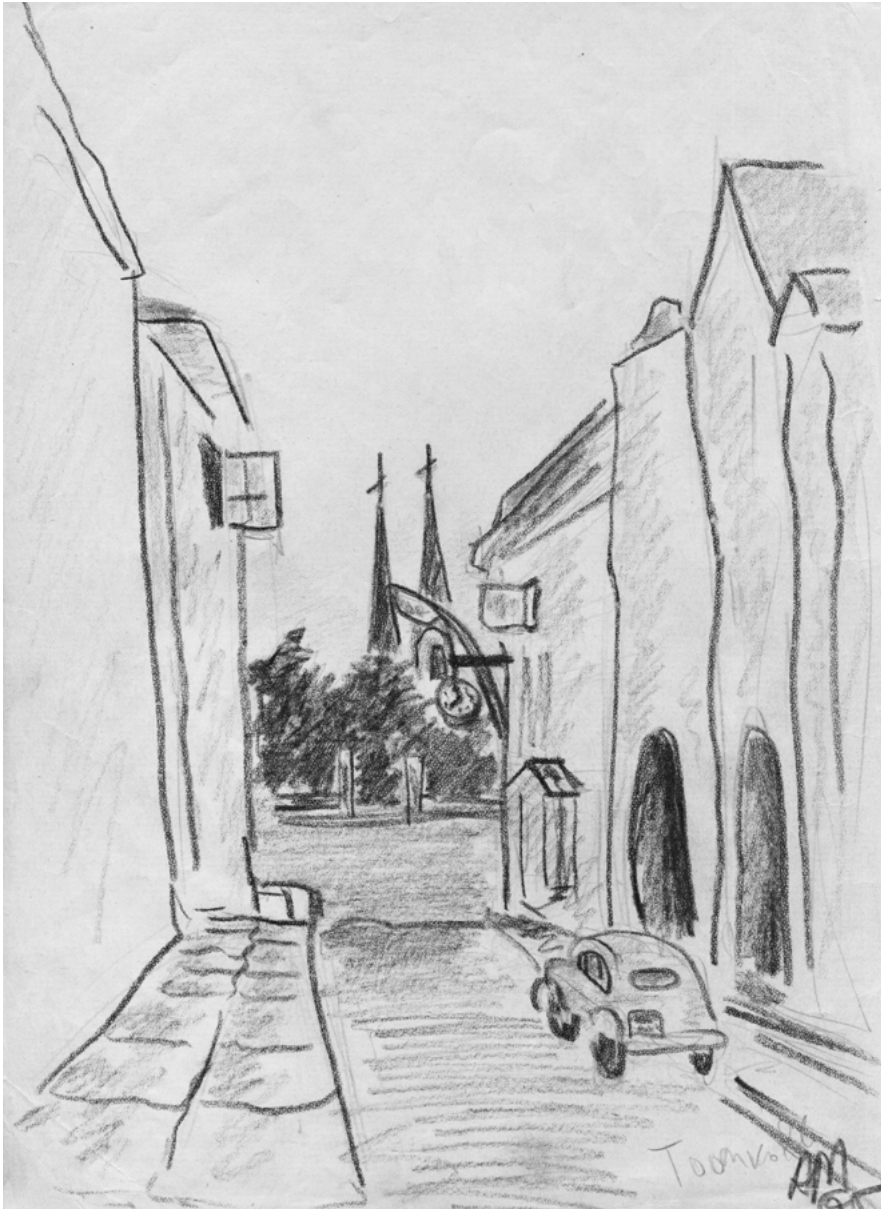
На концерте хористы сидели на стульях за оркестром, и, когда запели, слушатели стали вставать со своих мягких кресел с любопытством: откуда раздаются волшебные звуки? Автор подарил хору на память партитуру с теплым посвящением. А Тонс «экспроприировал» мой шарж на него и увез его в Ригу.

Сентябрь 2015 года

Прибалтийские эскизы

Старый Таллин

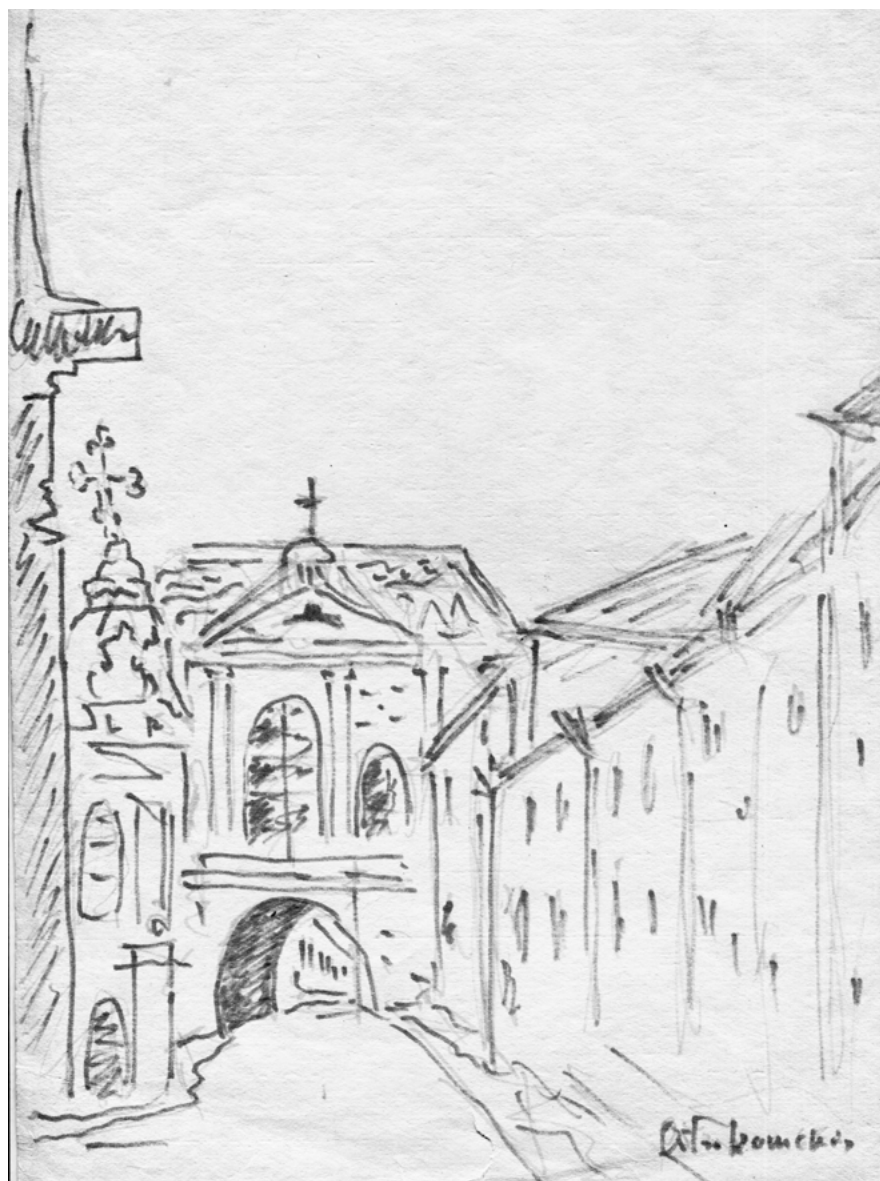
Старый Таллин

Старый Вильно

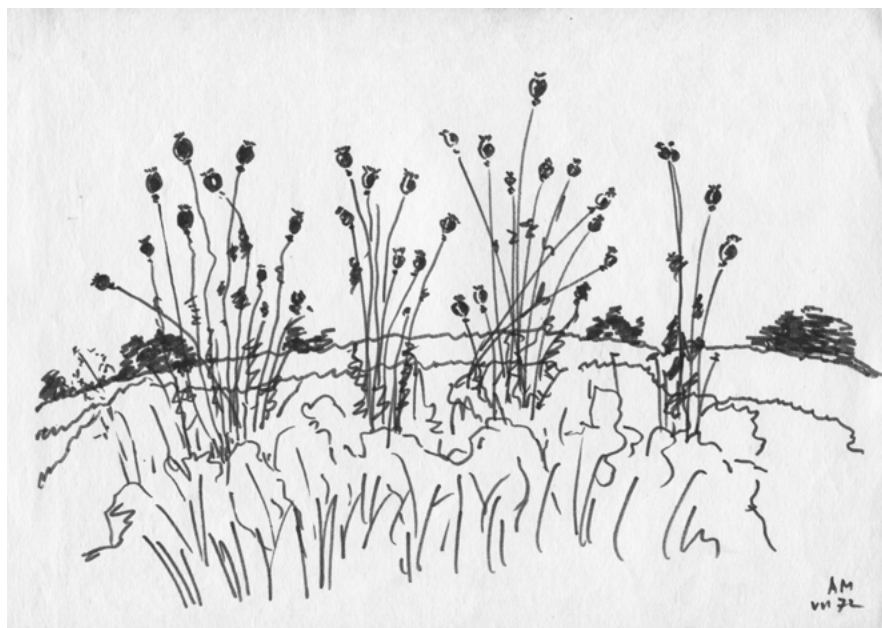
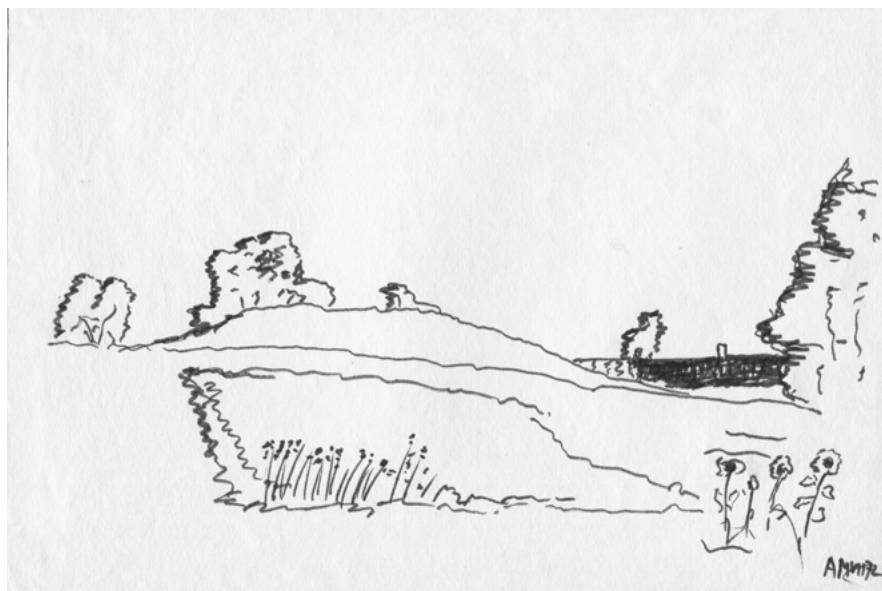

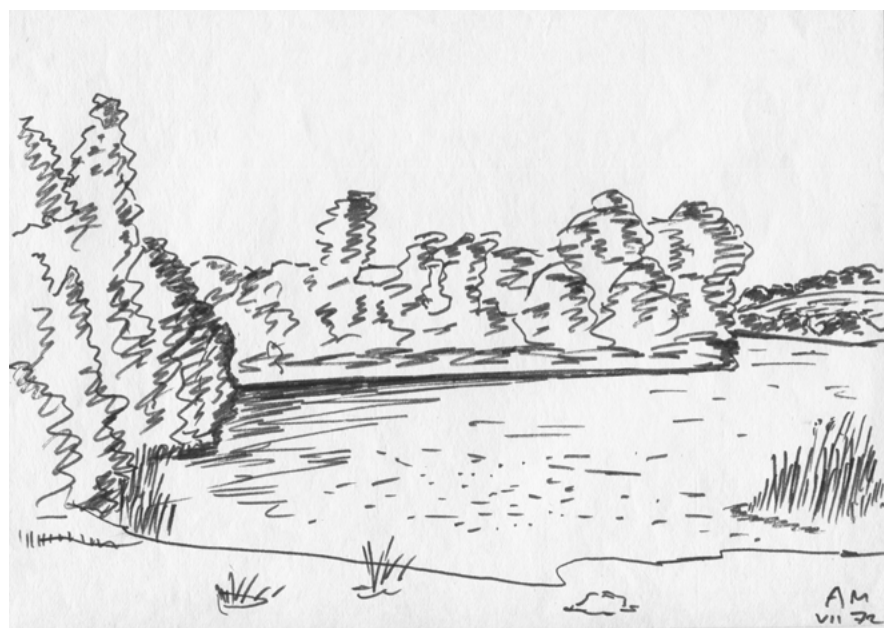
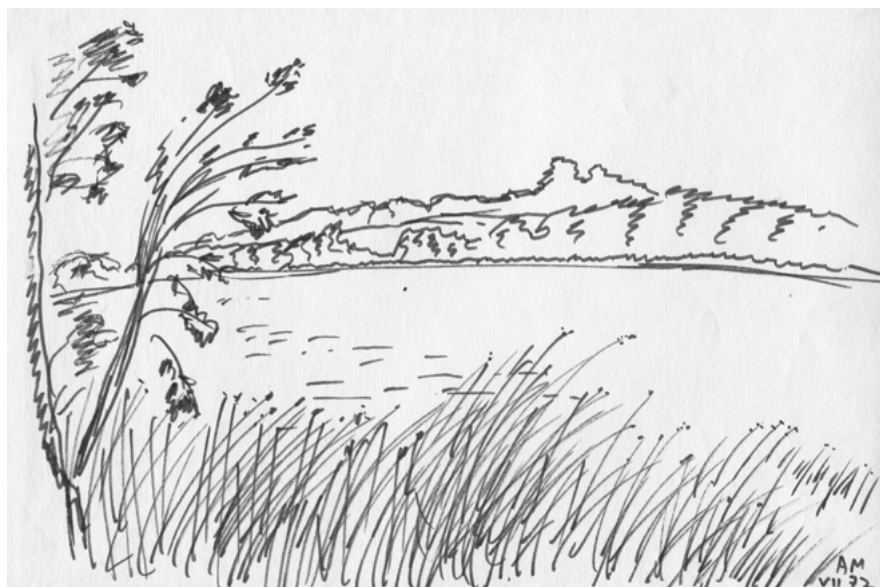
Старый Вильно

На родине Чюрлёниса

60 лет спустя

(Из старых тетрадей)

Забытые русские композиторы

Эти два эссе написаны 60 лет тому назад двадцатилетним студентом Ленинградской консерватории Александром Муриным. То есть автором сих строк.

В классе по дирижированию на первом курсе у А. Е. Никлусова я «махал» под рояль двумя шедеврами: «Зима» Виктора Калинникова и «Ковыль» Юрия Сахновского. У профессоров А. Н. Дмитриева, А. А. Егорова, Н. В. Михайлова пытался разузнать что-либо о жизни и творчестве авторов, но ничего, кроме скупых дат рождения и смерти, «могикане» сообщить не могли. Тогда самому пришлось покопаться основательно в дореволюционных журналах и газетах в Публичной библиотеке и в архивах Института музыки и театра. Благо у меня там был «блат», и я мог работать в святая святых, куда простому смертному вход был заказан. Работу «Ю. С. Сахновский» о критике, дирижере и композиторе я послал в Москву профессору-хоровику К. Б. Птице. Он одобрил ее и передал для публикации в издательство «Музгиз», где ее и «замуриновали» (выражение К. Б. Птицы). Позднее она увидела свет в консерваторском альманахе «Голоса молодых». Статью о Викторе Калинникове использовала в сборнике «Хоровое искусство» доцент Консерватории К. Н. Дмитревская, вдова моего любимого Учителя. Я получил от нее сборник и письмо, в котором она сердечно благодарила меня и называла школяра-студента почтительно Александром Алексеевичем. В наши дни я показал работы моим товарищам-сверстникам, ныне уважаемым профессорами Консерватории В. А. Максимкову, О. Д. Соколову, Н. А. Мартынову, и они вынесли строгий вердикт: «Надо публиковать!».

14 апреля 2016 года

Ю. С. Сахновский.

Русский музыкальный деятель

1866–1930

В музыке, да не только в музыке, разделение ее представителей на гениальных, великих, выдающихся, известных и т. п. зачастую приводит к тому, что мы, вместо того, чтобы объективно осветить деятельность того или иного композитора, артиста, музыкального деятеля, начинаем искать, какой к нему подходит эпитет, и, наконец, запутавшись в этой градации, отступаем. В результате, в истории остаются несколько десятков имен, имен действительно достойных, детально изучаемых, и наряду с ними незаслуженно забываются имена других деятелей, также в меру своего таланта способствовавших развитию русского искусства.

К таким музыкантам принадлежит и Юрий Сергеевич Сахновский, знакомый лишь небольшому кругу музыкантов по единственному еще бытующему на концертной эстраде и в классной, учебной работе хоровому произведению «Ковыль» на слова И. А. Бунина.

Юрий Сергеевич Сахновский родился в 1866 г. в селе Городинцы Богородского уезда Московской губернии. Начальное образование получил в Московской частной гимназии Креймона (1–6 кл.), а среднее в Коломенской классической гимназии (7–8 кл.).

В 1895 году Сахновский поступает в Московскую консерваторию. Пройдя курс гармонии у А. С. Аренского и контрапункта у С. И. Танеева, он был зачислен в класс композиции М. М. Ипполитова-Иванова, который, как педагог, «не претендовал на роль большого авторитета, но ставил себе задачей направить учащегося на правильный путь и не погубить таланта, если он имелся».

«В классе установились дружественные отношения, каждый смело высказывал свои взгляды, которые совместно и обсуждались...» (М. М. Ипполитов-Иванов. «50 лет русской музыки в моих воспоминаниях». Москва, 1934, с. 37).

Учителя́ Сахновского, как и большинство русских композиторов, были разносторонними музыкантами: С. И. Танеев – гениальный ученый-теоретик и пианист-виртуоз, Аренский и Ипполитов-Иванов – талантливые дирижеры, хормейстеры.

Эта черта русских композиторов была свойственна и многим их ученикам: С. Рахманинову, Р. Глиэру, С. Василенко и Ю. Сахновскому. Они старались не пропустить ни одной репетиции, концерта своих учителей. (Так, известно, что, когда А. С. Аренский был управляющим Капеллой, на его репетициях часто бывали и С. Рахманинов, и Ю. Сахновский, а 22 апреля 1895 года Сахновский и Глиэр пели в хоре на ученическом спектакле оперы Аренского «Рафаэль».)

Пройдя отличную школу композиторского мастерства, Ю. Сахновский в 1899 году окончил Московскую консерваторию по классу композиции с большой серебряной медалью. Его экзаменационная работа – кантата «Лесной царь» – была исполнена в зале Благородного собрания (ныне Колонный зал Дома Союзов).

На переломе столетия, в годы общественно-политического подъема, приведшего к революции 1905 года, началась композиторская, дирижерская и музыкально-критическая деятельность Ю. Сахновского. Он работает несколько лет в газете «Курьер», а после ее закрытия в газетах «Русская правда» и «Русское слово». В них он освещает многие события музыкальной жизни России. Особенно значительное место в его критической деятельности занимают статьи о произведениях и авторских концертах С. Рахманинова, тогда еще только начинающего свой творческий путь.

Многие современники отмечали даже, что критические замечания Сахновского якобы оказывают влияние на творчество молодого композитора. Но сам Рахманинов, отвергая подобные мнения, писал М. Шагинян: «Еще насчет Сахновского: я не протестую против данной Вами характеристики его самого и его писаний. Но почему Вы заподозрили меня в том, что все эти писания мной принимаются не только к сведению, но и к исполнению?!... На самом деле статей Сахновского не читаю (знаю, что они одобрительные), как не читаю и других (которые, знаю,

больше отрицательные)». (Письмо к М. Шагинян. С. В. Рахманинов. Письма. Музгиз, 1955, с. 421.)

С Рахманиновым Сахновского связывала многолетняя личная дружба. Некоторое время Рахманинов жил в доме родителей Сахновского в Москве.

Часто он доверял Сахновскому инструментовку своих романсов и посвятил ему два ранних романа: «Утро» (из 4 опуса 1893 г.) и «Я был у ней» (из 14 опуса 1896 г.).

Параллельно с критической деятельностью Сахновский занимается композицией и инструментовкой. Перекладывает для голоса и оркестра ряд известных романсов русских и зарубежных классиков. Среди них: «Ночной смотр» Глинки, «Морская царевна» Бородина, «Судьба» Рахманинова и др. Особую популярность получила инструментовка «Марша» Шуберта, который часто звучал в симфонических концертах под управлением известнейших дирижеров (В. И. Сафонова и др.).

«Талантливо сделано!... В инструментовке Сахновского не только все просто, но и отлично по характеру, по различным сопоставлениям инструментов», – писал московский критик И. Липаев. (Русская музыкальная газета (РМГ) 1901 г., с. 1068.)

Творческий подход к инструментовке того или иного произведения, стремление сохранить основной замысел автора – вот главные черты, отличающие Сахновского как мастера инструментовки.

Справедливо обращал внимание И. Липаев на то, что у этого музыкального деятеля «стремление к творчеству соразмерно с гораздо большими композиторскими данными, нежели то бывает у "сочиняющих рецензентов"». («Библиографический листок» «Русской музыкальной газеты», № 2 за 1915 г.) Ю. Сахновский, критически относившийся к творчеству других, был во много раз требовательнее к своему творчеству. Он по нескольку раз переделывал свои произведения, совершенствуя их.

Высокое, требовательное отношение к своему творчеству и определило то, что только некоторые произведения композитора были изданы спустя десять, а то и более лет после из создания, а многие, представляющие значительный интерес, так и остались в рукописях, став достоянием архивов, а не живой

музыкальной практики. Видимо, требовательный, самокритичный музыкант причислял себя именно к числу тех самых «пишущих рецензентов», которых имел в виду Липаев. Но даже по тем немногочисленным произведениям, которые дошли до нас, можно судить о композиторском даровании Юрия Сахновского.

Как и другие русские композиторы той эпохи, эпохи общественного, политического и культурного подъема, Сахновский уже в начале своей композиторской деятельности обращается к одному из самых демократических жанров, связанному с многовековой историей фольклора, – к хоровому жанру. Это стремление получило отражение еще в раннем творчестве Сахновского. В кантате-балладе «Лесной царь» (текст Гейне в переводе В. А. Чуковского) для соло, хора и оркестра, в хорах второго опуса «Али-Бей» и «Ковыль», в которых современников привлекали «широкие распевные темы, хорошая оркестровая звучность». (Р. М. Глиэр. Встречи с С. В. Рахманиновым. «Воспоминания о Рахманинове». Музгиз, 1957, т. 1, с. 410.)

Помимо светской хоровой музыки Сахновский, подобно ряду других русских мастеров, создает духовные произведения, широко используя в них народные темы. Критика отмечала у него совпадение «народной церковной мелодии с народной уличной». (Р. М. Г., 1905 г., с. 34.)

В 1900-е годы композитор создает также несколько произведений для голоса и симфонического оркестра. Так, в 1904 г. в Москве в концерте впервые прозвучало в исполнении Шаляпина произведение «Стоги» (Р. М. Г., 1905 год, с. 34), о музыке которого одобрительно отзывался Липаев. «Она тепло написана, с подъемом настроения, выразительно, а инструментована положительно с большим вкусом...». (Р. М. Г., 1904 год, с. 119.)

В 1904 году Сахновский заканчивает первую оперу «Альманзор» на собственное либретто (по Гейне в переводе Ф. Миллера). Отдельные номера этой оперы с успехом исполнялись в концертах. Но, несмотря на значительное количество музыкальных произведений и успех у публики, они остались в рукописи.

Такое отношение к своему творчеству позволило критике заметить, что «в противоположность большинству молодых

композиторов Сахновскому можно пожелать одного: "Как можно меньше скромности!". (Газета «Наши дни», № 37, 1905 г.)

Но эта скромность не помешала Сахновскому-гражданину с полным сознанием ответственности за смелый шаг поставить свою подпись под известным обращением московских музыкантов, в котором говорилось: «...когда по рукам и ногам связана жизнь, — не может быть свободно и искусство, ибо чувство есть только часть жизни... Когда в стране нет ни свободы мысли и совести, ни свободы слова и печати, когда всем живым творческим начинаниям народа ставятся преграды — чахнет и художественное творчество. Горькой насмешкой звучит тогда звание свободного художника. Мы не свободные художники, а такие же бесправные жертвы современных ненормальных общественных правовых условий, как и остальные русские граждане». (М. М. Ипполитов-Иванов. «50 лет русской музыки в моих воспоминаниях». Москва, 1934 г., с. 120.)

В 1906 году товарищ Сахновского по Консерватории С. И. Василенко предложил организовать совместно цикл концертов, в которых можно было ознакомить слушателей за минимальную плату с развитием симфонической, инструментальной, ораториальной, вокальной музыки в исторической последовательности. Эти концерты получили название «исторических». Сахновский и Василенко впервые, как вспоминает М. М. Ипполитов-Иванов, решили применить лекторскую систему для объяснения содержания программы публике. В роли лектора выступил Ю. Д. Энгель. «Концерты по своей идее имели большой успех и заняли прочное положение в жизни московского общества». (М. М. Ипполитов-Иванов. «50 лет русской музыки в моих воспоминаниях». Москва, 1934 г., с. 120.)

В этих концертах Сахновский выступает в новой для него роли дирижера. Склонность к дирижерскому искусству была свойственна почти всем русским композиторам, и многие, в том числе и Сахновский, успешно справлялись с этой задачей.

Достаточно взглянуть на программы двух концертов под управлением Сахновского, чтобы убедиться, насколько сложны они в дирижерском отношении.

Программа 3-го исторического концерта

Бетховен

- Симфония В-dur
- Эгмонт
- Скрипичный концерт

Шуберт

- Месса А-dur

Программа 5-го исторического концерта

Берлиоз

- «Восход солнца» из «Осуждение Фауста»

Давид

- Отрывки из оды-симфонии «Пустыня»

Франк

- Пьеса для органа с оркестром

Лист

- «Мефисто-вальс»
- Фортепианный концерт
- «Festklänge»

(Р. М. Г., 1908, с. 543).

В этом же году Ю. С. Сахновский избран кандидатом в члены дирекции Московского отделения Русского музыкального общества.

В 1907 году «Русская музыкальная газета» сообщала, что композитор «работает над трехактной оперой, сюжет для которой родился из гейневской песни "Был старый король". Сценарий разработан самим композитором и Ф. И. Шаляпиным». (Р. М. Г., 1907, с. 885.) А меньше чем через год новое сообщение: «Ю. С. Сахновский закончил музыку к тексту оперы "Легенда", написанной поэтом М. П. Свободины». (Р. М. Г., 1908, с. 627.)

И это все сочинялось композитором при интенсивной концертной и критической деятельности, которую он проводил в эти годы. К этому надо добавить частые поездки за границу. (Некоторое время композитор живет в Париже.)

В 1911 году в концерте хора Архангельского среди других хоровых произведений русских авторов был исполнен хор

«Али-Бей». Критика отмечала, что в нем «удачно схвачен восточный колорит, восточная нега и истома, но менее ярко обрисованы тревога и призыв к битве». (Р. М. Г., 1911, с. 238.)

Постепенно издаются произведения Сахновского. Увидел свет 4-й опус композитора, состоящий из семи романсов: 1. Часы. 2. Весна. 3. Элегия. 4. Не ветер вея... 5. Как светла. 6. Прощай. 7. Вечерняя песня. «В каждом романсе видим большой талант!» – писал критик. (Р. М. Г., 1911, с. 707.)

В 1912 году были изданы два ранних хора: Опус 2, № 1 («Ковыль») и № 2 («Али-Бей»).

В первом хоре чувствуется несомненное родство с оперным эпическим стилем Бородина, а во втором, особенно в хоровой оркестровке, заметно влияние Римского-Корсакова.

Но, несмотря на это, хоры, особенно «Ковыль», вполне оригинальны и самобытны и несут печать яркой индивидуальности композитора, который по мелодическому языку, гармонии исходил, подобно Бородину и Римскому-Корсакову, от фольклорных основ.

Талант в области инструментовки и тот опыт, который накопил за эти годы Сахновский, позволили ему совместно с А. К. Лядовым обратиться к незаконченной опере Мусоргского «Сорочинская ярмарка». Они по мере сил соединили отрывки, наброски Мусоргского, инструментовали их, а там, где музыки Мусоргского не существовало, оставили разговорные диалоги либретто. В таком виде опера должна была быть поставлена в открывавшемся в Москве «Свободном театре». Но стоило поместить сообщение о намерении открыть сезон театра оперой Мусоргского в инструментовке и обработке Лядова и Сахновского, как тотчас же последовал запрет на постановку ее со стороны издателей, фирмы «Бессель и К^о», владевших монополией на издание произведений Мусоргского. Это заставило открыть театр оперой Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане», а затем, когда недоразумение, вызванное запретом, было улажено, исполнить оперу Мусоргского. Критик Гр. Прокофьев сообщал: «Дня три спустя после постановки "Салтана" "Свободный театр" дал нам "Сорочинскую ярмарку", где фигурирует музыка Мусоргского. Эта музыка, как известно, оставалась лишь

в отрывках и набросках, которые инструментованы и обработаны Лядовым и Сахновским». (Р. М. Г. 1913, с. 989.)

Симптоматично, что в годы, когда многие музыкальные деятели, ранее стоявшие на позициях реалистического искусства, переходят в лагерь многочисленных упаднических течений, два русских композитора обращаются к музыке Мусоргского и возвращают ее, казалось, навсегда утерянную для музыкального мира, к жизни.

Сахновский и в своем творчестве остается верен реалистическим традициям русской музыки.

«С точки зрения новейших композиторов, начинающих с сочинений в духе Арн. Шенберга, романсы Сахновского (речь идет о романсах 5-го опуса, изданных в 1915 году. – А. М.), следует причислить к произведениям старой школы», – замечал критик.

И как знак уважения к большим заслугам композитора в развитии музыкальной жизни России, его произведения звучат в концерте в честь 50-летия Московской консерватории в 1916 году, в программе, составленной из произведений ее лучших воспитанников: Танеева, Скрябина, Рахманинова.

О деятельности Сахновского в послереволюционные годы почти нет сведений. Известно только, что им была написана музыка для премьеры пьесы Маяковского «Мистерия-буфф». Но, к сожалению, ни партитуры, ни рецензии на музыку не сохранилось. Представление пьесы Маяковского в Москве в помещении цирка было устроено для делегатов III конгресса Коммунистического интернационала, на немецком языке. Непосредственное участие принял и сам поэт, написавший новый пролог к пьесе. В спектакле было занято 350 актеров, собранных из различных московских театров и студий.

В последние годы жизни композитора его творческая активность значительно падает. Это можно объяснить тем, что многие окружавшие его до революции музыканты (Танеев, Скрябин и др.) ушли из жизни, а другие, даже близкие композитору, Рахманинов, Гречанинов, Шаляпин покинули молодую республику Советов. С другой стороны, в музыкальную жизнь России вошла новая плеяда музыкантов-композиторов. Рождаются в поисках новых форм, сюжетов новые течения. Все это отодвигает имя Сахновского на второй план.

Немаловажной причиной ослабления творческой активности явилась тяжелая болезнь Сахновского – сердечная астма. (Как вспоминал н. а. РСФСР П. А. Богданов.)

В 1930 году Сахновский умер.

Скромная, незаметная на первый взгляд деятельность Сахновского как критика, композитора, дирижера имела важное значение для русской музыкальной культуры.

Она была направлена на развитие, подъем и пропаганду русского искусства.

Опираясь на традиции русского фольклора, на завоевания национальной композиторской школы, Сахновский в своем творчестве и критической деятельности остался верен их заветам.

1956–1958 гг.

Один из русских...

Виктор Сергеевич Калинин (1870–1927)

Богата земля русская талантами.

Одни зажигаются и ярко горят, как полночные светила, озаряя своим сильным светом нас; другие, как падающие звезды, пролетают в мгновение, и не всегда можно взором охватить их стремительный путь.

Трагичны судьбы русских талантов.

Одних срезает пуля, других (Чехов, Василий Калинин) чахотка, третьи кончают жизнь в больнице для бедняков (Мусоргский) или в домах для умалишенных (Гаршин, Аренский); иные умирают на далекой чужбине с неумным желанием вернуться хотя бы после смерти на Родину (Гречанинов, Глазунов, Шаляпин, Рахманинов, Метнер).

И это только светила, столпы нашего национального искусства. А ведь были сотни других смертных, к которым судьба была еще суровее и беспощаднее.

К ним принадлежит Виктор Сергеевич Калинин, младший брат известного симфониста. Хоры Виктора Калинина – все без исключения – стали классическими произведениями, они

звучат с концертной эстрады, детально изучаются в учебных классах консерваторий, музыкальных училищ. Но часто трагичная судьба старшего брата (погибшего в расцвете таланта от чахотки) заслоняет не менее тернистый жизненно-творческий путь Виктора Сергеевича.

У некоторых иногда даже профессиональных музыкантов происходит смешение двух братьев в одно лицо, идущее от отсутствия каких бы то ни было биографических материалов о жизни Виктора Сергеевича: часто можно слышать, что перу симфониста Василия Калинникова принадлежит еще ряд замечательных хоров.

В этом очерке в первую очередь хочется рассеять это нелепое и досадное недоразумение. Может, музыкант не найдет в нем детального анализа широко популярных хоров, которые часто звучат по радио и с эстрады, главное для меня – рассказать о судьбе Виктора Калинникова то, что стало известно после просмотра многих дореволюционных газет и журналов, бесед с людьми, знавшими и работавшими с композитором и хормейстером.

Многие хоровые произведения Виктора Калинникова продолжают лучшие традиции старших товарищей по искусству. От Бородина перешел в хоры Виктора Калинникова эпически-возвышенный характер, от Римского-Корсакова – глубокое проникновение в самую суть народной песни, от Танеева – философский полифонизм.

Но это только традиции, так как по любой нотной строке хоров можно сразу судить о самобытном таланте и самостоятельном языке Виктора Калинникова, который, подобно старшему брату, воспел красоту русской природы, величие русского человека, крепость русского самосознания, беспредельный лиризм русской души.

Первые произведения Виктора Калинникова прозвучали на рубеже столетия. Общество вступало в тревожный, полный противоречий и бурных потрясений век. В музыкальную жизнь вошла новая плеяда русских талантов, которым предстояло продолжить дело старших братьев по искусству. Россия стояла накануне девятисот пятого года.

Давно в жизни музыкальной России произошли знаменательные перемены. Открыты две национальные консерватории

в Петербурге и Москве, ряд музыкальных училищ. В 1883 году открылось Музыкально-драматическое училище Филармонического общества в Москве, которое одними из первых окончили братья Василий и Виктор Калининны.

Хоровое пение как наиболее демократический и популярный вид музыкального искусства получило широкое распространение. Оно вышло за рамки культово-прикладного вида музыки. В нем появляются темы, о которых пресса впоследствии будет писать с опаской как об «уличных мотивах» в хоровом пении. Песня накануне выхода на баррикады революционных боев. Она копит свои силы подспудно, готовясь взвиться через несколько лет знаменем.

Хоровые общества, где звучит Мусоргский, Общедоступные концерты, Этнографические экспедиции и этнографические комиссии, хоровое творчество композиторов со всеми еще архаичными, традиционными формами – предтеча будущих русских «варшавянок» и «марсельез».

Теперь перенесемся мысленно в провинциальный городишко центральной России, Мценск Орловской губернии. Из справочника «Вся Россия» можно почерпнуть, что в 1870 году (в год рождения Виктора Калининны) в городе было столько-то церквей, столько-то кабаков, столько-то жителей и т. д. Обычный, даже не губернский город, обычная семья станового пристава Сергея Федоровича Калининны. Семья, каких сотни, тысячи в тогдашней России обычных семей чиновников, разночинцев, священников.

Быт семьи традиционный: пение псалмов, молитв всеми домочадцами по церковным датам. Поэтому, когда Сергея Федоровича перевели в губернский Орел, два сына были отданы в Орловскую духовную семинарию. Судьба семинаристов скрашивалась интересным делом, в которое вовлек их отец. Из рабочих Бежецкого завода Сергей Федорович с помощью старшего Василия, а затем и Виктора создали небольшой хор, в котором наряду с церковными песнопениями разучивали много светской музыки. Может, эта начальная хормейстерская работа и определила во многом склонность Виктора к хоровому творчеству и будущую профессию братьев. В 1864 году Василий поступил

в Филармоническое училище, а следом за ним в 1887 году и Виктор.

Педагогами Виктора были С. Н. Кругликов, А. А. Ильинский, П. И. Бларамберг – музыканты, близкие к композиторам «Могучей кучки».

Но Виктору приходилось заниматься еще и на гобое (в классе профессора И. А. Гуревича), так как обучающиеся на духовых инструментах освобождались от платы за обучение. Таким образом в России пытались распространить интерес к игре на духовых инструментах.

Виктор Калинин быстро освоил игру на инструменте и, как говорится, для того, чтобы свести концы с концами (платить за жилье, еду, одежду), поступил, конечно, не без рекомендации учителей, на должность гобоиста в оркестр оперы Прянишникова, где проработал пять лет (1891–1896).

В 1894 году Виктор Сергеевич оканчивает училище с серебряной медалью (золотую получить помешала 4 по музыкальной форме, которую, кстати, впоследствии он с успехом преподавал в Московской консерватории). Ему присвоено звание свободного художника – звание, которое через несколько лет будет звучать сарказмом в русской общественной жизни.

В 1897 году Виктора Калинникова приглашают преподавателем в Филармоническое училище, руководить оркестровым классом и вести класс гобоя и контрапункта. В это же время параллельно он заменяет в Московском синодальном училище ушедшего в отставку С. Н. Кругликова, ведя такие предметы, как гармония и музыкальная форма.

Работать под началом таких патриархов русского многоголосного пения, какими были В. С. Орлов, С. В. Смоленский, А. Д. Кастальский, было во многом поучительно и полезно для молодого музыканта.

Достаточно сказать, что, когда позднее Синодальное училище вошло в Московскую консерваторию, Виктору Калинникову была предложена должность профессора, и он вел с 1922 года до конца жизни теоретические предметы: гармонию и контрапункт.

Сложилось неправильное мнение, бытующее даже среди музыкантов, что Виктор Калинин не писал для симфонического

оркестра, потому что не знал его хорошо. Но вот перед нами отзыв Ив. Липаева в «Русской музыкальной газете» о единственном симфоническом произведении Виктора Калинникова «Увертюра»: «Увертюра набросана бойко, горячо, с молодым рвением и страстью. Темы ее мягки, ласкающе дышат сердечностью, а в разработке виден человек, отлично знакомый с теоретическими познаниями. Г-н Калинников дирижировал Увертюрой сам. По его самостоятельному ведению оркестра за собой, а также по его нюансам, какие он подавал оркестрантам, вижу способность к капельмейстерству. От всей души советую молодому человеку обратить на это внимание». (Р.М.Г., март 1897 г.)

А вот что писал старший Василий Калинников о первом успехе брата учителю С. Н. Кругликову: «Вы увидели бы: манера писать у нас совсем одна, и логическое течение музыкальных мыслей поразительно сходно (родственность тут играет, вероятно, немалую роль). Но заимствований нет – и это очень важно. Очень меня порадовал этот первый серьезный труд моего брата...»

Незаурядные дирижерские и организаторские данные проявились у Виктора Калинникова в следующем 1898 году, когда он подготовил и дирижировал хором и оркестром на отчетном концерте Филармонического училища – ораторией Шумана «Рай и Пери».

В 1901 году Виктор Калинников взял руководство хором при обществе приказчиков. Для этого коллектива он и написал свои первые миниатюры, и в их числе хор «Зима».

Вот как отзывалась тогдашняя пресса о Викторе Калинникове-хормейстере: «Руководство хором – Виктор Калинников... И руководит солидно, талантливо, дельно. От этого же музыканта, очевидно, зависит и вся физиономия музыкальных вечеров... Хор уверенно дает звук, так смело обходит трудные диссонансы, наконец, столько вкладывает в свое пение энергии и тепла, что положительно надо удивляться результатами, достигнутыми его членами...» (Р.М.Г., 1903 г.)

Нужда, вечная безденежность, так свойственные многим русским (Чехов, Куприн), забота о гибнущем брате заставляли его братья за любую работу. К многочисленным нагрузкам в 1898 году прибавилась должность зав. музыкальной частью МХАТа.

Совместная работа с реформаторами русской сцены Станиславским и Немировичем-Данченко много дала композитору. Взгляды Станиславского и его соратников на музыкальный театр, на музыку общеизвестны. Метод Станиславского в режиссуре обогатил впечатления молодого композитора простотой, правдивостью, естественностью человеческого речитатива. К слову, свое место в МХАТе позднее Калининков «передаст» А. В. Свешникову.

Хоры этих лет в основном лирико-созерцательного характера. Это период, когда музыкант, ощущающий каждым капилляром своего «я» окружающую жизнь, стоит в вопросительном раздумье перед будущими социальными сдвигами («Зима»), ему грезятся картины светлой, безмятежной жизни («Жаворонок»). Хоры этого периода – «Звезды меркнут...», «Элегия» и др.

Но вот революционные события коснулись стен музыкальных учреждений. На глазах художника разворачивается драма. Рабочие восстания. Декабрьские бои на Пресне. Подавление революции. Наступление реакции. В сознании Виктора Калининкова происходит глубокий поворот. Отброшены идеалистические иллюзии. Хоры становятся насыщенными глубокими философскими мыслями, несмотря на кажущуюся по-прежнему внешнюю простоту.

Музыкальный пролетарий Виктор Калининков отвечает на события революционных бурь такими музыкально-хоровыми драмами, как «На старом кургане» и «Кондор» (Прометеева тема русских композиторов), эпически-былинными «Спесь» и «Ой, честь ли то молодцу» (где эпическая тема переплетается с темой сарказма), глубоко философским хором «Лес».

«С богатырских плеч сняли голову!» – это ли не ясно сказанный протест против «всех мерзостей русской жизни», условий жизни в тогдашней России.

Венцом всей композиторской деятельности Виктора Калининкова стал хор «На старом кургане» на слова Никитина, посвященный памяти брата. Символична сама история создания этого произведения. Ранее на эти слова Василий Калининков написал романс, который был популярным и любимым в среде революционно-настроенной молодежи, студентов,

разночинцев. Романс включали в свой репертуар многие известные певцы (тенор Смирнов, например). И вот, в революционные дни зазвучали эти же строки в новом музыкальном прочтении Виктора Калинникова, а посвящение брату служило своеобразным символом-протестом.

И здесь время сказать о главном подвиге художника Виктора Калинникова. Все свои силы, скудный заработок от многочисленных работ, личную судьбу – все он отдает единой цели: спасению для русской музыки еще одного великого музыканта – Василия Калинникова. Для этого он пожертвовал всем, как говорится, «наступил на горло собственной песне», чтобы дать ему возможность завершить творческие замыслы, написать музыку, которая впоследствии встанет в один ряд с гениальными симфоническими творениями Глинки, Бородина, Римского-Корсакова.

Суровым приговором царизму, условиям, которые создавал он талантливым людям России, звучат строки из писем в разные организации и частным лицам о помощи гибнущему брату. Вот отрывок из письма С. Н. Кругликова, учителя братьев Калинниковых, к меценату С. И. Мамонтову: «...Если можете, пошлите ему (Вас. Калинникову. – А. М.) рублей 100, не очень откладывая. Вряд ли он уже долго будет нуждаться в деньгах... Дни его сочтены...»

Узнав о бедственном положении Василия Калинникова, ему помогают Шаляпин, Рахманинов и другие русские музыканты. За несколько дней до кончины Василия Калинниковы получают письмо из канцелярии царского двора: «Ее императорское высочество великая княгиня Елизавета Федоровна, Августейшая покровительница Филармонического общества, узнав о Вашем болезненном состоянии и нужде Вашей на дальней окраине России, изволила пожаловать Вам в помощь препровождаемые у сего СТО рублей...» И на конверте надпись: «Свободному художнику Василию Сергеевичу Калинникову».

Виктор Сергеевич тяжело переживает смерть брата. Нотки пессимизма звучат в его духовных хоровых произведениях. Правда, в этих хорах больше от уличных, народных мелодий, чем от церковных псалмов.

В первые дни 1914 года композитор пишет хоровые обработки «Интернационала» и «Марсельезы».

Виктор Калинников среди тех, кто реорганизует детское художественное образование, ставит его на службу трудовому народу. Он решает издательские вопросы в музыкальной секции Пролеткульта, организует там же комиссию по детскому воспитанию и образованию. Издает три сборника песен и хоров для детей. Среди них такие ныне известные песни, как «Мальчик», «Заинька», «Тень-тень», «Журавель» и др.

Символично, что человек, проживший такую тяжелую и полную лишений жизнь, в свои последние годы обратился к детям, к будущему.

Его взгляды на хоровое искусство, на детское образование часто расходятся со взглядами официальных руководителей Пролеткульта, которые впоследствии уведут эту организацию в сторону регресса. Так во 2-м номере «Вестника искусств» за 1922 год мы находим следующее высказывание Виктора Калинникова:

«Одним из наиболее удобных средств для приобщения масс к музыкальной самодеятельности является хоровое пение. Ансамблевое исполнение является наиболее продуктивным, так как оно, благодаря изобилию исполнительских средств (многоголосье), имеет возможность приступить к исполнению более сложных художественных произведений. Участники хорового пения приучаются ценить в исполнении не только технику, но и художественную сторону, вырабатывать в себе вкус.

Хоровое пение имеет технические преимущества – инструментом является голос, владеть которым могут научиться более или менее все. Нет села или деревни, где в свободную минуту не раздавалось бы хоровое пение. Приобщение масс к общему музыкальной культуре в смысле развития художественной самодеятельности должно идти по этому пути...

Русский народ, народ певец, создавший богатейшую в мире высокохудожественную песенную литературу, идет от народной песни к "частушке". Нахальная гармошка визгливо вытраивает у народа природное художественное чутье, а услужливый граммофон, это обоюдоострое орудие, по-прежнему

продолжает распространять трактирные мотивы по лицу земли русской».

Эти слова стали своеобразным музыкальным завещанием композитора.

Через несколько лет его не стало.

Ему шел 57 год.

Давно срыли старое московское кладбище, где похоронен композитор, на его месте возникли новые дома, цеха завода. А музыка Виктора Сергеевича Калининкова по-прежнему волнует и радует новые поколения.

Он был одним из русских...

1958 г.

Колхозные рассказы-байки

В «Смычке»

1959 год, лето. Самые талантливые студенты и аспиранты Консерватории, пройдя строгий отбор и конкуренцию, с москвичами поехали на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Вену. Это Виталий Буяновский, Александра Вавилина, Тамара Глинкина, Екатерина Мурина, Валерий Безрученко. Другая часть убыла осваивать целинные земли Казахстана. А две сотни по комсомольским путевкам отправилась на сельхозработы в Лужский район Ленинградской области.

Напутствуя нас, ректор, пианист, профессор Ю. В. Брюшков, произнес пламенную речь. Суть ее: «Трудитесь, отдыхайте. Закаляйтесь, купайтесь. До речки рукой подать!».

Аполлон с плафона Малого зала им. Глазунова и классики с портретов на стенах помахали нам ручками, и мы, погрузившись в открытые грузовики, отбыли в сельские края.

Едем мы, друзья,
В сельские края,
Будем свиноводами
И ты, и я! –

гремела популярная песня над улицами любимого Питера.

Через три часа большая часть студентов прибыла в колхоз «Смычка», меньшая часть — в соседний, которому ребята дали звучное имя «Случка», позаимствовав его у местных животно-водов. С нами от парткома Консерватории был послан педагог по физкультуре В. С. Луценко. Он следил, чтобы мы не ленились и были морально устойчивы.

Первые дни нашего пребывания в колхозе «Смычка» отразил в своих записках студент Пессимистов. Их напечатали даже в Ленинграде в газете «Музыкальные кадры».

Первый день. «Река, лес.. Грибов пока еще нет, но ягоды нам достанутся». Эти слова крепко запали мне в душу перед отъездом. Но вот приехали: леса не видать за соседними холмами; до реки Луги, говорили, подать рукой, но какой должна быть эта рука, если до реки надо идти полтора километра!

**Музыкальные
КАДРЫ**

№ 9 (235) 8 сентября 1959 г.

В. С. Луценко встретил нас радостным возгласом: «А мы вас ждали позднее. Жилье еще не готово!» Это настораживает...

Завтрак в этот день начали в девятом часу... вечера. Подытожил впечатления и вспомнил старую поговорку: «Вот тебе, бабушка, и ЮРЬЕВ день».

Второй день. Сегодня своими ушами из уст заместителя председателя колхоза слышал следующее: «Знаю я эти оперетки... знаю, какая ко мне филармония приехала». Странно, весьма странно для руководящего товарища.

Пятый день. С помощью же-лудков настойчиво изучаем тему «Хозрасчет». Найденная формула оказалась весьма примитивной: «суп с картошкой — картошка с супом». Кормимся, как говорится «с ГУТКИН нос» (не в обиду Мише Гуткину).

Седьмой день. В. С. Луценко привез из Ленинграда продукты и посуду!!!

Десятый день. Так вот что значит оружие критики! Стоило вывесить карикатуру о том, как председатель обещает построить навес для кухни и столовой, как бригада плотников, словно по велению Хоттабыча, смастерила его. Чудеса!

Одиннадцатый день. Вдарили, подтянули животы... и стали выполнять нормы на 200 процентов.

На сих строках записки студента Пессимистова обрываются. Выдохся парень.

Вначале мы опустошили местное «сельпо». Крестьяне ворчали: «Даже тройной одеколон пропал, не то что залежалые крабы и килька в томате!»

Вовсю действовала наглядная агитация. Появились «Полевые Окна Роста консерваторцев». Правда, шутники то и дело подправляли «полевые» на «половые» и т. д.

① **О. Кравчику — Фигаро**

Кравчик на поле,
Кравчик на кухне,
Кравчик у печки,
Кравчик на речке,
Кравчик стирает —
Везде успевает.
Кравчик все может,
Всем он поможет.

② **М. Крамеру**

Для ловли бабочек сачок,
Футляр со скрипкой и смычок.
Галоши, старый патефон,
Пластижки мировых имен —
Все Крамер нам в колхоз
привез,
Чем умиляет нас до слез.

③ **Женская бригада Геннадия Белова**

④ **Верх коллегиальности
из речей на собрании**

— Почему вы меня критикуете | занимаемся коллективно. Так кри-
за питание? Этим вопросом мы | тикуйте же весь коллектив!

В колхоз на один день приехал ознакомиться, как «отдыхают» и «работают» студенты, редактор многотиражки «Музыкальные кадры» Николай Шевлягин. Вечером над полями гремела песня, подхваченная будущими светилами вокала:

Огней так много золотых
На улицах Саратова!
Парней так много холостых,
А я люблю Шевлягина!

Лесорубы

В один из дней колхозный начальник отобрал из нас десяток крепких парней и объявил, что мы отныне лесорубы. В эту компанию попали я и мой друг с капелльских времен пианист Сашка Смирнов. Нас отвезли в глухой лужский лес, выдали пилы, топоры и предложили валить стройные серебристые сосны. Когда первый ствол упал на землю и чуть не задавил бригадира и двух студентов-вокалистов, начальник выругался трехстопным матом, почесал в затылке и стал «музыкантов» учить сложной профессии.

Мы исправно подпиливали, подрубали деревья, длинной вагой толкали их в нужную сторону. Вскоре колхозный начальник сказал с издевкой:

– Деревья валить – не на скрипке пилить! – и мы вступили в клан «лесных шабашников». Наши мускулистые музыкальные спины стали бронзовыми от солнца, пота и сосновой смолы. За нашу работу колхоз исправно вносил весомую сумму в наличных рублях, на которую можно было прокормить не одну консерваторию. В полдень нам прямо на делянку в лес привозили горячий обед, что готовила наша «кормилица» студентка-пианистка Света Акифьева. И лучшие куски доставались передовикам-лесорубам, двум Сашкам – Смирнову и Мурину.

С тех пор я научился профессионально валить деревья.

Кукурузники

Чтобы угодить Никите Хрущеву, председатель передового лужского колхоза «Смычка» засадил огромное поле кукурузой. Она, естественно, плохо прорастала в наших северных широтах. И вот студенты-консерваторцы (100 человек), будущие скрипачи, пианисты, вокалисты, дирижеры и композиторы, ухаживали за каждым ростком, как за ценным цветком. Все поле было поделено по квадратам между студентами. Но хрущевский фрукт не хотел расти. Тогда консерваторцев перебросили на строительство свинарника.

Крепкие музыканты месили в огромных чанах глину, навоз, подмешивая в них солому. Потом загружали все в ведра и тащили под блок, подымали на чердак и разливали ароматную жижу равномерно по поверхности. Лето было жаркое. Солнце пекло нещадно! Кока Позняков рационализировал процесс. Он разделся до плавок, влез голый в чан и устроил экзотический африканский танец под хоровое пение остальных на мелодию Родиона Щедрина из кинофильма «Высота»:

Не бригадиры мы, не плотники,
И огорчений вовсе нет!

Пианист-рационализатор
Коля Позняков.
Колхоз «Смычка». 1959 г.

Мы комсомольские работники,
И комсомольский шлем «привет»!
В ведро кладем навоз лопатою,
Затем несем его под блок.
Мы не гоняемся за платою,
Нам только выдержать бы срок...

А срок был всего два месяца наших летних каникул. В. С. Луценко гнал нас на работу и в дождь, и в ветер... Его лозунг:

Лил дождь, и ветер штормовой,
На поле вышли все со мной.
А Рудаков и Позняков
Боятся, видно, сквозняков!

Чердак свинарника мы все-таки построили!

Песенка герцога

Студент Митя Крамер, щупленький, забитый, про таких говорят «не от мира сего», привез в колхоз самое дорогое – скрипку, старый патефон и пластинки с записью арий из опер в исполнении Карузо, Джильи, Лемешева. После трудового дня в нашей казарме звучали хрипатые голоса с трескучих заезженных пластинок.

Как-то в страшный июльский ливень пианист Коля Позняков ввалился в спальню, зал деревенской школы, где мы валялись на нарах, и завопил с порога:

– Ребята! У кого есть что-либо от дождя?

Сашка Смирнов в ответ пошутил:

– Посмотри в тумбочке у Крамера! У него я видел пирамидон!

Коля сбросил мокрый плащ и плюхнулся на постель Мити. Вдруг под его мощным задом раздался визгливый пронзительный металлический звук. Это лопнула заводная пружина старого патефона. Крамер, что пилил на своей скрипулке, подбежал к нарам и, узрев поломку, горько заплакал, перемежая ритуальные еврейские похоронные песнопения с русским матом. Чтобы его успокоить, Коля поставил пластинку, опустил адаптер

и стал рукой крутить диск. Герцог из «Риголетто» начал свою арию «Сердце красавиц...» низким басом, затем все подымался вверх и закончил в диапазоне колоратурного сопрано. Ребята ржали от души над бедолагой, а он все рыдал и посылал проклятья окружающим комсомольцам.

Очки

Как приятно после жаркого трудового дня окунуться в холодные воды реки Луга и смыть благовонный запах навоза и пот с тел. До реки от нашего свинарника было полтора километра. Наша усталая орава трусцой шлепала к волшебной воде. Вечернее солнышко уже готовилось скрыться за горизонт. Мы спешили, пока на землю не опустилась ночная прохлада. У меня на носу красовались импортные солнцезащитные очки. Их привез маме кто-то из ее знаменитых учеников. Они вызывали зависть у ребят. Сбросив на крутом берегу с ходу одежду, я первым нырнул в воду. Когда появился на поверхности и отфыркивался, как морж, услышал дружные крики ребят:

– Очки! Очки!

Оказалось, мамин подарок слетел под водой с носа и пошел ко дну. Стало ужасно обидно! Я много раз нырял в мутную воду, пытаюсь найти пропажу. Ребята, искупавшись, стали расходиться. Остались только близкие друзья Сашка Смирнов и Кока Позняков. Они уговаривали бросить дохлую затею.

– Бедный муринский малютка, посинел и весь дрожал!

Но я продолжал свой поиск. Вдруг пальцами ног у коряги я нащупал очки! Засунул их в плавки, схватил корягу и с криком «Нашел!!!» отбросил корягу на середину реки:

– Не мои!

Ребята, плюнув в мою сторону, повернули домой. Я вылез, быстро натянул на себя одежду и побежал за ними. Увидав на моем синем носу злополучные очки, ребята начали тузить меня, чем разогрели мой ледяной организм. Когда мы вернулись в колхоз, было уже темно. Ребята на все лады рассказывали историю счастливого обретения «муринских» очков.

Концерт в «Смычке»

Открывал наш концерт скрипач Митя Крамер. Он вышел на «Сцену» в мятом-перемятом спортивном костюме, в тапочках на босу ногу и тубетейке. Должен был сыграть I часть Сонаты Бетховена. Пианино в колхозе в помине не было! Но как объявить название «Аллегро»? Я, ведущий концерт, придумал: «Людвиг Ван Бетховен. Веселое соревнование!» – так все и приняли. Митя остервенело пилил на скрипке своего Бетховена. А колхозники подбадривали:

– Ну, парень! Дает! – и дружно прихлопывали.

Затем ансамбль пел популярные песни. На финал приготовили изюминку.

Дело в том, что еще в капелльской школе Сашка Смирнов вызубрил на память романы Ильфа и Петрова «Золотой теленок» и «12 стульев». Он и стал режиссером, сценаристом и исполнителем роли Остапа Бендера. Кока Позняков получил роль Шуры Балаганова. А мне достался Паниковский. На ноги натянул женские панталоны, напялил пиджак 35 размера, а на голову соломенную шляпу-канотье, в которую, развлекаясь, ребята стреляли из помпового ружья. Видок был о-го-го! Шла сцена «40 братьев лейтенанта Шмидта». Как известно, к председателю приходят сыновья (Бендер, за ним Балаганов). Получив мзду, уходят. Третьим появляется Паниковский (то есть я). Глаза председателя (его играл вокалист Слава Азовцев) вылезают из орбит. Два помощника (тоже вокалисты) берут меня за руки и за ноги и, раскачивая, бросают на другой конец сцены. Смирнов (Бендер) комментирует: «И тело покойного было предано земле!» Но ребята перестарались. Вместо того, чтобы угодить на маты, я пролетел через весь портал сцены и ударился о стену, а затем рухнул на голый пол. В зал полетел новый матерный монолог. Гром оваций и крики «Браво!» были нам наградой. А разбитый бок и зад – всего лишь издержки большого искусства по Станиславскому, который в таких случаях кричал: «Верю!»

Председатель колхоза благодарил «артистов» за концерт и стenal:

– На хрена вы трудились на свинарнике! Надо было давать такие «концерты» по деревням и соседним колхозам! Эх, знать бы ранее!

Рукопись, найденная на антресолях

От редактора

В 1985 году моя семья по обмену переехала на набережную Фонтанки, в дом 50, где ранее жил знаменитый ленинградский дирижер Карл Ильич Элиасберг. На антресолях среди хлама, что выбрасывал на помойку, обнаружил потрепанную тетрадь, которая меня заинтересовала. На обложке прочел имя прежнего владельца: «Христофор Казимирович Хряпс. Краткий курс историй ВКП(б)». Друзья-музыканты рассказали, что автор – выживший из ума старик, подававший в прошлом большие надежды музыковед. Проходя в один из дней по Литейному проспекту близ Преображенского храма, он прочел на вывеске к своему удивлению вместо «БалТехФлот» – «БахТехФлот»! И крыша у бедного музыканта в штатском поехала окончательно. Я вспомнил, что встречал несчастного на спектаклях в Кировском и Малом оперном театрах (на бесплатных генеральных репетициях), на концертах в Капелле, Консерватории, Филармонии. Он что-то судорожно записывал в свой блокнот.

Находка меня захватила, и я решил опубликовать ее, так как автор был давно на небесах и вряд ли бы возражал.

Краткий курс историй ВКП(б)

Предисловие от автора

Долгие годы, активно участвуя в работе партии, я делал записочки, так, для себя, на всякий случай. Постепенно из разрозненных, пестрых фраз товарищей, выступлений, дискуссий сложилась небольшая книжица, которую рискую представить русскому партийному читателю. Надеюсь, переведенная на зарубежные языки, она будет полезна и импортному пролетариату в деле освоения нашей истории.

Свой труд посвящаю товарищам по партии... басов!!!

Христофор Казимирович Хряпс.

Краткий курс историй, всевозможных ка- ламбуров, приколов и баек, записанных Хряпсом Х. К. в XX веке

Глава 1

Постулат Глинки

Знает каждый идиот,
Пишет музыку НАРОД!

Глава 2

Постулат Петрова

Композиторы жируют,
На троих аранжируют!

Глава 3

О Букстехуде, Генделе, Бахе и его жене Вюлькен

Гендель встал, надел рубаху,
Побежал на завтрак к Баху.
Там пришла мысль: «Не худо
Отобедать с Букстехудо!»
Выпив водки на троих,
Обаяла Вюлькен их.
И пошла такая драка,
Коромыслом дым из мрака!
Гендель спер парик у Баха,
Тот порвал ему рубаху,
Вылили жаркое с блюда
В панталоны Букстехуде!
Всех попутал пьяный бес,
Ну а мир лишился месс!

Глава 4

Гайдн Йося был сквалыга,
Выпьет сам – Сальери фига!

Глава 5

Раз Бетховен Людвиг Ван
Лег с Терезой на диван.
По утру в гостиной Вана –
Ни Терезы, ни дивана!

(Тереза Брусникина – агент ЦРУ из США русско-венгерского происхождения)

Глава 6

О смерти В. А. Моцарта (версия Д. Неру)

Амадей Моцарт Вольфганг
Переплыть надумал Ганг.
А Сальери, подлый гад,
В Ганг подсыпал страшный яд!

Глава 7

О смерти реформатора оперы Х. Глюка

Не закрыл рабочий люк.
Так погиб Великий Глюк!

Глава 8

«Из всей музыки Бетховена я не знаю только «Аппассионаты». Не человеческая музыка», – сказал мальчик Вова (из воспоминаний его подружки Инны Орманди).

Глава 9

О гражданской позиции Н. А. Римского-Корсакова
Товарищи потомки!
Не верьте в сказки-были!
Вам говорят: «Садко утоп!»
Но гусли его всплыли!
(из поэмы В. В. Маяковского «Плохо»)

Глава 10

О причине смерти П. И. Чайковского

Был пред ним вопрос простой:

«Запивать грибки водой?»

Запивать-то надо оной,

Не сырой, а кипяченой!

(из поэмы В. В. Маяковского «Очень плохо»)

Глава 11

О происхождении сюжета Д. Д. Шостаковича «Болт»

По Марата авто мчится,

Отлетел от авто болт.

Это видел Шостакович,

И сюжет к нему пришел б!

Глава 12

Об опере «Мать» Т. Н. Хренникова на стихи А. М. Горького

Хоть опера и новая,

Но радости в том нет.

И музыка хреновая,

И матерный сюжет.

Глава 13

Об опере «Сорок первый» Д. А. Толстого на стихи Б. Лавренева в Кировском театре в Ленинграде

Будь у Марюты крепче нервы,

Толстой Д. был бы сорок первым!

(Красноармейца Марюту пела Словцова, белого офицера
Отрока – Гаврилкин.)

Глава 14

Об опере М. А. Глуха «Денис Давыдов» в Малом оперном театре в Ленинграде

Славят сотни колоколен:

В Ленинграде Глух – Бетховен!

(Главную партию пел В. Л. Матусов. После на крыше «Европейской» был шикарный банкет, как замечательно играл джаз!)

Глава 15

О «Кармен-сюите» Бизе-Щедрина

Знает каждый супермен,
Что Щедрин убил Кармен!
Ну а тенора Хозе
Придушил подлец Бизе!

Глава 16

Современный метод создания музыки

Разложил творец пасьянс,
Вдруг услышал диссонанс.
Диссонанс подпер кадансом
И назвал сие романсом!

Глава 17

О фразе Д. Голощекина «Сегодня каждая кухарка должна и может управлять джазом!»

У плиты стоит кухарка.
Значит, будет в джазе жарко.
В кайфе бедра, груди, щеки.
Подсвингуйте, Голощекин!

Глава 18

Наши оперы, товарищИ,
Заменяют народу щи!
А симфонии наши –
Ведро манной каши!
(Из выступления А. А. Жданова в 1948 году.)

Глава 19

В. Цой воскликнул как-то раз:
«Балдейте, девки, но!
Важнейшим из искусств для нас
Является «Кино»!»

Глава 20

О современной эстраде

Скажу серьезно, не для смеха:
Кабалье эстрады – Пьеха!

Вчера купил автомобиль,
Включаю радио – в нем Хиль!

Взяв случайно третье «до»,
Помни – ты не Виардо!

«Гениальные» фразы простых смертных музыкантов и студентов

Иван Сусанин завел фашистов в глухой лес, где они и замерзли!

~~~~~

Симфоническая поэма Лядова «Кикимоза».

~~~~~

Баба-яга бежит по лесу, стучит по деревьям и подпиливает их.

~~~~~

В «Волшебном озере» утонули все!

~~~~~

Композитор А. Гурилев сочинил романс «Грудь девушки»!

~~~~~

~~~~~

В начале оперы няня Арина Родионовна, Таня и Ольга варят
варенье и поют про львов: «Слыхали львы»!

~~~~~

Смертельно усталые колхозники принесли хозяйке Лариной
сноп пшеницы и тоскливо запели: «Болят мои скоры но-
женьки!»

~~~~~

У Чайковского три симфонии – 4, 5, 6!
(Ответ студента вок. факультета.)

~~~~~

В балете все говорят ногами!

~~~~~

Чайковский с Прокофьевым написали балеты «Спящая краса-
вица», «Лебединое озеро», а «Щелкунчик» написал
Шемякин Миша!

~~~~~

Прокофьев родился в семье богатого помещика
в колхозе «Солнцевка»!

~~~~~

Прокофьев написал оперу «Любовь за три апельсина»!

~~~~~

Мусоргская кучка была в Ленинграде на Невском, 86.

~~~~~

Цензор Кюй был в кучке!

~~~~~

Бородин вступил в кучку!

~~~~~

~~~~~

В «Богатырской симфонии» Бородин показал пир богатырей
на кургане при блеске солнца и погоню за ним!

~~~~~

Князя Игоря пленил хан Колчак.

~~~~~

В опере Бородина есть хор «полонянок».

~~~~~

Опера Мусоргского «Хозяйщина».

~~~~~

Кюи обругал Мусоргского в газете «Ленинградская правда»,
после чего тот по-русски спился от водки.

~~~~~

Репин нарисовал Мусоргского маслом.

~~~~~

Евгений Онегин умирает у хибарки Параши,
а хор за кулисами поет «Гимн Великому городу Ленинграду»
композитора Глиэра.

~~~~~

Семья Шостаковича в 30-е годы жила на Марата, 9, на чердаке.

~~~~~

Опера Шостаковича «Леди Майер Берг Мгинского района».

~~~~~

В Ленинградском Малом оперном театре в 30-е годы на хорах
была лаборатория.

~~~~~

У Руслана невесту Людмилу умыкнул Фальстаф.

~~~~~

~~~~~

В конце оперы Держинского тиходонцы поют:
«От края и до края...»

~~~~~

Балет Щедрина по Чехову «Дамочка с собакою».

~~~~~

Поменьше ешь, побольше пей, и будешь соловья седей!
(В. П. Соловьёв-Седой)

~~~~~

Коль тебя поносит гений – значит, ты Иван Тургенев!

~~~~~

Сюжет балета «Ревизор» Чайковскому подсказал Пушкин!
(Чайковский Борис – композитор, Пушкин – педагог Ваганов-
ской академии)

~~~~~

Песня «Вот салаты идут!» ВПСС
(музыка В. П. Соловьёва-Седого)

~~~~~

Захватила, словно мафия, Петербург хореография!
(Борис Эйфман)

~~~~~

Знайте: Хренникова лира обрюхатила Шекспира!
(Балет Т. Н. Хренникова «Много шума из ничего»)

~~~~~

Музыку к фильму «Кавказская пленница» написал грузинский
композитор Римский-Сааков.

~~~~~

Роялист – виртуоз на рояле!

~~~~~

~~~~~

Баянист – виртуоз игры на народных инструментах.

~~~~~

Наташа, утонув в Днепре, родила князю русалочку.
(Даргомыжский «Русалка»)

~~~~~

Франц Лист приехал в Петербург и играл на рояле в большом зале Ленинградской филармонии имени Д. Д. Шостаковича.

~~~~~

Глинка был лентяй и мот! А. Петров – наоборот!

~~~~~

Реквием – музыка для покойника!

~~~~~

Дирижер Равель Мартынов.

~~~~~

Верди, кроме опер, ничего не писал.

~~~~~

У Сен-Санса танцуют все: и львы, и слоны, и минералы, и рыбы.
И даже умирающий лебедь!

~~~~~

Опера «Аида» написана Верди в Египте в честь открытия пирамиды Пифагора.

~~~~~

Опера Верди «Сицилийская вечеринка».

~~~~~

«Нескончаемая симфония» у Шуберта не заканчивается.

~~~~~

~~~~~

Рассказ Паустовского о Григе «Шишкин в корзинке».

~~~~~

Афиша «Равело – Болеро».

~~~~~

Программа Мюзик-Холла «Балтийский вертер».

~~~~~

Опера Верди «Дон Карлсон».

~~~~~

Вольфганг Амадеевич Моцарт.

~~~~~

Жордж Бидзе написал оперу про супермена «Карл Мэн».

~~~~~

Крутит баба фуэте – к сожалению, не те!
(Н. Цискаридзе об А. Волочковой)

~~~~~

Открывая новую сцену театра, начальник культуры сказал:
«Деньги пошли ни туда-сюда, а в одно место!»

~~~~~

Детская школа на Матвеевом переулке –
«Детский Педсоциум в музыке».

~~~~~

Послесловие

К 80-летию А. А. Мурина

В семейной жизни был неплох,
И не ловил в искусстве блох,
И не играл с друзьями в прятки,
И не кидал их, как перчатки,
А в чем грешил за много лет –
Лишь только Богу дам ответ!

18 декабря 2016 года

Оглавление

Вступление.....	3
Сверчок.....	3
Капеллане.....	4
Александр Сергеевич Дмитриев.....	5
Дмитрий Георгиевич Китаенко. <i>Щен</i>	11
Николай Иванович Кунаев. <i>Подарок</i>	14
Алексей Михайлович Степанов. <i>Алешенька</i>	17
Звезда по имени Евгений Колобов.....	19
Александр Емельянович Никлусов. <i>Никлусыч</i>	21
Делопроизводитель. <i>Е. С. Хомутенко</i>	26
Дворник дядя Паша. <i>Капелльский детектив</i>	28
Семейственность.....	30
Ария Руслана.....	31
Пестрые страницы.....	33
Подарок Александра Гаука. <i>Гушка</i>	33
Найда.....	35
Как Сталин звонил Ленину.....	37
Последняя песня.....	39
Хранители.....	41
Павел Алексеевич Серебряков.....	44
Как меня выгоняли из партии.....	46
Рисунки по заказу. <i>Николай Семенович Рабинович</i>	48
Письмо К. Б. Птице.....	53
Вальс Равеля.....	54
Весточка с Кубы. <i>Письмо Рауля Диаса</i>	54
Конфуз в «Кавказском».....	58
Дом Стравинского.....	60
На концерте Стравинского.....	62
Радостный дебют. <i>О первом концерте возрожденного Академического любительского хора Петербургской консерватории</i>	64
О книге «Здесь живет музыка». <i>К 45-летию Астраханской консерватории</i>	65
Григорий Романович Ширма. <i>Батька Грыгор</i>	68

Хозяйка жареных сапог.....	71
Троица. <i>Кое-что о псевдонимах</i>	74
Верю в «Зенит». <i>Кумиры детства</i>	75
О моих родных	78
История клана Муриных за 220 лет.....	78
102-я школа отца.....	88
Записки отчаявшегося.....	94
<i>Отрывки из дневника Алексея Григорьевича Мурина</i>	94
<i>Послесловие</i>	105
Два случая со Школьником.....	105
Вера. <i>История одной судьбы</i>	107
<i>Весточки из Гамбурга</i>	110
Александр Григорьевич Мурин. <i>К столетию со Дня рождения</i>	112
Два Василия.....	114
Крестная. <i>О Кудрявцевых с Митрофаньевского</i>	116
Запах мандариновых корочек.....	118
Анна Федоровна Чураева. <i>Тетя Нюся</i>	119
Соната Прокофьева. <i>Сон</i>	125
Вокруг Реквиема	126
Вокруг Реквиема.....	126
Б. Бриттен. Реквием.....	131
У Необходимыча. <i>А. Н. Дмитриев</i>	136
А. Н. Дмитриев. Бенджамин Бриттен. Реквием.....	138
Судьба клавира.....	145
По цене двух бутылок пива. <i>Г. С. Усова</i>	147
Дон Педро и его кукольный театр, который лопнул. <i>В. П. Бетаки</i>	149
Толмачи	151
Переводы для Густава Эрнесакса, Пятраса Валиониса, Куно Аренга.....	153
Переводы для А. В. Свешникова.....	154
Стенгазетчики.....	156
Экзерсисы в Консерватории.....	158

Прибалтийские рассказы	160
32 000. Мечта Густава Эрнесакса.....	160
Великий Карл. Карл Лейнус.....	161
Юбилей Куно Аренга.....	162
Леонид Вигнер и Эдгар Тонс.....	164
Прибалтийские эскизы	166
Старый Таллин.....	166
Старый Вильно.....	170
На родине Чюрлёниса.....	174
60 лет спустя (Из старых тетрадей)	176
Забытые русские композиторы.....	176
Ю. С. Сахновский. Русский музыкальный деятель.....	177
Один из русских... Виктор Сергеевич Калинин.....	185
Колхозные рассказы-байки	193
В «Смычке».....	193
Лесорубы.....	196
Кукурузники.....	197
Песенка герцога.....	198
Очки.....	199
Концерт в «Смычке».....	200
Рукопись, найденная на антресолях	201
От редактора.....	201
Краткий курс историй ВКП(б).....	201
Предисловие от автора.....	201
Краткий курс историй, всевозможных каламбуров, приколов и баек, записанных Хряпсом Х. К. в XX веке.....	202
«Гениальные» фразы простых смертных музыкантов и студентов.....	206
Послесловие	212
К 80-летию А. А. Мурина.....	212

Александр Алексеевич Мурин

Записки капелльского сверчка

При поддержке kapellanin.ru

Тираж 200 экз. Заказ № 1806
Отпечатано в ООО «ИПК НП-Принт»
Санкт-Петербург
2017 год

«Записки капелльского сверчка» – третья книга рассказов известного петербургского музыканта, педагога, хормейстера, историка, краеведа, радиожурналиста Александра Алексеевича Мурина (р. в 1936 г.). За свою творческую жизнь он публиковался в журналах «Нева», «Автобус», «Искорка», «Петербургский театральный журнал», провел многочисленные радиопередачи в циклах «Прогулки по Петербургу», «Андреевский флаг», «Мифы и легенды Ленинграда-Петербурга», «Хоровые вечера». Окончив Хоровое училище при Капелле и Консерваторию, как хормейстер работал с известными ленинградскими коллективами, встречался, общался, дружил со многими знаменитыми людьми XX века. Они и стали героями новой книги Александра Алексеевича.

Наряду с историями о музыкантах, капелланах и родных автора, мы узнаем его с новой стороны – как переводчика, художника, карикатуриста. В книге чередуются забавные случаи и полные трагизма эпизоды, оживают давно ушедшие имена, персонажи и истории.

